

СЛЕД
 ПРИКЛЮЧЕНИЯ и ФАНТАСТИКА
 О ГЕРОЯХ
 РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ
 ЗЕМЛЯКАХ
 СЧЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ
 ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
 УРАЛ ВЧЕРА СЕГОДНЯ ЗАВТРА
 КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ
 СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

ГОТОВЬСЯ СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ. ● ТРАССОЙ БУДУЩИХ СТРОЕК. Пугево очерк А. Граевского. ● ПО ШЕСТИДЕСЯТОМУ МЕРИДИАНУ. Репортаж о летней экспедиции «Уральского следопыта». ● ПАРЕНЬ ИЗ ТАЙГИ. Стихотворение Б. Ручьева. ● КОМСОМОЛЬСКО-ФЛОТСКАЯ. Очерк В. Старикова. ● ДРУГ ЮНОСТИ. К столетию журнала «Вокруг Света». Заметки Мих. Зуева-Ордынца и Николая Ловцова. ● УЗНИК УРАЛЬСКОГО ШЛИС-СЕЛЬБУРГА. Исторический очерк Игоря Шакинко. ● ХРОНИКА НАХОДОК. ● ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ. ● НАШ АКТИВИСТ АНАТОЛИИ МАЛЬЦЕВ. ● ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ? Приключенческая повесть В. Очеретина. ● БУДЬ ТАМ, ГДЕ НУЖНЕЕ ВСЕГО. Рассказ Дмитрия Николаева, присланный на конкурсе. ● *ЭМЭРЭС 53892. Рассказ Б. Рябинина. ● ГАЗЕТА СЛЕДОПЫТА.

На второй странице обложки «Елочка», скульптура студента института имени Сурикова В. Никифорова.

1

ЯНВАРЬ

1961

ГОТОВЬСЯ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Прежде чем высказывать свои новогодние пожелания нашим читателям, я решил сделать небольшой экскурс в прошлое, в то самое прошлое, когда нам — тогдашним следопытам — было примерно столько же лет, сколько сейчас вам.

Помню, со своим другом Александром Емельяновым (он сейчас работает на Свердловском турбомоторном заводе) мы мечтали о профессиях летчиков, моряков, геологов. Только эти профессии казались нам тогда самыми достойными.

Представьте себе, как два страстных мечтателя спорят друг с другом о том, «что же все-таки лучше?»! Мы рылись в книгах, мы не пропускали ни одной встречи с летчиками-героями, моряками-полярниками, геологами-первооткрывателями рудных залежей. Нам казалось, что именно эти люди делают историю, что именно они прославляют и возвеличивают нашу страну.

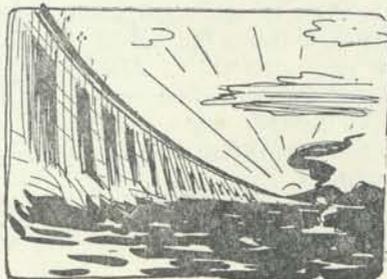
Нам было очень трудно разобраться в своих

желаниях и устремлениях. Мы выдвигали «убедительнейшие аргументы» в пользу сегодня — профессии летчика, завтра, взвесив все «за» и «против», — моряка, послезавтра — геолога...

Не знаю, чем бы завершились в конце концов наши «теоретические схватки». Может быть, мы стали бы летчиками и сейчас на сверхзвуковых самолетах штурмовали небо. Может быть, мы стали бы моряками и сейчас, как члены экипажа подводной лодки «Северянка» и атомхода «Ленин», бороздили просторы Северного Ледовитого океана; может быть, став геологами, кто-нибудь из нас первым поставил на карте значок якутских алмазов или Соколовско-Сарбайского рудного месторождения; может быть...

Все дороги были открыты перед нами так же, как и перед вами они открыты сейчас. Мы выбирали одну из них. Выбирали трудно, придирчиво. Выбирали, «чтобы на всю жизнь»...

Но вспыхнула война. Нам, семнадцатилетним,

предоставилось великое право выполнить свой священный долг — защищать свою Родину.

Отодвинулись на неопределенный срок мечты о мирных профессиях — мы стали солдатами. В солдатских шинелях и с оружием в руках шли мы с боями по тем самым местам, где сейчас героями-строителями проложен Волго-Донской канал, геологами открыты курские железорудные залежи, форсировали Днепр в том самом месте, где воздвигнута Каховская ГЭС...

Как-то (это было в Белоруссии под городом Петраковым) в подразделение к нам пришел начальник политотдела дивизии полковник Ивушкин. Время было сравнительно спокойное: часть стояла в обороне, и мы, сидя неподалеку от орудий, мечтали о предстоящей мирной жизни. И, конечно, наша солдатская мальчишеская мечта не уходила дальше того, что «вот вернемся домой, сменим гимнастерки на гражданские костюмы и при всех наградах пройдем по улицам... Вот посмотрят на нас «тыловки»...

Посмотрят и скажут, — спокойно проговорил Ивушкин. — Эко, носы как позадирали. Разгромили фашистов — честь вам и слава. Но ведь дело-то не закончено, работа ждет ваших рук... Что вы умеете делать, кроме меткой стрельбы?

И с того памятного дня мы стали готовиться к мирной должности Человека.

Не знаю, где раздобыл сержант Нишкомаев учебники по агрономии, но я видел собственными глазами, как в перерывах между боями его расчет по-деловому обсуждал проблемы плодородия на подзолистых и черноземных почвах.

Не знаю, где посчастливилось разведчику Григорию Каменному (сейчас помощник капитана на одном из судов Тихоокеанского торгового флота) «разжиться» учебниками по алгебре, физике, геометрии, тригонометрии и литературе. Но факт, что, вернувшись из поиска, он собирал вокруг себя охотников после войны поступить в вуз.

Так изо дня в день мы — тогдашние солдаты — готовились к высокой должности настоящих, полноценных людей-созидателей.

Эти размышления навел на меня первый листок нового календаря на 1961 год. «Чем он будет знаменателен? — подумал я. — Какие листы, какие числа впоследствии окрасит кумачовый цвет победы?»

А их должно быть много. Не сегодня-завтра первый советский человек поднимется в Космос, не сегодня-завтра гигантская плотина проляжет через Берингов пролив и теплые воды Куро-Сиво растопят вечные льды Арктики, не сегодня-завтра люди разгадают вековечную тайну океанских глубин и поставят себе на службу их энергию.

И еще подумал я о простых, будничных делах, из которых слагаются великие.

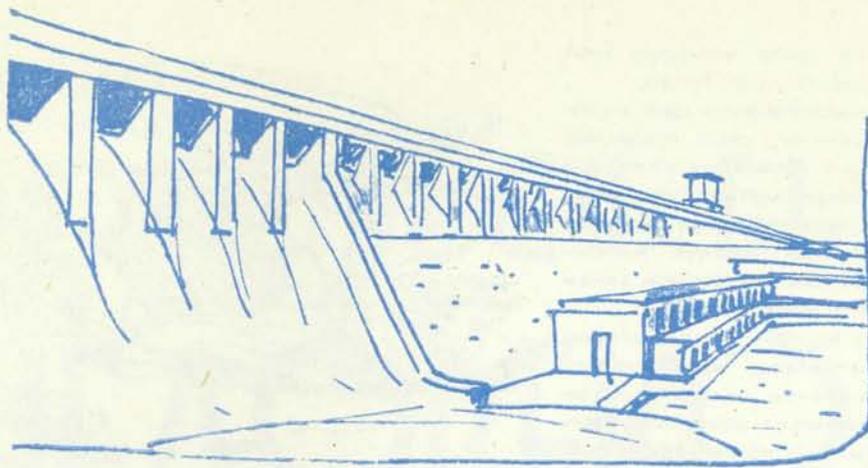
Каждый новый день — это строка на годовой странице истории. И от нас зависит, о чем будет повествовать эта строка потомкам, потому что мы своими делами должны дать материал для этой строки.

Каждый день делай какое-нибудь полезное дело для общества!

Готовься к высокой должности Человека!
С Новым годом!
Счастливым годом!

В. ШУСТОВ

Рисунки Ю. Ефимова

Александр
ГРАЕВСКИЙ

нас на Урале прошлое, настоящее и будущее подчас находятся совсем рядом, как бы нарочно давая возможность сравнить их. Именно так получилось в Перми.

...Много лет стояла на обочине Сибирского тракта, по которому шел горький кандальный путь, тюрьма. Уже и Сибирскую заставу, которая обозначала начало тракта, снесли, а тюрьма все оставалась. Наконец, дошла очередь и до нее. Самое мрачное наследие прошлого решили переделать в самое светлое. Короче говоря, здание перестроили под детский театр.

Именно в детском театре — бывшей тюрьме — и проходили заседания сессии Уральского филиала Академии наук СССР с участием работников Пермского совнархоза.

В зале сидели ученые, инженеры, хозяйственники. Доклад, который они слушали, был густо оснащен цифрами — километры, кубометры, киловатты. Несмотря на это, он звучал, как поэма о грандиозных планах переделки природы.

Если инженеру Г. Л. Саруханову, выступавшему по поручению «Гидропроекта», привести подобное сравнение, он, возможно, обиделся бы. Поэма — это что-то из области вымыслов и домыс-

лов... А у него в руках — точные расчеты, неопровержимые данные.

Точность — неотъемлемое качество хорошего инженера. Г. Л. Саруханов — хороший инженер. Но желание быть точным заставляло его держаться несколько суховато. Он как бы подчеркивал: смотрите сами, не я убеждаю, цифры убеждают, логика убеждает...

НА РЕЧНОМ РАСПУТЬЕ

Север Пермской области... Бескрайнее лесное море, ошетилившиеся чернолесьем горные кряжи и болота, болота... Описав большую дугу, Кама у села Бондюг резко поворачивает на юг, уводя за собой младших сестер — Весляну, Южную Кельтму, Пильву, Вишеру. Прочь из этих суровых мест, в теплые края! И катятся воды бесчисленных рек и речек, сливаясь в могучий поток, достигающий Волги. А уж волжской воде прямой путь в Каспий.

И здесь же, рядом с верховьями камских притоков, иной раз буквально кочками от них отделенные, берут начало речки, у которых иная судьба. Текут они не на юг, а на север, к студеному морю. Часть из них собирает многоводная Печора, часть — своеобразная Вычегда. И течет уральская вода, веками течет в раз-

ные стороны, так, как это природой было однажды устроено.

В нашем лесном краю (да и не только в нашем) реки издревле выполняли роль дорог. И неудивительно, что здешний край с давних пор известен волоками, соединявшими различные бассейны рек. С Севера на Урал и обратно везли много грузов через волок между притоками Камы и Печоры.

Первым, еще в начале XVIII века, предложил соединить две речные системы крупный организатор уральской горной промышленности, градостроитель и ученый Василий Никитич Татишев. Он намеревался двинуть уральское железо по водному пути не только в Питер, но и в Архангельск. Его мысль, правда, не осуществилась. Но о ней не забыли.

В 1785 году, более шестидесяти лет спустя, все-таки приступили к строительству канала, который должен был соединить верховья Камы и Печоры. Дважды прерывалось это строительство и тянулось, даже по тогдашним масштабам, необычайно долго — до 1822 года!

Наконец, канал, нареченный Северо-Екатерининским, был открыт. Он соединял речку Джурич — приток Южной Кельтмы, текущей в Каму, — с Северной Кельтмой, притоком Вычегды. Крестьяне, согнанные сюда на подневольные работы, топором и лопатой создали новый водный путь.

Но не под силу царскому строю было по-настоящему освоить суровые северные края. Всего через шестнадцать лет после окончания строительства Северо-Екатерининский канал закрыли — не хватало сил, чтобы провести работы на подходах к нему.

Так бесславно закончилась попытка царских властей освоить водораздел Камы и Северной Двины. Правда, Северо-Екатерининский канал еще долго помечали на картах, но, в конце концов, и это перестали делать. На последних картах Пермской области и Коми АССР его не найдешь. К чему помечать сооружение, заброшенное более ста лет назад?!

Но в докладе инженера Саруханова мы услышали эти, казалось, давно забытые названия: Северная Кельтма, Северо-Екатерининский канал, Джурич, Южная Кельтма... Будущее протягивало руку прошлому. Но как несоизмеримы масштабы того, что было свершено, и того, что свершится!

НАЧАЛО МАРШРУТА

Наше решение пройти по трассе будущего Камо-Вычегодского соединения родилось еще зимой. Удалось достать схему, на которой были помечены шлюзы, и даже часовня, некогда сооруженная на самом водоразделе бассейнов Камы и Северной Двины. Достали и карты, на которые был еще нанесен Северо-Екатерининский канал.

Правда, сто двадцать два года — достаточно почтенный срок. Кто его знает, может быть, от канала и следов не осталось... Но по некоторым отрывочным сведениям выходило, что на лодке по нему все же пройти можно.

«Муза дальних странствий» вела нас в путь не потому, что нам просто хотелось взглянуть на остатки древнего гидротехнического сооружения. Мы довольно хорошо знали прошлое и будущее этих мест, но имели слабое представление о их настоящем. А очень хотелось побывать там, где советские люди вскоре начнут переделывать природу.

А переделывать ее непременно надо, и именно в том месте, где намечено. Судите сами. Разве не ошибка природы, что Северная Двина с Вычегдой и Печора ежегодно сбрасывают в Северный Ледовитый океан десятки кубических километров воды, а Каспийское море в это же самое время мелеет? Уже в 1956 году его уровень был на 245 сантиметров ниже, чем в 1929 году. Ученые утверждают, что в дальнейшем Каспий будет продолжать мелеть.

Отступление моря — настоящее бедствие для портов, для рыбного хозяйства. А ведь Каспий недаром зовут «рыбным садком» страны. Существует несколько проектов регулирования уровня Каспийского моря. И все же предпочтение сейчас явно отдают одному — направить сюда воды северных рек. Построив гигантское Камо-Печоро-Вычегодское водохранилище, самое крупное водохранилище из всех, созданных человеком на земле, можно будет ежегодно без всякого ущерба для природы и хозяйства сбрасывать в Каспий около сорока кубических километров воды. Очень много!

Но это не вся выгода нового сооружения. Вода северных рек по пути к морю заставит вращаться турбины многих электростанций. Они дополнительно вы-

работают за год 10,8 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. Это все равно что построить еще одну Волжскую ГЭС имени В. И. Ленина!

Выше Соликамска кончается зона подпора Камского водохранилища. И

сразу река входит в берега, течение становится напористым. Но что обидно — едва выберется относительно крупное судно из водохранилища, как ему дальше уже не плыть: мелководье.

Пришлось и нам пересаживаться на небольшой пароходик «Татреспублика», который здесь ласково зовут «татарочкой».

И вот мы на пристани Тюлькино, ожидаем «татарочку». Рядом расположилась группа людей, судя по всему, небольшая геологическая партия. Старший из них, невысокий, плотный мужчина в зеленом брезентовом плаще, рассуждает вслух:

— Вы только представьте, ребята, что здесь станет лет через шесть — восемь. Нашей «татарочке» и подниматься вверх страшновато будет. Отсюда настоящие речные громадины пойдут. А в Соликамске — красавица гидростанция. Плотина от берега до берега на пять километров. И, конечно, шлюз. Кого только не увидишь: суда с воркутинским углем, с печорским лесом. Смотришь, и иностранец какой затесался — с Балтийского моря в Каспийское туристы едут. Красота!

Наш невольный собеседник сдвинул шапку на затылок, обнажив изрядно поседевший ежик.

— Кто тогда нас, геологов, вспомнит?.. А разве без нас строителям справиться?.. Вот, например, здесь: метров двести пробуришь — начинаются соли да гипсы. Вода растворяет их, размывает — и нет плотин! А мы все разведали, дали рекомендации: ниже такого-то уровня воду не пускать! Вот и смирилась вода, на человека работает. Успевайте, оглядывайтесь кругом, потом сравнивать будете. Да гордитесь, что эту красоту и вы делали.

На самом деле, всегда ли мы помним тех, кто «руки приложил» к большому, всенародному делу?.. Взять, к примеру, это самое Камо-Печоро-Вычегодское соединение. Пока сравнительно невелик круг людей, создающих его. Но с каждым днем этот круг все ширится. Геодезисты, геологи, проектировщики... Недалек день, когда в один ряд с ними встанут и строители.

Большие дела на Верхне-Камском гидроузле не за горами. Так не будем же забывать и седоватого геолога с его молодыми товарищами!..

« НА ВООРУЖЕНИИ » — ЛОДКА

«Пароходный» этап нашего путешествия заканчивался в Рябино, пристани на правом берегу Вишеры. Выше ее устья Кама перегорожена громадной запанью Керчевского сплавного рейда, самого крупного механизированного рейда в мире.

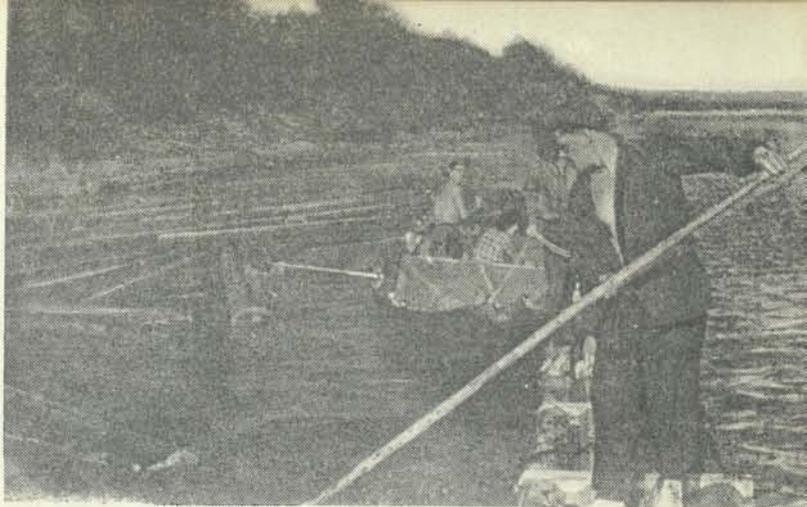
Чтобы попасть на «чистую воду» выше этой запани, мы дали круг. Из Рябино быстро добрались автомашинами до Чердыни, а затем и до старинного села Бондюг. Здесь мы снова огутились на Камском берегу. Дальше предстояло плыть на лодке.

На крыльчке сплавного участка, где нам еще прежде обещали достать и оборудовать лодку, сидела, по случаю вечернего времени, группа рабочих. Мы, конечно, сразу же принялись выяснять о нашем маршруте. А от нас, в свою очередь, хотели узнать, скоро ли начнется строительство плотин и каналов, которые преобразят лицо всего лесного края. Общее мнение сводилось к одному:

— Чем скорей, тем лучше! Переделать наш край давно пора, и Каму — в первую очередь.

В том, что Каму нужно «переделать», мы сами убедились через несколько часов, когда пустились по ней в плавание. Не успев отплыть от Бондюга, мы... заблудились. Самая большая уральская река здесь вовсе не такая величавая и полноводная, какой мы привыкли ее видеть, скажем, в Перми. Кама здесь довольно узкая, песчаные мели пересекают ее почти от берега до берега. И всюду вдоль этих мелей стоят отбойные боны — узкие, связанные в длинные цепочки плотники. Ударяясь о них, бревна направляются течением на более глубокие места. Правда, и боны не всегда помогают. Обсохшего на берегах леса так много, что просто больно было смотреть на это гибнущее народное богатство.

Наша лодка, изрядно осевшая под тяжестью шести человек, мотора и остаточного груза, долго лавировала между бесконечными бонами. Первый приток на пути из Бондюга — Пильву — отыскивали довольно свободно. А вот вторую речку, по которой нам плыть дальше, нашли далеко не сразу. То и дело попадаются на пути протоки и старицы. В од-

Лавируем между бревнами...

ну из таких стариц мы, в конце концов, и заскочили. С трудом продвинулись по ней метров полтораста, пока кто-то не сообразил:

— Смотрите, трава в разные стороны направлена. Здесь течения нет.

Пришлось выбираться обратно.

Первое приключение на реке. Сколько их еще будет у нас впереди?..

Все-таки кто же это — «мы»? Пожалуй, пора рассказать и о составе нашей экспедиции.

Мы — представители веселого, неунывающего племени туристов. Известно, стоящего туриста хлебом не корми, а дай выбрать путешествие потрудней да понеобычней. Впрочем, «хлебом не корми» — поговорка-пережиток: на отсутствие аппетита никто из нас за время не легкого пути не мог пожаловаться.

Итак, несколько слов о себе (все остальное — «о времени»).

На корме, отделенные от остальных бочкой с горючим, уселись наши механики — молодой рабочий-электрик, вчерашний десятиклассник Рудольф и студент медицинского института Юрий. Он, кстати сказать, оказался «докой» по части мотора. Да и вел лодку очень неплохо, правда, не без лихости. К счастью, ОРУД еще не ввел на этих реках свои правила движения...

На среднем сидении разместились еще два представителя студенчества — Владимир и Рита, будущий врач и будущий педагог. Первый — наша основная «тягловая сила» в тех случаях, когда нужно толкать лодку, вторая — знаменитый (по нашим масштабам) «водолив»: воды в лодку через многочисленные щели проникало больше чем достаточно.

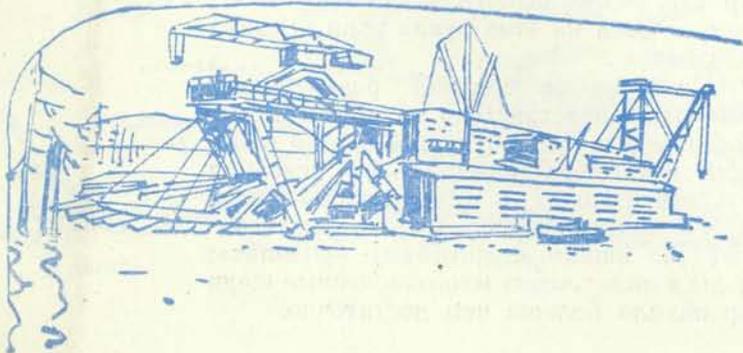
Представителей старшего поколения — великого знатока туристских троп Сергея Афанасьевича и меня — усадили на носу, подальше от бочки с бензином: известно, курильщики — народ в таком соседстве нежелательный.

Итак, мы на Южной Кельтме. В нижнем течении она походит на Верхнюю Каму. Но уже вскоре, входя в зону болот, река приобретает «свое лицо». Берега почти вровень с водой, течение совсем незаметно.

Вода в Южной Кельтме темная, болотистая. На ее фоне особенно эффектно выглядят тысячи белых лилий. Заросли этих красивых цветов мы приветствуем радостными криками: там, где растут лилии, пропадают мели.

Берега реки пустыни. Деревня в несколько домиков да поселок лесозаготовителей Ольховка — вот и все населенные пункты. Громадные лесные массивы, особенно чуть в сторону от речных путей, стоят еще совсем нетронутыми. На сотни километров не встретишь человеческого жилья.

Невольно возникает вопрос: как же здесь развернется гигантская, даже по нашим советским масштабам, стройка? Потребуется дороги, машины, горючее, наконец — люди, очень много людей...

Водохранилища затопят здешние леса. Неужели это «зеленое золото» пропадет?

Нет! — отвечают конструкторы «Гидропроекта». Под воду уйдет примерно восемьдесят миллионов кубометров леса. Если их вырубать обычным способом, «по мерке настоящего», то есть создавать лесные поселки, прокладывать узкоколейки, — потребуются миллиарды рублей и... годы времени.

Конструкторская мысль идет другим путем — «по мерке будущего». Уже рождается проект гигантского «лесного комбайна». Это большое судно, на котором будут установлены механизмы для того, чтобы под корень срезать уже затопленный лес, поднимать его на палубу, очищать от сучьев и коры, разделять бревна на тес, шпалы, строительные детали. А отходы производства пойдут на питание силовой установки комбайна.

Новая техника скажет свое веское слово на любом участке работ. Там, где потребуется намывка земляных дамб, где нужно будет прокладывать гигантские реки-каналы, появится новый, небывалый еще земснаряд. Он втрое превысит мощность самого сильного земснаряда, существующего сейчас, будет перемещать за один час три тысячи кубометров грунта. По подвесному трубопроводу земля из русла будущего канала сразу пойдет на берег. И еще одна деталь: земснаряд проектируют сделать разборным, чтобы его можно было доставить к «месту действия» по малым рекам, — по тем самым, которыми доводится сейчас плыть нам.

Уже сейчас проектируются специальные землеройные машины, гигантские прицепы-самосвалы, многое другое. В конструкторских бюро наступление на водораздел уже началось!

ПО ТАЕЖНОЙ РЕКЕ

На следующий день Южная Кельтма показала нам, на что она способна. Первый час плавания не пробудил особого беспокойства — те же глубокие, спокойные плесы. Зато потом — началось: травянистые перекаты, затонувшие коряги, мели. Пришлось помогать нашей десяти-сильной «Москве» шестью человеческими силами. Но вот километров через пятнадцать — двадцать река решила дать нам отдых. И тут же, за очередным поворо-

том, мы неожиданно увидели лодку. Мужчина с мальчиком выбирали сети. Это были жители деревни Канава, которая стоит на Северо-Екатерининском канале, уже в Коми АССР.

Эта встреча окрылила нас. Ведь плавают же из Канавы сюда! Правда, на легких лодках-осиновках, которые, наверное, и в блюде проплывут. Наша лодка значительно тяжелей, зато нас — шестеро!

Оживленное обсуждение этой проблемы было прервано еще одной встречей. Метрах в пятнадцати перед носом лодки не очень торопливо пересек речку красавец лось, разбрызгивая воду своими длинными ногами.

Наконец, раздался торжествующий клич «впередсмотрящего»:

— Джурич!

Перед нами открылся тенистый, узкий, несколько даже таинственный вход еще в одну речку, по которой предстояло плыть дальше на север.

Джурич — настоящая таежная река. Протекает она в такой лесной глухомани, где даже птичьего гомона не услышишь. По обоим берегам стеной стоит угрюмый лес. Вода подмывает корни деревьев, и они сначала нависают над рекой причудливыми арками, а потом падают, образуя завалы.

Пробиваться по таким завалам на нашей, отнюдь не малогабаритной лодке было просто тяжело. И надо отдать должное рулевому Юрию: он справлялся с этим делом мастерски, «крутил слалом». А когда и это не помогало, приходилось браться за пилу, прямо в воде перепиливая груды затопленных стволов.

На Джуриче нет ни одного населенного пункта. Безлюдье — раздолье для лесных обитателей. Где ни пристанешь — всюду на берегах следы разного зверья. Но на Джуриче, как и на Южной Кельтме, мы, к сожалению, видели и другое: сети, перегораживающие речки в нескольких местах от берега до берега, ободраные лосиные скелеты и следы костров рядом с ними. Нет, не приобрели еще силы в здешних краях законы об охране природы. А жаль...

ДРЕВНИЙ КАНАЛ

В глухой стене леса — вдруг большой прогал. Глаз отвык воспринимать далекую перспективу, странной кажется эта широкая, прямая просека, уходящая вдаль до самого горизонта. По середине ее — небольшой ручей, через него вместо мостика перекинута бревно. И не сразу

Приходилось прибегать к такому способу плавания...

Современные «бурлаки» на древнем канале.

доходит до сознания, что это и есть канал. Да, тот самый Северо-Екатерининский канал!

Так вот он какой, водораздел, граница двух громадных речных систем! Почти полтора века прошло с тех пор, как люди отказались от попыток перевозить через него грузы. После кратковременного оживления вновь задремал здешний край. Но не долго осталось ему поживать! Не пройдет и десяти лет, как уже не маленькие баржонки, а громадные речные суда будут бороздить здесь воды похожих на моря искусственных водохранилищ и каналов.

Невольно пришли на память слова старого геолога: «Успевайте, оглядывайтесь кругом, потом сравнивать будете».

Но вернемся к сегодняшнему дню. На травянистом мыске, разделяющем канал и Джурич,— две палатки, группа мужчин в белых рубашках и женщин в белых платьях. Пристаем к берегу, знакомимся. Жители деревни Канава, у которых здесь, «за границей» (в другой области), покосы, не скрывают удивления. На их памяти еще до войны прошел по каналу какой-то катерок. И с тех пор никто из путешественников, да еще на такой сравнительно большой лодке, не пытался проплыть через «канаву».

Картина отсюда открывается очень живописная. Хоть и много времени прошло, но все равно сразу видно, что здесь не просто ручей, а творение рук человеческих. Некогда канал огородили земля-

ными валами. Они целы и сейчас, служат сенокосными угодьями колхозу «1 Мая», находящемуся в Канаве.

Да, совсем другим будет новый канал, трасса которого пойдет в здешних местах. Сверхмощные земснаряды проложат настоящую искусственную реку шириной до 400 метров, длиной около ста километров. По ней водный поток устремится из водохранилища на Вычегде в Верхне-Камское водохранилище. Подобная же река-канал соединит Вычегодское водохранилище с Печорским. Поистине тугим узлом будет связана вся система трех рек.

...Не без волнения вступили мы в канал. И сразу же заметили: течение в нем, хоть и слабое, но все же направлено уже в другую сторону, в бассейн Северного Ледовитого океана.

А километров через пять пересекли еще одну границу. Рядом стоят два невысоких столбика лесничеств. В створе со столбиками — полузросшая просека. «По совместительству» это и есть граница Пермской области и Коми АССР.

Большую часть канала удалось миновать сравнительно благополучно. Правда, приходилось и толкать нашу лодку, и тянуть ее бечевой, но все это можно было терпеть. Зато уж пришлось хлебнуть горя, когда подошли к остаткам двух шлюзов. На них в свое время соорудили мельницы, сейчас об этом напоминают лишь полусгнившие бревна. Двигаться здесь — истинное мучение. Чуть соскользнет нога с трухлявого брев-

на — провалишься. Упереться не во что, а лодку тащить надо.

До деревни Канава в этот день дойти не смогли. Пришлось заночевать на берегу канала, по соседству со стогом, защищенном от вторжения непрошенных гостей — лосей — крепкой изгородью.

Немного, наверное, найдется поселений, дата основания которых известна так же точно, как у деревни Канава. К окончанию строительства Северо-Екатерининского канала, у его выхода в Северную Кельтму, возник населенный пункт с казармами для солдат, домом управляющего, конторой. Его назвали деревней Канавской. С годами название само-собой несколько изменилось. И по сей день стоит большая по здешним местам деревня Канава, насчитывающая свыше шестидесяти дворов.

Еще за околицей мы встретились с председателем местного колхоза Дмитрием Кондратьевичем Мартюшевым. На последних пяти километрах канал очень мелкий, и Мартюшев предложил помощь. Вскоре пришла лошадь, запряженная... в сани. Да, в этом бездорожном крае ездят на санях и летом и зимой.

По старым понятиям, Канава — настоящий «медвежий угол». До ближайшей деревни Кирда — сорок километров, а от нее до следующей — еще сто двадцать. Но в домах канавских колхозников — электрический свет, радиоприемники, сепараторы. Живут чисто и в достатке. Рядом с клубом — волейбольная площадка, здесь молодежь проводит свой досуг после рабочего дня.

И в этой деревне много было разговоров о проектах соединения Вычегды и Печоры с Камой. Люди с нетерпением ждут начала великих работ. В прошлом году появлялись здесь буровики-развед-

В результате лодка стала такой...

чки. Партия прибыла на вертолетах, на них же и улетела. Геологи спешат выяснить, не уйдут ли под воду запасы каких-нибудь полезных ископаемых...

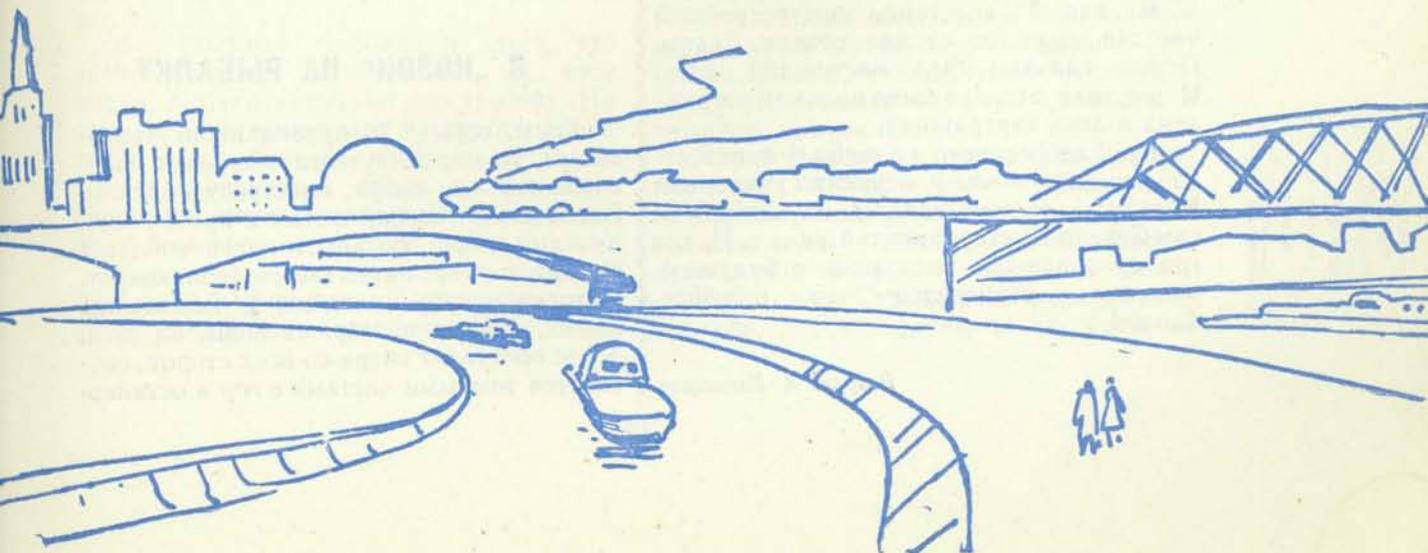
БУДУЩЕЕ, БЛИЗКОЕ...

Провожали нас всей деревней. Мы снова плывем по Кельтме, — но уже Северной, притоку Вычегды. Северная Кельтма бесконечно петляет по мелкому песчаному ложу. Перекаты следуют один за другим. Плавание в таких условиях определяется формулой: «Только сядешь — вылезай! Только вылез — залезай!» Почти через каждые пятьдесят — сто метров прыгаешь в воду, толкаешь лодку вперед.

А конца не видно. Одно за другим минуем устья довольно крупных речек — Окосы, Вочи, Воли. Река становится шире, но отнюдь не глубже.

Наконец, вдали показались возвышенные берега Вычегды. Еще тридцать пять километров вниз по течению, — и на высоком правом берегу видны дома районного центра Коми АССР — Усть-Кулома.

Председатель райисполкома Михаил Васильевич Тимушев, у которого мы по-

бывали на следующий день, оказался горячим патриотом своего далекого края. Он рассказал нам много интересного. Усть-Кулом — большое и старинное село. В нем находится управление комбината «Устькуломлес», лесозавод, кирпичный завод, РТС. Аккуратно выстроились кварталы новых домов — поселок сплавщиков. Много двухэтажных деревянных зданий, обшитых тесом.

Таков Усть-Кулом сейчас. Но когда Михаил Васильевич, подходя то к широкому окну с видом на Вычегду, то к карте, стал рассказывать о его будущем, мы только подивились, насколько ярко, ясно, уверенно видит он это будущее.

— Мы уже ничего не строим в черте затопления... — звучал отрывок его рассказа.

И у нас перед глазами встает новое море — Вычегодское. Свежий ветер гонит по его просторам крутую волну, противоположный берег едва виден. Мощный буксир басовито гудит, таща за собой громадный плот...

— А вот здесь — лесокombинат...

И мы уже видим стройные здания цехов, слышим визгливые голоса могучих пил, смотрим, как по длинному причалу ползет на лесотасках нескончаемая вереница стволов...

— Плотина — вон у то-ой возвышенности...

И ошутимо встает гребень плотины, могучие потоки воды, мощный говор турбин...

— Будет наше село городом...

Будет! Вот и новые улицы, широкие дороги, таблички на обочине асфальтированного шоссе: «Город Усть-Кулом»...

Будущее... Оно всегда романтично. Своими руками мы создаем это будущее. И оттого оно становится еще прекраснее, еще желанней.

В нашей нелегкой, интереснейшей поездке прошлое стояло совсем рядом. Перед глазами был настоящий день. И все-таки поездка была целиком устремлена в день завтрашний.

Пройдет немного времени — и навсегда исчезнут мели и перекаты Северной Кельтмы, лесные завалы на Джуриче, сам Северо-Екатерининский канал. И, когда сравниваешь настоящее с будущим, ошутимее становится это будущее, ближе!

Рисунки А. Казанцева

Летом 1960 года группа следопытов общества «Глобус» Свердловского Дворца пионеров под руководством П. И. Истомина совершила большое путешествие по 60-му меридиану. Начав путь на Северном Урале, они закончили его на Аральском море. Перед экспедицией стояла важная задача — собрать материалы по охране природы на Урале.

Вместе с группой весь путь проделали художник С. Киприн, техник-конструктор с Уралмашзавода П. Владимиров и литсотрудники журнала «Уральский следопыт» Е. Константинова и О. Булгакова.

Рассказ о первой половине похода был опубликован в № 11 журнала за 1960 год. По материалам, собранным участниками экспедиции по Северному и Среднему Уралу, Свердловским облисполкомом принято специальное решение, предусматривающее охрану многих памятников природы и защиту зеленых насаждений.

В этом номере мы рассказываем о втором этапе экспедиции, путь которой проходил по Свердловской области, Южному Уралу, по горным хребтам Зюраткуля, Нургуша, Зигальги, Ирмели. Окончилось путешествие на берегу Аральского моря.

Хочется думать, что исполкомы советов тех мест, где проходили участники южного отрезка похода, тоже не останутся глухи к случаям браконьерства, вредительства и просто холодного и халатного отношения к нашему большому другу — природе.

С „КОЗОЙ“ НА РЫБАЛКУ

Горы, горы... То правильными трапециями, то опрокинутыми лоханями поднимаются они вверх, навстречу облакам. Внизу лежат озера, чистые и прозрачные. Каждый вечер туманная кисея сползает на них с гор, окутывает, заволакивает. И тогда ничего не видно в нескольких шагах, ничего: ни гор, ни воды, ни леса. А лес обступает озера со всех сторон, спускается темными чашами с гор и останав-

ПО ШЕСТИДЕСЯТОМУ МЕРИДИАНУ

ливається, словно в раздумье, у самой воды...

Ночь уже медленно брела по склонам Нургуша, когда мы пришли на озеро Зюраткуль. Раскинули палатки, развели костер, дежурные взялись за ужин.

Чуть слышно плескалось озеро. По берегам его еле уловимыми контурами прорезались горы. Вдали угадывалась вершина Иремели. Теплая июльская ночь, тихая, звездная...

Уставшие за день ребята расположились у костра. И начались песни. У туристов они особые, свои. О трудных дорогах, больших опасностях, пройденных перевалах и реках, о большой, настоящей дружбе, которая рождается в таких походах.

Люся Боровинских и Надя Волкова, глядя на догорающий костер, завели песню о друге, который в эти минуты с рюкзаком за спиной пробирается по тайге... Мальчики тихо, вполголоса, подхватили ее. Медленно плывет песня над озером, теряется где-то в горах...

Вдруг до нас долетел стук весел. Совсем недалеко, в туманной дымке, замаячил огонек. Словно развели костер прямо на воде, и вот теперь он медленно передвигается по озеру.

— Да ведь это коза! Ребята, браконьеры выехали! — кричит Иван Владимиров.

Он опытный рыболов и знает, что значит костер, разведенный на носу лодки, рыбаки называют его «козой». На этот огонек выплывает из глубин озера рыба, и «любители» колют ее острой. Давно осужденный всеми охотничьими законами метод, связанный с истреблением большого количества рыбы.

Слава Сапрыкин кидается к лежащей на берегу чужей-то лодке. Остальные ребята бегут берегом по направлению к огню.

Под конвоем Славы через несколько минут причалила лодка браконьеров. Они и не думали скрываться. имена свои тоже назвали: Горюнов Борис и Хазенов Валентин с Бакальского металлургического комбината.

Наутро родилась частушка:

Без руля и без ветрил
Слава храбро в лодке плыл.
Удивлялся Зюраткуль:
Кто такой он и откуда ль?

ЦЕНА ОБЫКНОВЕННОЙ МОЧАЛКИ

У входа в Саткинскую баню продаются мочалки. Стоят они недорого — 1 рубль 30 копеек. Но кто из жителей Сатки знает, как делают эти мочалки и какова их истинная цена?

Тех, кого интересуют эти вопросы, приглашаем во владения Саткинского лесхоза, что около Кыла. Оденьте рюкзаки, наберитесь терпения и пройдите не один десяток километров по тайге. Стройные клены, трепетные осинки, гордые красавцы дубы обступят вас со всех сторон. Чудесные травы, цветы будут кланяться вам в пояс на опушках, а старые коряги, поросшие мхами, подкарауливать на каждом шагу. И вдруг среди всего этого великолепия перед вами предстанет кладбище деревьев. Голые стволы, голые ветви. Целая роща, лишенная коры, застыла в тяжелом молчании.

Липа! Красавица липа! Кто надругался над тобою в этом чудном лесу? Кто варварской рукой сдернул с тебя одежды, и ты в немом отчаянии протянула к солнцу свои обнаженные ветви?

Работники Саткинского лесхоза кору содрали, деревья оставили (дескать, не

срублено — не вредительство). А в Сатке из коры мочалки сделали. В лесу гниют целые кучи содранной и никому не нужной коры. Говорят, что некоторые любители из соседних деревень плетут из нее лапти. Да только вряд ли...

Сережа Демин и Юра Кастерин наткнулись в лесу на целую кучу срубленных деревьев. У них была содрана лишь молодая кора — с веток. Спрашивается, кому понадобилось уничтожать целые деревья ради того, чтобы сплести пару корзин и лаптей? К сожалению, нам не удалось установить фамилии этих вредителей.

САТКА—АРАЛЬСК

Эти два города разделяет тысяча километров. Лежат они в разных краях и на разных широтах. Один из них обидела природа, другой — люди. Один из них заботами тех, кто живет в нем и

любит его, спорит с природой, вырывается из ее жестоких рук. Другой тоже заботами своих обитателей бледнеет и чахнет год от года. Один окружен пустынями, но будет садом. Другой окружен тайгой, чудными озерами, но может стать пустыней.

Первый город — Аральск — стоит на берегу Аральского моря. Второй — Сатка — находится в центре Урала.

Около получаса огибал поезд Сатку, и чем дальше, тем хуже становилось на душе участникам нашей экспедиции. Еще совсем недавно поезд шел через чудный край зеленой тайги и голубых озер. И вот этот город... Серые голые горы, покрытые пеньками, оставленными словно для того, чтобы напомнить, что край этот в общем-то лесной, наш уральский. Улицы тоже голые, редкие деревья, чахлые, запущенные. Над городом висит серая завеса.

Вовремя вспоминаешь, что все последние извержения вулканов были далеко от Урала. Но откуда тогда пепел, что прямо засыпал этот небольшой город? Следы ведут к металлургическому заводу.

Это он за 200 лет существования наложил воистину неизгладимый отпечаток на окружающий ландшафт.

Может быть, в Сатке нет воды, чтобы напоить деревья?

Может быть, на заводе ничего не знают о золоуловителях, фильтрах и прочих полезных вещах?

А может быть, саткинские металлурги просто не любят деревья?

Хочется пригласить саткинцев на берег Аральского моря, в город, где грязно-бурые верблюжки колючки заменяют богатые травяные луга, а мелкий саксаул и тощий карагач — густую тайгу. Здесь, в Аральске, очень мало пресной воды. Каждое утро ее привозят в город на поезде. И порою заботливый аралец делит 500 граммов воды, отпущенной ему на сутки, со своим зеленым другом. Здесь никому не придет в голову сломать веточку дерева, выдернуть посаженный куст или даже наступить на обычную верблюжку колючку.

Уже недалеко тот день, когда в Аральск по трубам, которые прокладывают сейчас от Сыр-Дарьи, придет вода — чистая, пресная, речная. Уже в этой семилетке жители получат по 500 литров воды в сутки.

И тогда, нет сомнения, аральцы сделают из своего города сад. Зацветут в нем кипарисы, бананы и магнолии. Интересно, а как будет выглядеть Сатка?

„НЕ ШУМИ ТЫ, МАТИ, ЗЕЛЕНАЯ ДУБРАВУШКА...“

«Плакала Саша, как лес вырубали...» — писал великий поэт. А вот жители Поташкинского совхоза и соседних деревень Артинского района, Свердловской области, плакать, как нам показалось, вовсе не собирались. С легким сердцем и бодрым заповем «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка...» не один год ходили они рубить знаменитую Поташкинскую дубраву. И рубили добросовестно! От памятника природы республиканского значения осталась лишь скудная рощица.

Зато какими резными наличниками, какими чудными дубовыми плитками отделаны дома в Артинском районе и какие великолепные дубовые столбы подпирают ворота почти во всех усадьбах!

Обычно для таких целей употреблялась лиственница. Но зачем далеко ходить, когда под боком чудесный заповедный дуб!

И застучали топоры...

Плохо, когда памятники природы охраняются только законом.

Иногда не мешало бы поставить и надежных сторожей.

* * *

На Волчихинское водохранилище мы пришли вечером. Ребята замёрли перед открывшейся панорамой. Огни, маленькие, яркие, бежали вдоль берега, словно рассыпавшиеся бусинки одного ожерелья.

— Да ведь это костры! Сколько их!

— И ничего не красота...— вдруг мрачно сказал Иван Владимиров.— Семьдесят четыре костра! Вот и посчитай, сколько стоит эта красота! На семьдесят четыре костра ни хвороста, ни сучьев не хватит. Тут уж наверняка деревья в ход пошли, и не один десяток при том.

Многих туристов и рыбаков привлекает Волчихинское водохранилище. Многие остаются здесь на ночь. Разводят костры, сооружают ночевки.

К А. Ковалеву, работнику Шувакишского завода, мы подошли, когда он с товарищем достраивал шалаш.

Ковалев любезно поделился с нами рецептом сооружения:

— Шалаш строим в два слоя: сначала березы ставим, травки накидаем сверху, а потом этими сосенками обставим.

Комментарии к этому рецепту, прямо скажем, излишни.

УХА ПО-БРАКОНЬЕРСКИ

В энциклопедии слово «охотник» определяется так: человек, добывающий диких зверей и птиц.

А охотники за рыбами? Кто это? Может быть, рыболовы? Нет, браконьеры.

С ружьем в руках крадутся они по берегу реки, но не уток и тетеревов высматривают они, и не дикие звери скрываются от них в чащах...

Был хороший августовский день, когда мы остановились на привал на берегу Белой. Костер развели у самой воды и, уже вооружившись котелками и большими ломтями хлеба, расселись вокруг дежурных — Юры большого и Юры малого, когда раздались два выстрела.

Дежурные, предусмотрительно прихватив и ведро с кашей, мигом скрылись в чаще. А через несколько минут из кустов выплыла удивительная процессия: впереди Юра меньшей нес ведро с кашей. Впрочем, непосвященный человек мог решить, что это салат из сучьев, листьев и комаров. За ним шли двое незнакомых башкир. В руках у них, кроме мелкокалиберных винтовок,

была сумка с крупными головлями. Юра большой с половником на плече замыкал шествие.

Незнакомцы оказались охотниками за рыбами. Это их выстрелы слышали мы. Стреляли они по головлям, которые в этих местах подплывают к самому берегу.

— На удочку мы не ловим совсем, — признались они. — Времени нет. Другое дело взрывчатка: несколько минут — и уха готова!

А сколько рыб, раненных, оглушенных, мертвых всплывает потом на поверхность воды!

Такова уха по-браконьерски!

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ПАМЯТНИКА

На площади в городе Белорецке недавно был сооружен памятник герою гражданской войны, старому коммунисту-подпольщику П. В. Точисскому. Скромный строгий знак уважения жителей города народному герою.

А знаменитый Арский Камень, что в восемнадцати километрах от Белорецка, и с которого, по преданию, Емельян Пугачев сбрасывал в Белую непокорных дворян, был взорван.

Спрашивается, какая связь между этими событиями? И есть ли она вообще?

Вот какую историю удалось услышать Славе Сапрыкину.

Искали камень для сооружения памятника в Белорецке, испытывали разные материалы. Однажды кому-то пришлось в голову: а не испробовать ли еще и Арский Камень? Дескать, стоит он впустую вот уж сколько веков. Дворян больше нет — сбрасывать некого. Белая и та от него отворотилась — русло изменила. Одни туристы, непоседливый народ, навешиваются туда. Любят они почему-то это место (правда, выражение любви уж больно странное — исписали, изрисовали всю вершину. Но все же любят).

Пещера там загадочная есть. Рассказывают, что за все время туда спустился только один смельчак. Того и гляди, еще кто-нибудь спустится — развеются легенды, разрешатся загадки. Взорвать — и точка!

Взорвали...

А памятник П. В. Точисскому сделали... из искусственного мрамора.

ТАМ, ГДЕ КОНЧИЛСЯ МАРШРУТ

Поселок Аманаткуль лежит в устье Сыр-Дарьи. От Аральска километров 120—150. Маленький поселок в полупустыне. На многие километры и даже десятки километров от него нет селений. А этот поселок живет. Глиняные и саманные домики, круглые юрты, важные верблюды и очень трудолюбивые, хорошие люди.

Сыр-Дарья протекает у поселка. Странно видеть на фоне желто-серого однообразного ландшафта зеленую полосу — берега реки. Сыр-Дарью называют «рекой без берегов»: топи и болота, следы разливов лишают ее строго очерченных берегов. Но аманаткульцы любят свою реку, заботятся о ней и ее обитателях. И здесь на помощь взрослым приходят ребята. Каждое лето они продельвают большую работу. В отшнурковавшихся от Сыр-Дарьи водоемах остается много рыбы, мальков. И ребята прокапывают каналы к Сыр-Дарье, а когда до реки слишком далеко, вылавливают мальков и в чанах перевозят к реке. Прошлым летом школьники Аманаткуля спасли около восьми миллионов штук мальков. А ведь только пять процентов спасенных рыб выживает!

Участники нашей экспедиции несколько дней прожили в Аманаткуле, поработали на строительстве водопровода, познакомились со строителями, ребятами-аманаткульцами. И кто-то из них предложил:

— А что, если обратиться ко всем школьникам Урала! Пусть и они возьмут шефство над реками своего края, над их обитателями. Пусть по всем меридианам не будет зря срублено ни одного дерева, ни одного куста и всем вредителям, браконьерам будет объявлена война.

Мы за чистые озера!

Мы за лесистые берега!

Мы за рыбные реки!

Мы за зеленые села и города!

Мы за бережное, сердечное, ленинское отношение к природе!

ПАМЯТНИК ИЛЬИЧУ

Это сообщение об одном из первых на Урале памятников Ильичу прислал нам из Челябинска заслуженный учитель РСФСР Анатолий Иванович Александров.

А сколько еще на Урале памятников великому вождю? Сколько заводов, фабрик, колхозов, школ носят имя Владимира Ильича? В связи с каким событием и когда был сооружен памятник или присвоено имя Ленина парку, заводу, библиотеке?

Редакция «Уральского следопыта» решила постоянно публиковать в журнале материалы о Владимире Ильиче Ленине. Просим наших читателей присылать описания памятников Ильичу, историю их сооружения, их фотографии.

В детском парке Челябинска высится сооруженный из гранита памятник В. И. Ленину. Это один из первых памятников великому вождю пролетариата не только на Урале, но и во всей стране.

24 января 1924 года в Народном доме (теперь здание драматического театра) проводилось траурное собрание Челябинского городского Совета совместно с партийными, профсоюзными организациями, делегациями от предприятий и красноармейских частей города. В своем решении собрание заверило Центральный Комитет партии, что трудящиеся Челябинска «под руководством Коммунистической партии так же твердо, как

и при жизни товарища Ленина, пойдут к конечной победе коммунизма». Тут же решили собрать средства на сооружение в Челябинске памятника Ленину.

В день похорон В. И. Ленина, в воскресенье, 27 января 1924 года, на Алом поле — площади революционных празднеств (сейчас это Детский парк) был заложен памятник Ильичу ровно в 6 часов 05 минут. Трудящиеся города и округа на сооружение памятника собрали добровольных взносов свыше 15 тысяч рублей в денежных знаках 1925 года.

Памятник строился по проекту челябинского инженера Н. Чекакина. Он представляет из себя трибуну из серого гранита с возвышающимся над ней в раковине бюстом Владимира Ильича. Под трибуной внутреннее помещение, предназначенное под ленинский уголок-читальню. Бюст Владимира Ильича выполнен Ленинградской Академией художеств.

Памятник торжественно открыли 15 июля 1925 года, в годовщину освобождения Урала от Колчака.

На митинг собралось около 12 тысяч человек. Перед памятником ярко выделялись ряды рабочих — строителей памятника, одетых по случаю торжества в красные кумачовые рубахи.

В тот же день начала работать ленинская читальня. Комсомольцы города читали тут приезжим крестьянам статьи Владимира Ильича Ленина и брошюры о нем.

ПАРЕНЬ ИЗ ТАЙГИ

Б. РУЧЬЕВ

*Получив топор с лопатой
да харчей сухой паек,
он тайгу прошел когда-то
с краю, вдоль и поперек.
В камнях гор и в руслах речек,
по болотам, возле скал,
без дороги, как разведчик, —
летом золото искал.*

*А зимой
за крепким чаем,
в пору бешеной пурги
часто сиживал ночами
с нами парень из тайги.*

*Часом жил без хлеба-соли,
от устатку падал с ног,
при любой сердечной боли
песню петь в артели мог.
Мог под снегом спать, как дома,
под дождем костер разжечь,
сбить зимовку в два приема,
на лопате хлеб испечь.*

Сам друзей лечил от скуки,
сам мастачил сапоги...
Был он мастер на все руки,
этот парень из тайги.

Но однажды мимоходом
поклонился парень нам,
паспорт взял, долги все отдал
и пошел по всем фронтам.
Год проходит — нет привета,
два проходит — нет следа...

Не случись тогда газета,
мы не знали б никогда,
как по высшему указу,
не награду, как другим,
целых
три награды
сразу
дали парню из тайги.

Значит, жили мы недаром,
как положено парням,
ели щи с одним наваром,
хлеб делили пополам.
Чай варить, так только вместе,
лес рубить, так с корня враз,
гадов бить, так честь по чести —
так привык любой из нас.

Каждый — понял все науки,
каждый — знает, где враги,
каждый — мастер на все руки —
каждый парень из тайги.

Рисунок М. Брусиловского

Комсомо́льско- У́ральская

В. СТАРИКОВ

Рисунки В. Жабского

ВЫСОТА 884

От последних домов городка энергетиков Нижней Туры, где, как во многих старинных уральских поселках, под горой сверкает просторный пруд, дорога сразу кидается в лес. Пятьдесят километров лесного пути приводят в Качканар — будущий город горняков.

Гору Качканар мы увидели почти с полпути. Она четко встала в створе просеки, притягивая к себе и не приближаясь сама, зеленая примерно на две трети, с усеченным голым конусом вершины.

— Высота восемьсот восемьдесят четыре! — гордо сказал Федя Славцов, недавний балтийский моряк, встречавший в Нижней Туре сестру из Казани. — Наша сегодня высота над уровнем моря.

Федя, живой и разговорчивый, стал нашим первым спутником в поселке строителей Качканарского горнообогатительного комбината.

— Поселок Валериановск,— объяснял он дорогой, показывая на россыпь домов у таежной реки.— Умирал... Старатели жили, золото повибирали... Теперь тут наши горняки. Рудник закладывают.

Дорога начала круто подниматься. Гора Качканар скрылась. На виражах мы видели в долине какие-то строения, площадки сведенного леса, свежие насыпи дорог. Вдруг в лицо пахнуло медовым запахом. Липа? Здесь? Так далеко, на севере Урала? Да, по обеим сторонам пошел густой липовый лес.

— Гора Долгая,— сказал Федя.— Объявлена заповедником. Ни одной липы не позволим тронуть.

Сквозь зелень мелькнули легкие постройки, раковина открытой сцены, танцевальная площадка, красные транспаранты.

— Начали строить парк,— подтвердил Федя догадку.— Силами молодежи... По вечерам...

Как только машина переехала Долгую, с ее крепким медовым запахом, опять гордо встала гора Качканар — «высота 884». Теперь она была близко, но казалась более крутой, более неприступной.

Дорога нырнула с крутого склона в общую долину гор Долгая и Качканар. Виднелись кварталы больших каменных домов молодого поселка, переплетения асфальтированных дорог. Яркое утреннее солнце золотило поселок.

Возможно, это недавно родившаяся легенда, но мне говорили, будто все приезжающие обязательно совершают восхождение на гору Качканар. Путь туда нелегок. Гора крута, малодоступна. Сначала густой дикий лес, завалы деревьев, камни, потом только камни, осыпи, сухие русла. На вершине — глубокая впадина, в диаметре метров полтора, наполненная голубой водой хрустальной прозрачности. Она будто бы обладает необыкновенной целебной силой и помогает от многих болезней.

— Сам бывал?— спросил я Федю.

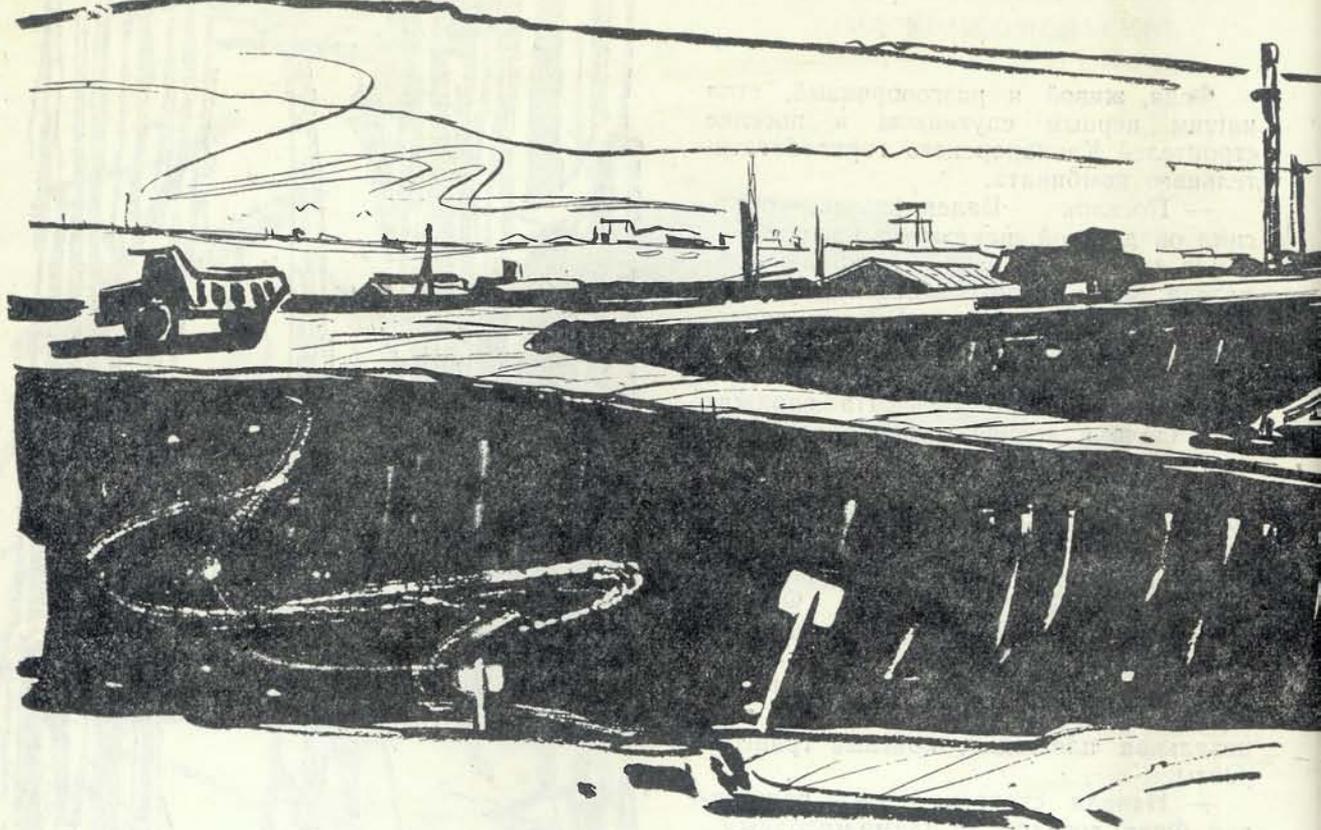
— Не успел... Но обязательно поднимусь.

— Давно тут живешь?

— Два месяца.

— Нравится?

— Сестру бы не вызывал. Вместе поднимемся на Качканар. Правда, Таня? Жил на море, теперь живу у высоты восемьсот восемьдесят четыре.

ОКЕАН И МОРЕ

Главные улицы выражают лица городов. По главной улице Качканара тоже запоминаешь лицо поселка.

В семь часов утра по ней движутся два встречных потока молодых людей. Редко попадет человек старше сорока лет. Если встретится, то окажется каким-нибудь начальником, мастером, — словом, командиром производства, человеком опыта. По одежде легко определить профессии большинства. Идут камешники в спецовках, покрытых красной пылью, штукатуры и маляры, забрызганные известкой и цветными пятнами, арматурщики с охряными следами поржавевшего металла... Волосы у девушек упрятаны под косынки, береты. Парни шагают в тяжелых ботинках. Не в пример заводским рабочим, строители оде-

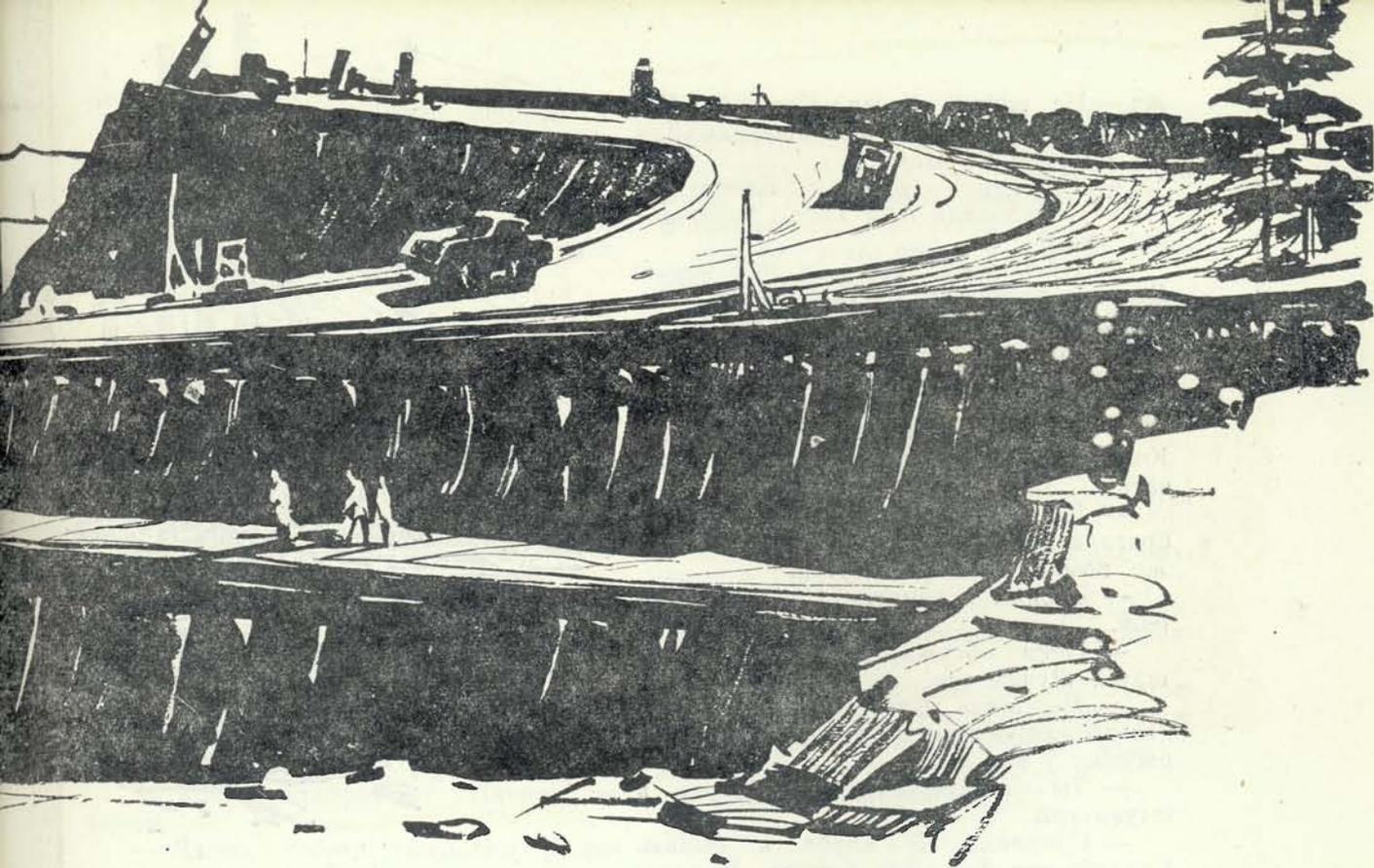
ты грязно. Понятно, на площадке — не в цехе, переодеться негде.

Улица пустеет. Снова оживает она в четыре часа, когда заканчивается трудовой день. И опять густые встречные потоки движутся во всю ширину Качканарской улицы. Есть одна лишь разница — теперь грязны не только спецовки, но и лица, руки.

В семь часов улица вдруг преобразается.

Какой блеск молодости! Какие красавицы выходят на улицу! Какие стройные парни! На девушках такие модные платья и разнообразные прически, как будто здесь уже работают десятки пошивочных ателье и парикмахерских. На парнях — наимоднейшие узенькие брючки, двухцветные костюмы, пестрые рубашки. Но чаще всего в вечерней толпе — строгая флотская форма.

На Качканаре встретились два наших могучих флота — Тихоокеанский и Балтийский. Сотни демобилизованных моряков двух славных флотов взяли на свои широкие плечи дело строительства Качканарского комбината.

Встретились океан и море.

Меня поселили в общежитие, уступив временно койку паренька, уехавшего сдавать экзамены в политехнический институт. Мои соседи — моряки: Костя — с Тихого океана, Сережа — с Балтийского моря. Костя высок, широк в плечах, говорит басом; Сережа хрупок, застенчив, тих.

Костя к тому же уралец, и не дальний, а качканарский, из поселка Косья, что неподалеку от Иса. Он мечтатель и фантазер. Как-то, присев к столу, завел разговор о великих возможностях науки.

— В природе существует закон сохранения материи, — начал Костя. — Звуковые волны, возникнув, должны блуждать в мировом пространстве. Ведь могут изобрести такие приборы, что мы услышим голоса людей любого времени? Все слова Ленина! Как Маяковский стихи читал! Всю правду о смерти Лермонтова! А?

Такой Костя!

Работают они штукатурками, строят дома девятого микропоселка. Вечером,

вернувшись с работы, стаскивают до-нельзя измазанные раствором рубашки, аккуратно складывают брезентовые брюки по несуществующим складкам. Не вешают на гвоздь, не бросают до утра под кровать. Сохранили флотский порядок. После этого уходят на улицу обливаться водой.

Все новости по Качканару разносят с космической скоростью.

Сегодня тьма новостей. Приступили к сооружению промышленных зданий. В фундамент цеха среднего и мелкого дробления руды уложены первые кубометры бетона. Поднята первая металлическая колонна корпуса цеха с красным знаменем наверху. На полуавтоматическом бетонном заводе впервые выдали семьсот кубометров бетона вместо обычных трехсот.

— Пошел большой бетон! — соединил все новости в одной фразе Костя.

Сегодня, под воскресенье, соседи поздно вато вернулись с танцевальной площадки в парке, быстро разобрались и погасили свет.

— Костя! — позвал осторожно Сере-

жа.— Не спишь, Костя? Слушай... Я в бригаду Хорьковой с понедельника уйду. Ты объясни ребятам...

— Не дури!— сонно отозвался Костя.— Околдовала тебя Тася... Вечеров с ней мало?

— Не потому... Дела у них плохи. Девчата разбегаются. Надо помочь Тасе. Растерялась.

— Бригаду бросаешь?— вдруг возмутился Костя.— Флотскую?

— Нужно...

— Сдурел,— окончательно проснулся Костя.— Нам же премию вот-вот получать.

— Да леший с ней, с премией. Там бригада гибнет. Девчата струсил. Всем же позор, если разбегутся.

— Сходим в комитет. Помогут и без тебя.

— Пока обсуждать будут, да решать... Лучше так.

— Не жаль флотской бригады?— настороженно спросил Костя.— Да и зарботки у нас лучше.

— Ты— киномеханик, ушел же в штукатурки.

— Сравнил... В клубе я бываю. Справляется без меня Славка. В понедельник вместе аппарат будем разбирать. Покажу ему, пусть смотрит.

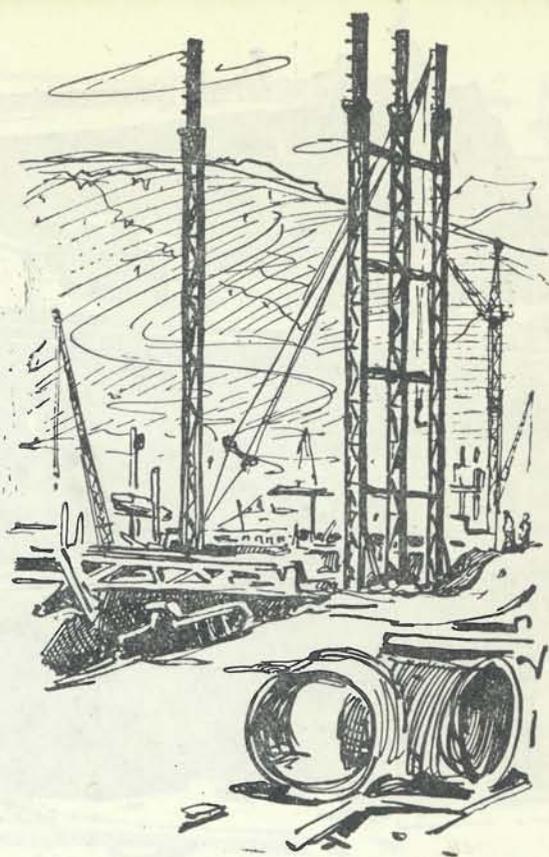
Сереза молчал. Прошло несколько минут. Я подумал, что океан и море спят.

— Сергей,— вдруг сказал океан,— ты правильно решил. Ребята тебя поймут.

ПОРЯДОК!

В болотистой низине возник комплекс подсобных предприятий: бетонный завод, арматурный цех, цех бетонных изделий; протянулись нитки железнодорожных путей. Товарные поезда идут по новой ветке со станции Азиатская Горнозаводской дороги. Натягиваются провода для быстрых электропоездов. Скоро из Свердловска в Качканар пойдут прямые пассажирские электропоезда.

Самосвалы днем и ночью везут бетон на промышленную площадку, где строители вылезли из земли до «нулевых отметок». Теперь все следят, как начинают подниматься стены корпусов, где железная руда Качканара будет прев-

ращаться в агломерат для домен Нижнего Тагила. В будущем году надо дать первую партию.

Рабочий день закончился, когда прибыл большой состав платформ с песком. За головы схватились: как быть? Простоят платформы до утра!

Флотские парни переглянулись, разобрали лопаты и распределились по платформам.

Не прошло и часа, вдруг явилось профсоюзное начальство.

— Кто позволил?

— Что?

— Сверхурочные.

— Что?

— Сверхурочные!

— Слушай, какие сверхурочные? Платформы дороге требуются. Мы для разминки.

— Это непорядок. Ваши рабочие часы кончились.

— На флоте— порядок. Надо— делают. Своим временем распоряжаемся, а ты о сверхурочных толкуешь. У кого будем деньги получать? У себя?

— Здесь не флот. За незаконные рабочие часы хозяйственников штрафуют.

— Штрафуют?.. Ладно, шабаш!
Брошены лопаты. Опустели платформы.

Ушло профсоюзное начальство. Флотские, прекратив перекур, опять за лопаты. Отрядили трех балтийцев в палаточный городок студентов.

— Поможете?

А там вопросом на вопрос:

— Лопаты есть?

К ночи платформы опустели. Ребята гурьбой, довольные, пошли в поселок. На главной улице шумно куролесил подвыпивший парень. Приставал к девушкам, размахивая бескозыркой. Подошли, всмотрелись. Знакомое лицо.

— Флот позоришь? На весь Качканар?

Взяли плотно под руки. Привели в общежитие.

— Запомни! Если опять порядок нарушишь — снимем флотскую форму.

Утром профсоюзное начальство вспошилось.

— Где платформы? Кто разгружал?

— Какие платформы? Ничего не знаем.

— Ладно, ребята, согласны разрешить сверхурочные. Кому платить?

— Не знаем...

Так и не установили фамилии тех, кто помог стройке.

Виктор Горлачев — секретарь комитета комсомола. Он худощав, лицо суровато, голос хрипл. Внешний вид его обманчив, парень он душевный, увлекающийся. До Качканара Виктор Горлачев работал в Нижней Туре секретарем райкома комсомола.

— Почему переехали?

— Разве можно усидеть? На строй-

ку молодежь со всей страны тянется. Видели, какое пополнение два флота дали? Еще несколько сотен моряков едут. У нас не просто комсомольская стройка, а комсомольско-флотская.

Как раз в это время в комитет вошел парень во флотской форме.

— Слушай, Виктор! Чего вы меня в нарядчики посадили? Это женская работа.

— А куда ты хочешь?

— Бетонному заводу нужны люди.

Виктор задумался.

— Ладно. Договорюсь... Заходи.

— Порядок! — довольно поднимается моряк.

Входят двое: он и она. Несколько смущены.

— Виктор! Комнату ей дали. Свадьбу хотим сыграть. Пришли тебя пригласить.

— Свадьбу? Комсомольскую? Заходи вечером, обсудим, как лучше провести.

— Порядок! — подтверждает радостный моряк, и пара исчезает.

Действительно, порядок!

* * *

Качканарцы — молодой коллектив. Главные дела у них впереди. Кто хочет увидеть настоящую жизнь, стать в ряды строителей будущего — поезжайте в Качканар, вдохните его молодой воздух. Жизнь здесь идет сильная, размашистая, счастливая. Спросите те тысячи студентов, которые летом основали шумный палаточный городок, как им жилось в Качканаре.

Они скажут:

— Просторно!

ЗНАЧОК АКТИВИСТА ЮБИЛЯРАМ

Решением редколлегии «Уральского следопыта» награждается значком активиста журнала группа сотрудников и авторов журнала «Вокруг Света», в связи с его столетием: министр геологии и охраны недр СССР член редколлегии П. Я. Антропов; кандидат биологических наук И. И. Акимусикин; член редколлегии Е. Н. Васильева; очеркист Ю. И. Гаврилов; писатель Г. Н. Голубев; директор института географии член редколлегии И. П. Герасимов; фотокорреспондент В. Е. Гиппенрейтер; художник А. В. Гусев; ученый секретарь Московского отделения Географического общества Ю. К. Ефремов; очеркист А. Н. Ефремов; кинооператор М. А. Заплатин; редактор отдела М. М. Кондратьева; очеркистка В. П. Лебединская; писатель Г. В. Метельский; художник В. Н. Немухин; ответственный секретарь журнала Ю. А. Попков; очеркист Ю. Н. Полковников; главный редактор журнала В. С. Сапарин; редактор отдела В. В. Смирнов; редактор отдела Ю. Б. Савенков; очеркист Е. П. Федоровский; заместитель главного редактора журнала В. М. Чичков; литературный редактор приложения «Искатель» Л. А. Чешкова; член редколлегии В. С. Чернецов; писатель А. Ф. Членов; художница, аквалангист О. Ф. Хлудова; кинорежиссер В. А. Шнейдеров.

ли в это время в классе. И наиболее яркие, наиболее талантливые очерки читались в классе вслух. Пускались по партам и те номера журналов, в которых имелись иллюстрации, посвященные этим же странам. И, положив руку на сердце, я скажу, что нам, мальчуганам, а потом и юношам, любовь к географии, этнографии и зоологии привил не сухой, нудноватый учебник, а именно «Вокруг Света». Он распаивал перед нами мир во всем его многообразии и красоте.

Мы так привыкли видеть в конце журнала подпись: «Редактор Вл. А. Попов», что, наверное, были бы ошеломлены и напуганы, если бы эта подпись вдруг исчезла. Мы были горячо благодарны этому Вл. А. Попову за то, что его журнал умно, занимательно и талантливо рассказывал нам и о полюсах, и о тропиках, и о морях, и о пустынях, и о горных вершинах с вечными ледниками, по которым отважно шагала человек: землероходец, открыватель и украшатель земель. И в этом также огромная заслуга «Вокруг Света». Он прививал нам, подросткам и юношам, уважение и любовь к человеку, он заставлял нас восхищаться подвигами смелых, отважных, честных людей.

Необходимо отметить и еще одну важную и полезную сторону деятельности «Вокруг Света». Отвлекая юношество от кровавой, человеконенавистнической пинкертоновщины, он знакомил подрастающее поколение с лучшими образцами приключенческой и научно-фантастической литературы, ставшими теперь классическими. На его страницах мы познакомились с произведениями Стивенсона, Конан-Дойля, капитана Маризетта, Хаггарда, Сетон-Томпсона.

«Вокруг Света» познакомил молодежь и со свежим, ярким дарованием Джека Лондона. Долгие годы Лондон был нашим любимейшим писателем. Мне ярко запомнилось, какое поистине ошеломляющее впечатление произвел на нас «Затерянный мир» Конан-Дойля. Мы устраивали коллективные читки этого романа, так как не все из нас могли купить или выписать журнал, а затем чуть ли не всем классом отправлялись на Моховую, в Московский музей антропологии и палеонтологии.

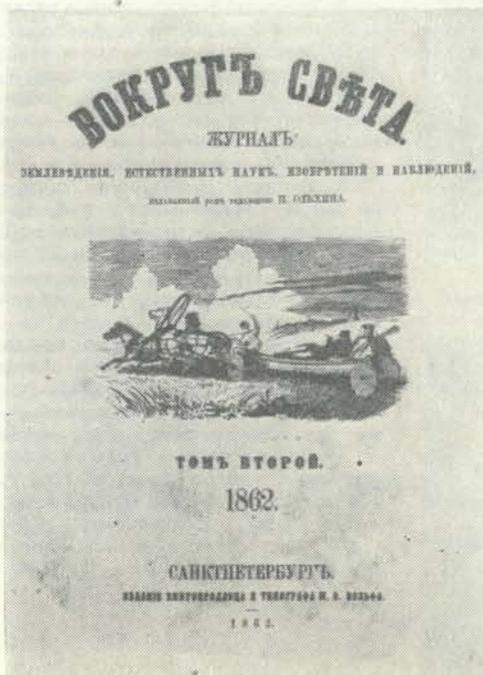
В «Вокруг Света» печатали свои произведения и видные русские ученые-путешественники. В номерах журнала, выходящих в 80-х годах прошлого столетия, я нашел статьи Пржевальского, русского путешественника по Африке Юргенса, Козлова, а затем Л. Берга, Арсеньева, Обручева. На страницах «Вокруг Света» начали появляться и первые имена русских писателей-приключенцев: М. Волохова, Л. Томского, В. Украинцева, Л. Алазанцева и автора прекрасных морских рассказов лейтенанта Свистуна. Но это были еще робкие попытки писать в приключенческом жанре, непривычном для русских литераторов. Рассказы эти были далеко не совершенны, и только позднее, в советские годы, начался пышный расцвет талантливой приключенческой литературы. Но очень характерно, что первые рассказы русских приключенцев были посвящены людям труда: шахтерам, рыбакам, лесорубам, таежным охотникам, уральским горщикам.

Дореволюционный «Вокруг Света» прекратил свое существование в 1917 году. Я хорошо помню последний, декабрьский, номер журнала. На обложке его был изображен идущий ко дну большой трехмачтовый корабль с сорванными

парусами, порванными снастями, разбитым бортом и сломанным рулем. На корме гибнущего корабля было название «Вокруг Света». Подпись не помню, да и нужна ли была она? Рисунок говорил сам за себя. Честные, но политически близорукие руководители журнала считали, что ему не будет места в новом, социалистическом обществе, что «Вокруг Света» навеки ушел на дно.

А ровно через десять лет, в 1927 году, в газетных киосках появился новый нарядный многостраничный, богато иллюстрированный журнал «Вокруг Света». И снова потянулись к нему жадные молодые читатели. И не только молодые! В тридцатых годах «Вокруг Света» провел анкетный опрос своих читателей, выясняя их возраст, профессию и т. д. Я, вместе с редакционной коллегией, обрабатывал эти анкеты и убедился, что журналом увлекаются и десятилетний пионер, и студент, и инженер, и врач, и командир Красной Армии, и даже восьмидесятилетний академик.

Советский «Вокруг Света» возрождает свою былую традицию крепкой дружеской и творческой связи с учеными, и особенно с путешественниками и исследователями. В редакции частыми гостями бывали советские мореходы и полярные зимовщики, пилоты и геологи, а их яркие, зовущие в заманчивые дали очерки и рассказы не сходят со страниц журнала. «Вокруг Света» печатает произведения академиков П. Л. Капицы и А. Е. Ферсмана, ученого и полярного исследователя В. Ю. Визе, участника экспедиции Г. Я. Седова на «Св. Фоке», полярного исследователя Г. А. Ушакова. Профессор В. Г. Богораз-Тан, хорошо изучивший народы Колымы и Чукотки, куда он был сослан царскими властями за принадлежность к «Народной воле», печатает в возрожденном «Вокруг Света» рассказы, а затем роман «Союз молодых» из жизни чукчей. Журнал посылает своих корреспондентов и к берегам Южной Америки на паруснике «Товарищ» (1927 г.), и в полярные экспедиции на «Седове» (1930 г.) на

«Литке» (1934 г). Был собкор «Вокруг Света» и на легендарном «Челюскине», и читатели журнала могли узнать «из первых рук» о героических подвигах моряков-челюскинцев и летчиков полярной авиации Водопьянова, Доронина, Каманина и других первых Героев Советского Союза.

Ярко помню, как был поражен я, войдя однажды в тесные комнатки редакции на Пущечной улице. И столы, и стулья, и пол были завалены ружьями, патронташами, спальными мешками, тунгусскими унтами, парками, походными рюкзаками. На футляре пишущей машинки злоюще поблескивал синеватой сталью великолепный охотничий кинжал, вынутый из ножен. «Вокруг Света» прикомандировал двух своих сотрудников — очеркиста и художника, к очередной экспедиции отважного исследователя Л. А. Кулика, отправлявшегося на место падения тунгусского метеорита. С уверенностью утверждаю, что именно на страницах «Всемирного следопыта» — ежемесячного приложения к «Вокруг Света» — прежде других журналов появилась серия ярких подробных очерков о труднейшем походе экспедиции Кулика. Впечатляющие были зарисовки вокругсветовского художника.

Маленькая, но интересная подробность! Именем журнала была окрещена здесь одна из безымянных сопок. На вершине ее, на гигантской лиственнице был сделан большой затес и краской написано: «Сопка «Вокруг Света» 1927 год».

Вся наша необъятная Родина, от полярного круга до среднеазиатских субтропиков, от зеле-

ных белорусских лесов до берегов Тихого океана, была интересно, увлекательно показана на страницах журнала.

Увидев первые номера нового «Вокруг Света», я набрался смелости и направил в журнал свой рассказ «Конец Мавропулло». И я не помню в своей жизни более глубокой и полной радости, чем та, которую я испытал, когда увидел свой рассказ на страницах любимого с детства журнала. А как гордился я, когда «Вокруг Света» направил меня и художника Н. Кочергина в дальний поход по нашим среднеазиатским республикам, где происходило тогда поистине «крушение экзотики», сменявшейся светлой, радостной советской новью.

В двадцатых — тридцатых годах в «Вокруг Света» появляются первые произведения советских писателей-приключенцев и фантастов, которые вскоре стали широко известны нашему читателю: А. Беляева, В. Яна, А. Сытина, Н. Ловцова, С. Маркова, Н. Панова, Н. Шпанова, М. Розенфельда, безвременно погибшего писателя-моряка С. Колбасьева. А разве это не заслуга старого, но полного сил журнала? Между прочим, русская периодика не знает ни одного массового журнала с таким «стажем». Только один «Вокруг Света» празднует свой столетний юбилей.

И вот снова этот могучий, чудесный корабль плывет по морю советской литературы! Пусть будут полны ветром твои паруса, пусть стрелка твоего компаса указывает тебе всегда верный румб!

СТО ПЕРВЫЙ ГОД ЖИЗНИ

Один день в редакции „Вокруг Света“

В тот ноябрьский день, когда я пришел в редакцию журнала «Вокруг Света», там как будто в воздухе витало приподнятое настроение, какое бывает в преддверии больших торжеств. Так оно и было — коллектив редакции готовил к выпуску юбилейный номер журнала.

В комнате художников обсуждали макет обложки. На ней, среди фотографий «исторических» обложек, отражающих пройденный журналом путь, — крупные цифры: 1861—1961. Похоже, что обложка всем нравится.

Пока художники что-то подправляли, советовались, Юрий Алексеевич Попков, ответственный секретарь редакции, рассказывает в ответ на мой вопрос: «Что нового?»

— За последние годы нового в редакции много. Только в 1960 году мы организовали две большие экспедиции по Советскому Союзу. Одна — по стройкам семилетки — прошла на автомобиле ГАЗ-60 по

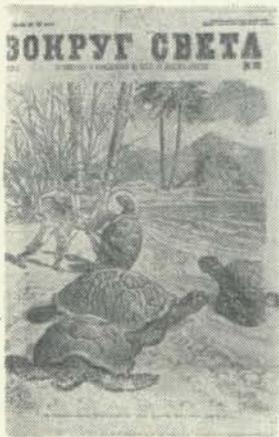
маршруту: Москва — Рязань — Курская магнитная аномалия — Керчь — Киев — Дашава — Львов — Минск — Смоленск — Москва. Другая экспедиция отправилась по 60-му меридиану — от острова Вайгач и до Иранской границы. А вот и телеграмма от начальника второй экспедиции товарища Федоровского, из города Нукус, она поступила сегодня ночью. Путешественники сообщают: «Сделали очередную тему о Казахской целине, дальше двинемся пустыней. Федоровский». По телеграммам видно, что ребята собрали богатый материал.

— Что еще нового было в минувшем году? А вот устные выпуски журнала. Сотрудники редакции, авторы и кинооператоры подготовили несколько таких номеров журнала и выступали с ними в Ленинграде, Горьком, Ивделе, Саранпауле, Дубно, Обдорске, в вузах Москвы.

И, словно в подтверждение его слов, в комнату вошел представитель из города Дубно — города мирных атомов.

— Нет, вы сами не представляете, как здорово получилось! Просим повторить ваш журнал. Как тут откажешь!

— А еще, — продолжает Попков, — наш журнал стал поборником охраны природы. У нас

даже создан подотдел «За ленинское отношение к природе». В 1957 году мы выпустили номер, целиком посвященный природе. К третьей сессии Верховного Совета РСФСР товарищ Органов затребовал этот номер. Почетное звание мы выполнили с трудом: того номера журнала у нас почти не осталось, для председателя Верховного Совета РСФСР вырвали из подшивки последний.

...На столе главного редактора Виктора Степановича Сапарина — еще пахнущие краской экземпляры одиннадцатого номера. Журнал с выпуском не задерживается. Тираж одиннадцатого номера пошел к подписчикам еще в конце октября. Завидная оперативность!

— В 1961 году, — говорит Сапарин, — у «Вокруг Света» появится новое детище — приложение «Искатель». Мы намерены в течение года выдать шесть книг «Искателя». Читатель в них найдет фантастику, приключения, произведения о романтике наших дней. Первая книга уже подготовлена к выпуску.

Да, читатели с нетерпением ждут ее...

...Отделы в редакции «Вокруг Света» небольшие: два-три человека. Зато аппарат молодой, комсомольского возраста, задорный, инициативный!

В отделе «Стран народной демократии» Маргарита Максимовна Кондратьева только что получила перевод очерка румынского писателя Иона Григореску о строительстве гидростанции имени Ленина в Румынии, вблизи селения Биказ, и обрабатывает его. Румынский писатель побывал на строительной площадке, несколько раз прошел по дну будущего моря — у него получился замечательный и интересный очерк. Его также решено опубликовать в юбилейном номере журнала.

Второй сотрудник отдела — Валерия Лебединская, готовит к печати рукопись польских писателей Алины и Чеслава Центкевичей.

— Это, — говорит она, — увлекательный рассказ о смелых людях, о мужестве, о дружбе. Представьте маленький остров, затерянный в Баренцовом море. Бушует шторм, а на зимовке заболел радист. Товарищи подозревают, что у него заражение крови. Требуется вмешательство хирурга. Суда не могут подойти к острову. И навстречу буре, на утлой шлюпке друзья рискуют везти своего больного к врачу на корабль, который курсирует вдали...

Отделы «Стран народной демократии» и «Капиталистических стран» поддерживают регулярную связь с учеными, путешественниками, писателями, очеркистами и фотографами многих стран мира. Сюда пишут чешские путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, знаменитый французский ученый-спелеолог Норберт Кастере, китайский писатель Лю Бай-юй, бельгийский зоолог Эйвельманс, английский исследователь Фукс и многие другие.

Юрия Борисовича Савенкова — зав. отделом «Капиталистических стран» — я застал за материалом Варшавского «Заманчивые клады и разбитые иллюзии». Это памфлет на американский образ жизни. Американец Коффман издал атлас карт, в котором совершенно серьезным тоном утверждает, что в мире существуют 3047 мест с затонувшими кораблями, набитыми сокровищами. За десять долларов Коффман предлагает

подробнейшие карты мест, где покоятся эти клады. В погоне за наживой американец покупает такой атлас и организует экспедицию. Конечно, он возвращается ни с чем.

...На столе Евгении Николаевны Васильевой, заведующей литературным отделом и члена редколлегии, — фантастический рассказ молодых свердловских писателей Михаила и Ларисы Немченко.

— Прекрасный рассказ о героях космических путей, — говорит она. — Обязательно будем печатать. Нынче вообще урожай на рассказы о межпланетных путешествиях. Время такое!

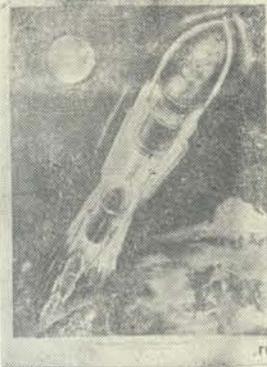
...В отделе «Наша Родина» половина сотрудников в командировке. Но при мне раздался звонок из Гродно, на проводе оказался Смирнов, заведующий отделом. Он сообщил друзьям, что сбор материала о подпольщиках и партизанах Белоруссии подходит к концу, есть много интересного.

Литературный сотрудник Валерий Симаков заканчивал письмо иркутскому геологу В. А. Твердохлебову, научному сотруднику Восточно-Сибирского геологического института. Твердохлебов представил в журнал очерк под названием «Тайны далекого плато». Молодой геолог руководил группой, изучающей Сордоннохское плато, что расположено в верховьях Индигирки. Среди местного населения ходила легенда, что на этом плато, на озере Лабынкыр, живет какой-то необыкновенный зверь с глазами, расставленными на расстоянии десяти бревен. Твердохлебовская группа добралась до этого дикого плато. На склоне каменистых сопков они обнаружили множество человеческих черепов, а в озере Лабынкыр Твердохлебов собственными глазами увидел легендарное животное. По его мнению, это был представитель китов — касатка-гладиатор. Но каким образом представитель морской фауны попал в это озеро, отдаленное от Охотского моря на 200 с лишним километров, да еще высоченным хребтом, — пока загадка. Однако геологи предполагают, что весь Сордоннохский район можно отнести к участку земли, сохранившемуся от третичного периода.

Валерий в письме молодому ученому советует, как лучше построить очерк, как его иллюстрировать, сделать увлекательным и полезным широкому читателю.

...В редакции уже все знают, что к выходу в свет первой книжки «Искателя» — нового приложения к журналу — получены приветствия академиков Несмеянова и Берга, писателя Шолохова. В их письмах красной нитью проходит мысль, что журнал приключений и фантастики очень необходим нашей молодежи.

ВОКРУГ СВЕТА

Николай ЛОВЦОВ

УЗНИК

В один из поздних июльских вечеров 1960 года около Свердловского краеведческого музея остановилась автомашина. Она привезла не совсем обычный груз. Из кузова с трудом выгрузили дверь. Массивная, окованная железом, она имела солидные железные запоры, «глазок» для тюремного надзирателя, небольшое, плотно закрывающееся окно для передачи пищи заключенному. Словом, привезли тюремную дверь, отслужившую свою службу в так называемых Николаевских ротах, расположенных в Нижней Туре, Свердловской области. Это была одна из самых страшных не только на Урале, но и во всей стране тюрем для политических заключенных, прозванная «Уральским Шлиссельбургом».

Давно она уже перестала быть местом заключения. Ее помещения используются под склады, а дверь привезли в Свердловск, чтобы поместить в музей. Она зримо, ощутимо напомнит о тех условиях, в которых боролись, гибли и побеждали вожаки уральского пролетариата — Я. М. Свердлов, Н. Е. Вилонов (Михаил Заводский), Ф. А. Сергеев (Артем), И. М. Малышев, Н. Н. Батурилин-Замятин и другие революционеры.

За тюремной дверью

...Лето 1905 года. Прорываясь сквозь решетку небольшого окошка под потолком, солнце оставляет на полу тюремной камеры-одиночки неправильные квадраты светлых пятен. Солнечные лучи освещают деревянный топчан, заменяющий кровать, и грубо сколоченный стол, за которым сидит человек. Его большие сильные руки лежат на некрашеных досках стола. Круглая, с крупными чертами лица голова склонилась над толстой тетра-

дью. Из-под густых черных бровей спокойно смотрят большие карие глаза. В них — твердость и внутренняя собранность и почти детское добродушие. Стройное, крепко сколоченное тело узника свидетельствует о его значительной физической силе.

Уже второй месяц «знакомится» двадцатидвухлетний Никифор Ефремович Вилонов с нравами и порядками Николаевского исправительного арестантского отделения. В прошнурованной тетради, недавно выданной ему тюремной администрацией, появляется следующая запись:

«Здесь существует... режим, вся соль которого сводится к внушению арестантам страха перед администрацией. Отдаленность рот от прокурорского надзора создает очень благоприятную почву для произвола, который приходится испытывать каждому попавшему сюда. Одной

УРАЛЬСКОГО

из мер укрощения является карцер, темный или светлый, смотря по настроению наказывающего. Внутреннее устройство его очень просто: это каменный сырой ящик, два с половиной шага в ширину и пять в длину, с полусводчатым потолком и окном, но размерами не больше вагонного, которое находится в боку ящика на высоте двух с половиной аршин над уровнем пола. Воздух в нем всегда обладает специфически затхлым запахом даже в летнее время, когда окно все время открыто, а недостаток света, особенно в пасмурные дни, превращает его в полутемную конуру, требующую при чтении очень сильного напряжения зрения. Все отличие темного карцера от светлого заключается в отсутствии окна. Надо сказать, что перспектива очутиться в карцере страшно пугает арестантов, и, как говорил начальник, самые буйные и непокорные из них после месячного пребывания в нем превращаются в тихих и исполнительных.

Но вот с 1903 года по распоряжению губернатора и губернской тюремной администрации часть этих карцеров пре-

вратили в камеры для содержания подследственных политических заключенных, то есть для этого поставили в них стол и койку, и теперь все арестованные по политическим делам, для которых нет надежды на скорый выход, отправляются сюда и здесь принуждены проводить долгие месяцы, подвергаясь всевозможным физическим и духовным страданиям. По словам доктора, все его писания о негигиеничности и непригодности данных камер для продолжительного пребывания в них «остаются гласом вопиющего в пустыне...»

Вилонов поднял голову и задумался. Там, на воле, продолжается борьба. А он вынужден томиться в этом каменном ящике, полный нерастратченных сил и энергии, которая так восхищала его уральских товарищей.

Приключения подпольщика

Перед ним пробежали картины недавнего прошлого. За короткий срок своего пребывания в Екатеринбурге он помог создать несколько подпольных большевистских типографий. Почти каждую ночь на улицах города появлялись новые листовки и воззвания. Полиция неистовствовала, агенты охраны шныряли по городу днем и ночью.

27 января 1905 года в маленьком домике на окраине Екатеринбурга должно было состояться заседание Уральского комитета РСДРП. Пошел туда и «Михаил», — как звали Вилонова товарищи по партии.

Темная январская ночь. Сильная метель слепит глаза. Рядом с домом, где должно проходить заседание, «Михаилу»

Никифор (Михаил) Вилонов.

только ему одному. Ясно, что за ними следят. Нужно немедленно уходить. Первым вышел один из жильцов дома и скрылся в темноте. За ним двинулась человеческая фигура, отделившаяся от соседнего дома. Другой жилец увел за собой второго шпика, освободив путь остальным участникам собрания.

В ту же ночь комитетчики перебазировались на квартиру Сергея Черепанова, техника городской электростанции. Но когда на следующий день, 28 января, Вилонов выходил из квартиры Черепанова, он снова чуть не попал в руки жандармов, оцепивших квартиру. Спасли Вилонова быстрые ноги.

Все остальные члены комитета были

ШЛИССЕЛЬБУРГА

встретился какой-то прохожий, пытавшийся заглянуть ему в лицо. У ворот дома «Михаил» остановился и огляделся по сторонам: у соседнего дома мелькнула какая-то тень и скрылась за углом. Вилонов постоял немного, но улица казалась пустынной.

Когда он вошел в квартиру, почти все были в сборе. Оказалось, что подозрительные «прохожие» встретились не

арестованы. В руки жандармов попала и хорошо оборудованная типография.

Арестованных поместили в Екатеринбургскую тюрьму. Все радовались тому, что «Михаил» остался на свободе. Однако через несколько дней во дворе тюрьмы раздался чей-то громкий возглас: «Товарищи!» Выглянув из окон, заключенные увидели Вилонова в сопровождении конвоя.

«Николаевские роты».

Схватили его, когда через два дня после удачного бегства из черепановской квартиры Вилонов попытался спасти типографию, спрятанную на квартире у брата Сергея Черепанова — Александра. Но и здесь была полицейская засада.

Обладая большой физической силой, Вилонов мгновенно сшиб с ног кинувшегося к нему человека и бросился бежать. Когда он выскочил на лед городского пруда, гнавшиеся за ним полицейские стали отставать. Но вдруг Вилонов поскользнулся и упал. Подбежавшие полицейские схватили его.

Следствие по делу Вилонова и его товарищей тянулось долго, и для охраны безрезультатно. А пока суд да дело — большевики не теряли времени даром. И только неожиданный обыск в камере Вилонова, где хранились веревки, пилки для решеток и другие инструменты, предотвратил побег большевиков из Екатеринбургской тюрьмы.

В середине мая арестованных по делу Уральского комитета РСДРП, в том числе и Вилонова, за «беспокойный нрав» погнали по этапу в Николаевскую тюрьму.

Побег

Но и здесь, в этой страшной тюрьме, Вилонов не отказался от мысли о побеге. С ней он просыпался утром, с мечтой о воле он ложился спать. Несмотря на строгий режим, камеры днем не запирались, и политические заключенные могли встречаться друг с другом. Это давало возможность думать и готовиться к побегу вместе с товарищами.

Бежать, но как? Отвергался один вариант за другим.

Наконец, кажется, нашли.

В конце коридора тюремного корпуса находилась уборная, доступ в которую был свободен. Оказалось, что одна из досок пола подгнила, довольно легко под-

нимается и снова ложится на свое место. Отсюда и решили копать выход на волю. Задача облегчалась еще и тем, что корпус для политических заключенных стоял на окраине тюремного двора и не имел внешней ограды.

С большим азартом принялись за работу. Рыли землю по очереди, сначала руками, а потом небольшим ломиком, случайно найденным в сених тюремного корпуса. Землю убирали в свободное пространство под полом уборной, а потом разносили ее по камерам и прятали под вскрытые половицы. Землю ссыпали также в печку в коридоре, которая в летнее время не топилась.

Обычно один копал, второй заключенный отвлекал внимание дежурного тюремного надзирателя анекдотами и побасенками, а третий следил за входной дверью, откуда могло нагрянуть тюремное начальство. В случае опасности стоящий на страже заключенный затягивал песню:

Славное море — священный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...

Услышав песню, работающий в уборной быстро выскакивал из ямы, закрывал ее доской и принимал позу обычного посетителя уборной.

С каждым днем работать становилось все сложнее. Подкоп уходил все глубже, услышать сигнал было трудно, а выбраться из многометровой дыры еще труднее. Поэтому в случае внезапной опасности приходилось работающего в подкопе товарища прикрывать доской.

И вот, наконец, после двух недель напряженной работы лом в руках «Михаила» стукнулся о кирпичную стену тюремного корпуса. Стена уходила глубоко в землю, поэтому решили проделать в ней отверстие. К счастью, восемнадцативершковая стена в этом месте оказалась с трещиной, что значительно облегчило дальнейшую работу. Оставили неразоб-

ранным только один слой кирпичей, которые должны были убрать в момент побега.

Настал долгожданный день, 10 июля 1905 года. Бежать решили пятеро: Вилонов, Батурин, Мавринский, Кацнельсон и Златкин.

Первым спустился в подкоп «Михаил». Несколькo ударов лома — и путь свободен. Вот уже трое благополучно пролезли через дыру, но четвертый товарищ застрял. Пока его вытаскивали, беглецов заметили и схватили.

Расплата

Над участниками побега учинили жестокою расправу. Особенно досталось Вилонову, которого считали инициатором побега. Двое солдат держали его за руки, а третий с размаху избивал его прикладом ружья.

Избитого, обнаженного Вилонова облили крутопосоленной водой и бросили в карцер на холодный каменный пол, где он пролежал восемь суток. Были зверски избиты и другие участники побега.

Позднее, в беседе с А. М. Горьким, Вилонов вспоминал: «Когда тюремщики топтали меня ногами, я, конечно, чувствовал и боль, и обиду, но право же, гораздо больше — страх: что, если б на моем месте оказался другой товарищ, не такой крепкий, как я?»

Особенно пугала Вилонова мысль, что на его месте мог оказаться Ленин. «Ведь они всякого могут растоптать, попади им в злую минуту Ленин, они, и его... Вот где ужас! Главное-то, и непростительное, преступление классового общества в том, что оно воспитало в людях страсть к мучительству, какое-то бешенство. С наслаждением мучают, сукины дети, это я очень знаю! Вот наслаждение-то и есть преступность, которую уже никак никто не оправдает. В природе такой гадости нет!»

После поимки беглецов тюремщики окончательно распоясались. «Единственная форма протеста, не вызывающая дальнейших репрессий — голодовка, — записано в тюремной тетради Вилонова, — здесь недействительна, ибо одно время прямо было заявлено одному из сидевших, что «смерть от голодовки для нас ничего не значит... здесь у нас тайна. Придет врач и констатирует, что умер от тифа или еще чего-нибудь, и конец всему».

Снова на воле

Вывавшись из Николаевской тюрьмы в октябре 1905 года, Вилонов с прежней энергией ведет революционную работу сначала в Екатеринбурге, потом в Самаре и Уфе.

В январе 1906 года Вилонов снова в Екатеринбурге, находившемся на военном положении. В городе шли повальные обыски и аресты. Большевики ушли в подполье, но борьбу продолжали. Проходили нелегальные собрания и массовки, выпускались прокламации.

Буквально под носом полиции большевики создали новую подпольную типографию. Особая заслуга в этом принадлежала «Михаилу» — Вилонову. Уральский комитет РСДРП поручил ему взять шрифт в какой-нибудь частной типографии. Вся операция по изъятию шрифта была проведена исключительно смело и дерзко. В ней, кроме Вилонова, участвовали Ф. Ф. Сыромолотов и двое боевиков.

Ночью 23 января 1906 года в типографию Колмацкого и К^о вошли четыре человека. Один из них встал у входной двери и вынул револьвер. Перепуганный хозяин готов был отдать все, что угодно. Он даже помог грузить шрифт в мешки. Перед уходом неизвестные припугнули хозяина, предупредив его, чтобы он не выходил за дверь, так как под порогом заложена бомба.

На следующий день на ноги была поставлена вся полиция. Сначала полицейским повезло: один из мешков, в котором несли шрифт, порвался, и в образовавшуюся дырку проваливались литеры. Это и привело полицию на улицу, где шрифт был временно спрятан в огороде одного из домов. Полицейские принялись обыскивать дом за домом.

Положение спасло мужество и находчивость большевички Марии Авейде. Она встретила полицейских у дома, в огороде которого был закопан шрифт. Прикинувшись сварливой бабенкой, она устроила с околоточным ссору, которая привлекла внимание прохожих. Стала собираться толпа. Полицейские, наскоро осмотрев дом и не заглянув в огород, поторопились уйти от греха подальше. Шрифт был спасен.

В марте 1906 года на окраине Екатеринбурга, в лесу, за магометанским кладбищем, проходило партийное собрание по

выбору делегатов на IV съезд партии, на котором присутствовал Вилонов. Неожиданно нагрянула полиция. Скрыться не удалось. Арест. Екатеринбургская тюрьма. И снова этапом в Николаевские роты.

Еще раз в тюрьме

Поражение революции и наступившая реакция сказались и на порядках Николаевской тюрьмы. Тюремный режим стал еще более суровым. Вилонов и другие большевики повели решительную борьбу против произвола тюремщиков. Эта борьба закончилась трагически.

В конце мая 1906 года представитель социал-демократической фракции в Государственной думе огласил следующую телеграмму: «Николаевской тюрьме Пермской губернии репрессии политическим. 15 карцер. Один изувечен. Один покушался на самоубийство, двое — смиренных рубашках. Пятьдесят голодают третий день».

Что же стояло за этими страшными в своей краткости строками?

Все попытки политических заключенных вернуть возможность пользоваться хотя бы элементарными правами не давали никакого результата. За малейшее нарушение «порядка» следовал перевод из общей камеры в одиночку, а из одиночек в карцер. На требование Вилонова вызвать для объяснения начальника тюрьмы было отвечено отказом.

Тогда «Михаил» решил пожертвовать собой, чтобы своей смертью обратить внимание общественности на положение остальных заключенных. Он закрылся в своей камере, привязал себя к койке полотенцем, облил одежду керосином и взялся за спички. В это время в камеру ворвались тюремные надзиратели, заперли Вилонова в одеяло и избили до потери сознания.

Но даже после этого Вилонов не прекратил борьбы. В тюрьме началась всеобщая голодовка. Тогда начальник тюрьмы потребовал от инспектора Пермского тюремного управления убрать из тюрьмы или его или Вилонова, иначе он не ручается за порядок. Вилонова перевели сначала в Екатеринбургскую, а потом в Камышловскую тюрьму, откуда 12 июля 1906 года ему удалось бежать.

Но могучий организм Вилонова был

разрушен двумя жестокими избиениями и ужасными условиями заключения. Он стал харкать кровью.

Партия направила его за границу с тем, чтобы он там и подлечился, и поучился. Он жил некоторое время в Италии, а потом уехал в Париж, где учился в ленинской партийной школе в Лонжюмо.

В 1910 году, всего 27 лет от роду, Вилонов умер.

Человек, наделенный осязанием будущего

«Он был создан природой крепко, надолго, для великой работы», — писал в своем очерке о Вилонове А. М. Горький. Николаевская тюрьма убила этого замечательного человека, Человека с большой буквы, как называл его Горький.

До последней минуты своей жизни Никифор Ефремович Вилонов оставался революционером-борцом. Его не сломали ни тюрьмы, ни ссылки, ни побои, ни издевательства царских палачей. Он был революционером-богатырем не только в физическом смысле, но и богатырем по силе духа. Далеко не всем удавалось выдерживать все тяготы жизни профессионального революционера в самодержавной России.

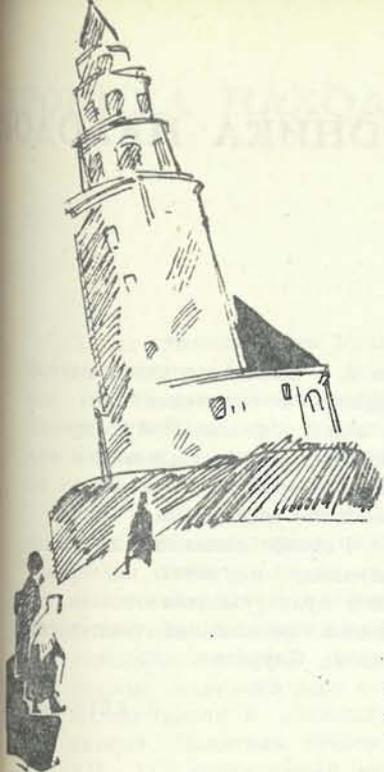
Вилонов до последней минуты непоколебимо и страстно верил в победу, ибо для него революционная борьба была не романтическим увлечением молодости, а содержанием и смыслом всей его жизни. В борьбе за лучшее будущее он видел ее конечную цель. Как сказал А. М. Горький, у него «было развито чувство осязания будущего».

Никакие превратности судьбы не могли столкнуть Вилонова с пути, по которому он пошел. Недаром В. И. Ленин в письмах к Горькому в период идейного разброда и шатания в русской социал-демократии выражал твердую уверенность в то, что рабочий класс «выкует превосходную революционную социал-демократию в России»¹, что «рабочие-русские» «вывезут социал-демократию на верный путь *во что бы то ни стало* и что бы ни произошло... Такие люди, как Михаил, тому порукой»².

Игорь ШАКИНКО

¹ Ленин В. И. Соч., том 34, стр. 354.

² Там же, стр. 353.

ЧАСЫ НЕВЬЯНСКОЙ БАШНИ

В Государственном Эрмитаже в Ленинграде хранятся хитроумно устроенные «музыкальные дробки» работы замечательного тагильского механика-самоучки Е. Г. Жепинского (Кузнецова). Уже по одной этой работе о Жепинском можно говорить как о выдающемся изобретателе. Изобретением прокатного стана, астрономических часов он опередил свою эпоху на многие десятилетия.

Преподаватель Уральского госуниверситета Б. Цыпин нашел в Нижнетагильском архиве новые документы о деятельности талантливого мастера-умельца. В частности, нашлись документы, проливающие свет на историю часов знаменитой Невьянской «падающей» башни.

Даем отрывок из будущей книги Б. Цыпина о Е. Г. Жепинском, выходящей в издании Уральского госуниверситета.

С именем Е. Г. Жепинского связана также реставрация известных невянских башенных часов.

На знаменитой «падающей» башне Невьянского завода были смонтированы большие часы. В середине XVIII века они вышли из строя и довольно долго бездействовали. В 1758 году при разделе имущества Акинфия Демидова между его наследниками башенные часы в числе других вещей достались Никите Акинфиевичу. Последний задумал починить их и приспособить к действию на одном из своих заводов. Часы разобрали и перевезли на Нижнетагильский завод, но здесь долгое время никто не брался их отремонтировать. Только в 1770 году нашелся такой мастер. Это был Жепинский.

1 января 1771 года заводчик направил в нижнетагильскую заводскую контору подробнейшую инструкцию, состоящую более чем из пятидесяти пунктов. Один пункт инструкции был специально посвящен башенным часам. Демидов приказывал: «Доставшиеся по разделу разобранные башенные часы по приезде Жепинскому велеть собрать, а чего не достанет, то приделать и употребить оные для Салдинского завода, и буде лезя, то поставить оные на колокольне».

С башенными часами пришлось повозиться немало времени. Хотя Демидов постоянно поторавливал Жепинского с ремонтом башенных часов и даже приказывал своей конторе «для такого отменного против других работ искусства его оставить... неотлучным к прочим грубым заводским поделкам», работа продвигалась медленно. Восстановление часов оказалось делом очень нелегким не столько из-за сложности их конструкции, сколько из-за того, что значительная часть деталей механизма была утеряна или поломана, и Жепинскому пришлось делать их заново. В итоге на полную реставрацию башенных

часов Егор Григорьевич затратил около трех лет.

Только в начале 1773 года ему удалось, наконец, закончить работу и пустить часы в действие. «Слесарь Жепинский,— в том же году общала нижнетагильская заводская контора Демидову,— доставшимся при Невьянском заводе часам собрал и вновь приделал принадлежность и действительно на Салдинском заводе в действие привел, и действуют ныне изрядно».

Имеются некоторые сведения еще об одних часах, изготовленных руками Егора Григорьевича. Известно, что в 1773—1774 годах Жепинский «на вновь построенном Висимо-Уткинском заводе стенные часы сделал». Упомянутые часы хранятся сейчас в Висимо-Уткинском музее. Это большие стенные часы, отдаленно напоминающие стенные часы Жепинского. По крайней мере, в них действует точно такой же механизм «показания по святам... каждого дни святых». Он точно так же состоит из диска, разбитого на 365 секторов, на которых написаны имена святых, и оснащенного 365 зубьями. Можно предполагать, что на этих часах Егор Григорьевич проверял действие механизма «показания по святам», придуманного им для больших астрономических часов. «Висимские» часы явились, вероятно, своего рода подготовительной работой к астрономическим.

Таким образом, большие астрономические часы, бесспорно являющиеся выдающимся произведением часового искусства XVIII века, не были созданы изобретателем по какой-то случайности. В своей многогранной трудовой деятельности он проявил себя и как выдающийся часовой мастер. Астрономические и другие часы его работы в полной мере подтверждают это. Не приходится поэтому удивляться, что астрономические часы так никому и не удалось починить после смерти изобретателя.

Б. ЦЫПИН

Тайна Царева кургана

Царев курган!

По одним легендам, тут похоронена дочь хана. Другие рассказывают, что здесь погребена золотая колесница. Кто, когда, в честь чего насыпал этот высокий холм, который позднее дал имя городу Кургану, долгое время оставалось загадкой.

Два года работала на Царевом кургане Южноуральская археологическая экспедиция. Она сняла насыпанный сверху шестиметровый слой земли, на глубине трех метров вскрыла главное погребение, выявила

Руководитель экспедиции К. В. Сальников и его ассистент за разбором находок из Царева кургана.

еще двенадцать малых могил. Правда, надежды ученых на крупные научные находки не оправдались: могильник оказался разграблен. Но и найденные предметы быта, вооружения позволили приподнять завесу над тайной Царева кургана.

— По размерам Царев курган, — говорит руководитель экспедиции, ученый-археолог Константин Владимирович Сальников, — был самым большим на Урале и в Западной Сибири. Он представлял погребальное сооружение, в котором покоился прах вождя племени, обитавшего в Зауралье две-две с половиной тысячи лет назад. Об этом свидетельствуют бронзовый наконечник стрелы, искусно сделанные, реставрированные из обломков, глиняные сосуды, отдельные детали деревянных конструкций захоронения.

— Но почему вы говорите о кургане в прошедшем времени? — спрашиваем мы.

— Потому что нет теперь тайны Царева кургана, — отвечает Сальников. — Да и кургану осталось жить очень недолго. Это место теснит растущий социалистический промышленный город Курган.

Ю. РЯБОВ

Весть из прошлого

В Ольховском районе, Курганской области, обнаружена жертвенная плита. Это боль-

шой, плоско отшлифованный камень с высеченной на нем головой барана. Плита принадлежит древним сарматам и имеет давность не менее двух с половиной тысяч лет.

Редкий памятник древности поможет изучению материальной культуры кочевников-скотоводов, заселявших тысячелетия назад Зауралье.

Е. ЕВГЕНЬЕВ

Находки археологов

В июле-августе Свердловский краеведческий музей принимал участие в работе Среднеуральской археологической экспедиции Госуниверситета под руководством Е. М. Берс. Экспедиция работала 42 дня. В ней участвовали учителя, студенты и школьники. В Невьянском районе, близ деревни Шайдурихи, были продолжены раскопки небольшой крепости конца II начала I тысячелетия до нашей эры. Памятник относится к гамаюнской археологической культуре. Раскопками вскрыта крепость размером 18 на 22 метра. Она была обнесена глинобитным валом, внизу которого, с трех сторон отделилась крепость от реки, проходила глубокий ров.

Внутри крепости обнаружено большое коллективное жилище с очагами. Найденны керамические изделия из камня, среди них полированная сверленная булава, наконечники копий и стрел.

Таких памятников на Урале пока не встречалось.

В Богдановичском районе на реке Кунаре проводились раскопки Кашинского городища — типичного для Среднего Урала. Еще в 1884 году здесь проводил раскопки горный инженер Ю. Ф. Гебауэр, но он не установил возраст памятника. В этом году вскрыта половина городища, найдены керамика, оружие, железный серп и много костей диких и домашних животных. Памятник относится к XII—XIV векам нашей эры.

Ю. БУРАНОВ

„Баржа Ермака“

Лето 1960 года, знойное и сухое. Вода в реках Тавдинского сплавного бассейна упала ниже сплавных горизонтов. Пришлось принимать экстренные меры для прохода древесины.

Мы плывем на катере по реке Сосьве. Берега обнажились и достигают десяти—двенадцати метров высоты. Рабочие производят окатку берегов. Мы подплываем к рабочим и берем их на катер, чтобы доставить домой, в поселок Гари.

— Взгляните на нашу находку, — говорит один из рабочих и показывает кость. — Это мы нашли на берегу. Там, в земле, есть еще кость, но очень велика, и ее надо откапывать.

Кость идет по рукам.

— Это зуб, — определяю я, — левой стороны челюсти.

А какого животного? Динозавра, мамонта?

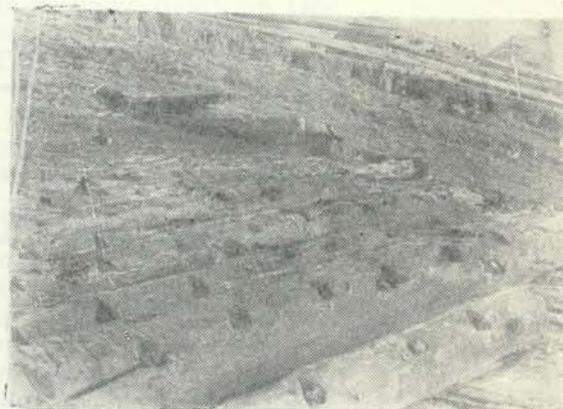
Большинство на стороне мамонта. Я на всякий случай фотографирую зуб.

— Вы бы лучше баржу Ермака сфотографировали, — обращается другой рабочий. — Она сделана без единого гвоздя.

— Ермак не был здесь, — возразил я, — он плыл по реке Чусовой, потом с реки Серебрянки перетаскал свои корабли через Уральский хребет на реку Тагил, потом Туру и по ней спустился в Tobол.

— Но в Tobол же впадает и река Тавда, — отвечает рабочий, — а Тавду образовали при своем слиянии реки Лозьва и Сосьва. Может быть, один из отрядов Ермака и поднялся вверх по этим рекам для разведки. А здесь отряд разбили или что-то в этом роде, а баржу бросили. Со временем ее занесло, а когда русло Сосьвы спрямили, паводковыми водами стало баржу вымывать.

Мы подплываем к барже и тщательно ее осматриваем. Днище судна сделано из плах шириной 54—60 сантиметров и толщиной 28 сантиметров. Материалом послужила лиственница. На шпангоуты использована ель диаметром в 26—30 сантиметров. Концы шпангоутов, идущие вверх, представляют корневища той же ели. Углы заложены в череповой брус (из целого дерева выбирается четверть). Над череповым брусом по бокам баржи снаружи дано ограждение из целого бревна диаметром 32 сантиметра. Шпангоуты к днищу прикреплены нагелями (деревянными гвоздями), забитыми снизу, сверху

На снимках часть «баржи Ермака», обнаруженной на берегу реки Сосьвы.

они расклинены. Отверстия для нагелей прожжены, имеют угол наклона и расположены в шахматном порядке. Сооружалась баржа только топором.

Мы сделали замеры. Баржа вымыта на 14 метров, предположительная длина баржи не менее 30 метров.

М. ПЕТРОВ

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

Свердловской области

В сентябре прошлого года Свердловский облисполком принял решение об охране семидесяти трех памятников природы области. С этого номера мы будем печатать описания и снимки памятников.

Скалы Петра Гронского

Скалы Петра Гронского

В 30 км к северо-западу от города Свердловска (близ станции Исеть) расположены гранитные скалы Петра Гронского. Этот памятник природы открыт совсем недавно. Здесь, у подножия причудливых башен, археологи обнаружили стоянку первобытного человека.

К востоку от основного массива скал расположены две огромные каменные подушки с естественными чашами. По предположению археологов, в этих чашах первобытные люди разводили жертвенный огонь. Об этом свидетельствуют остатки жертвенной глиняной посуды, гредметы быта, найденные близ скал.

С вершин скал видно озеро Исеть, а за ним трубы Средне-Уральской электростанции. Отсюда в город Свердловск скоро будет проведена тепломагистраль.

Любители геологии смогут собрать здесь для своих коллекций прекрасные образцы уральского гранита, сфотогра-

фировать гранитные останцы, образовавшиеся в результате действия сил природы.

К скалам Петра Гронского проложили свой новый маршрут туристы города Свердловска. Они любят сказочными каменными башнями, причудливым очертанием уступов со сквозными трещинами и нишами, стройной сосной, выросшей на вершине скал. На берегу Исетского озера, в деревне Коптяки, старик-рыбак рассказал туристам Свердловского Дворца пионеров о судьбе рабочего-революционера Петра Гронского, чье имя носят эти скалы.

— Я, ребята, от моего отца слышал, что скалы так названы народом после 1905 года. В ту пору я был мальчонкой, годков двенадцати. Помню, шел тогда слух, что за озером, близ скал, рабочие собираются, постреливают шибко. Только позднее я узнал, что это дружинники из Екатеринбурга стрельбе обучались. Постреляют, а потом оружие около скал спрячут. Следить же за оружием и до-

Марков Камень

О тяжелом, бесправном положении мастеровых уральских заводов, их борьбе против заводчиков напоминает Марков Камень, расположенный в 20 км к юго-западу от города Сысерти.

Долго из уст в уста уральские мастеровые передавали историю бунта на Полевском заводе, который возглавил кричный подмастерье Марк Береговик.

— Приехала однажды в Полевское на престольный праздник владелица заводов генеральша Колтовская и увидела, как сильный и красивый Марк Береговик победил в праздничной борьбе силача Онисима.

Подозвала она его к своей карете и давай осматривать да ощупывать, словно лошадь. Затем сказала что-то не по-русски сопровождавшим ее иностранцам и велела Марку расстегнуть рубаху. Иностранцы, хохоча, также потянулись рассматривать русского богатыря. Не стерпел позора Марк, поднял одной рукой барыню и бросил ее на землю. Кинулись на него господа и приказчики, да где там было им справиться с могучим Марком! Раскидал он их в разные стороны и ушел вместе с женой Татьяной в густые, непроходимые уральские леса. Несколько раз посылала Колтовчиха (так прозвали мастеровые генеральшу Колтовскую), чтобы поймать Марка, да все безрезультатно. Каждый раз уходил он от погони, предупрежденный товарищами.

Три зимы жил он в избушке у горы, с которой часто смотрел на родную сторону. А потом ушел в Сибирь, на вольные земли. Гору, где стояла у Марка избушка, с тех пор и назвали Марков Камень. Эта легенда легла в основу сказа П. П. Бажова «Марков Камень».

Теперь у подножия этого камня с характерными матрацевидными плитами и возвышающимся над окружающей местностью триангуляционным знаком, проходит Всесоюзный туристский маршрут «По местам сказов П. П. Бажова».

Недалеко от Маркова Камня ведется разведка асбеста. Разработки начались в годы Советской власти. Поселок горняков Ново-Асбест вырос на том месте, где когда-то шумела вековая тайга.

ставлять его в город было велено Петру Гронскому, мастеровому из Березовска. Парень он был молодой, смекалистый. Смастерил себе крошни, к ним мешок привязал: внутри револьверы лежат, а сверху рыбка насыпана. Однажды идет Петр, посвистывает. Вдруг на него сбoku городской налетел. Орет на всю улицу: «Ты, каналья, что в мешке несешь?» А Петр живехонько сбросил мешок с плеч и говорит городовому: «Да вот, рыбки наловил, ваше благородие. Не желаете ли откусить?»

Городовой брезгливо раздвинул края мешка и, увидев мелкую рыбешку, махнул рукой и пошел прочь.

А Петр доставил оружие кому следовало. После того его видели в Екатеринбурге среди рабочих-дружинников. Сказывают, угодил он в тюрьму, да скоро бежал оттуда и долго скрывался в наших местах.

Видно, хороший был человек, раз народ его запомнил и назвал его именем эти скалы.

Марков Камень.

УРАЛЬСКИЙ КИПАРИС

Мы собирали грибы около станции Хрустальной и увидели дерево. Когда подошли к нему, то оказалось, что это громадный куст можжевельника. Он растет в центре большой поляны, высота куста примерно семь метров (самую верхушку мы промерить не могли). Ветви начинаются на высоте метра от земли. Окружность ствола у корня более семидесяти сантиметров. Диаметр кроны около четырех метров. Куст имеет очень правильную конусообразную форму и красиво выделяется своей темной зеленью на фоне лиственного леса.

Ни мы, ни взрослые, к которым мы обращались, никогда не видели такого куста можжевельника, не могли объяснить, откуда он, почему такой огромный.

Ксения и Владимир Полухины, пионеры школы № 10 имени Некрасова, Свердловск.

На вопрос Ксении и Володи ответит такая надпись:

ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ

Дерево можжевельника
(уральское название верес).

Редкий по величине и сохранности экземпляр.

Высота дерева — 7 метров 80 см.

Диаметр у корня — 28 см.

Толщина на высоте одного метра
от земли — 21 см.

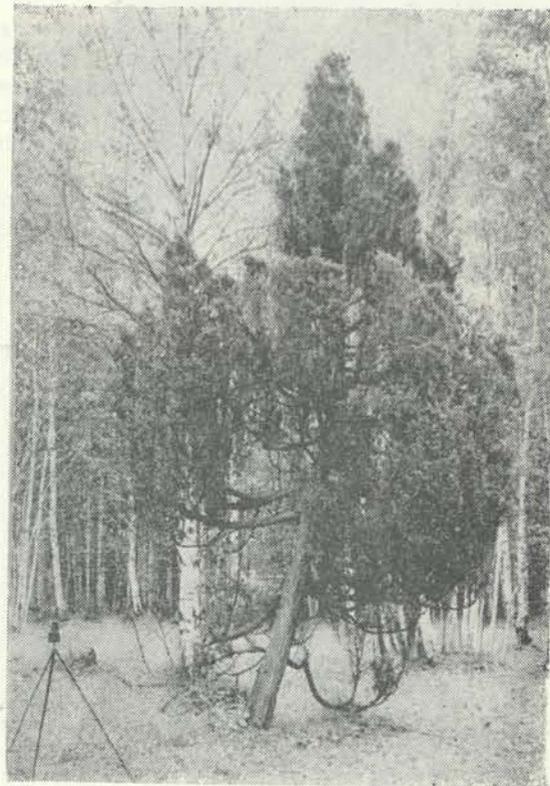
Возраст около 200—220 лет.

Находится под охраной Закона.

Этой таблички пока нет, но она должна быть — ведь такого дерева вереса нет в лесах поблизости от Свердловска, это редкий во всех отношениях экземпляр — дерево-великан. Крохотный кустик появился из земли в 1740 году, когда Свердловску было всего семнадцать лет. Вспомните-ка, сколько событий произошло: от путешествия Беринга до полета в Космос Стрелки и Белки! И все это время наш верес рос и набирал восьмиметровую высоту! Стоит такого «деда» беречь и охранять? Безусловно, стоит. Так мы и решили в тот день, когда Ксана и Вова Полухины показали свою удивительную находку.

Мне приходилось видеть деревца вереса в лесах Верх-Нейвинска, за Нижним Тагилом, около Билимбая, на речке Баранче. Но, при высоте 5—6 метров, не встречалось вереса толще 10—12 сантиметров.

«Дед-верес» очень красив и правильной формой и пушистой темно-зеленой кроной. Впрочем, даже маленькие, до

полуметра, кустики вереса всегда красивы; так и хочется пересадить их из леса на городские газоны и клумбы. Это была бы чудесная картина: зимой, на занесенных снегом клумбах, хотя бы возле памятника Я. М. Свердлову, зеленеют стройные кустики вереса.

Лесоводы и озеленители говорят, что верес очень капризен и пересадки не выносит, гибнет. Может быть, и так, но моя знакомая рассказывала:

— Я была в санатории Молтаево. Очень удивилась, когда увидела на газо-

нах возле корпусов кусты вереса. Их пересадили из леса, и они хорошо прижились. И, знаете, удивительно похожи эти кусты на крохотные южные кипарисы.

Знаю и я, что на улице Первомайской, во Втузгородке, есть десяток кустов вереса, они благополучно растут уже несколько лет.

Этот вопрос — приживается ли можжевельник на газонах, на клумбах города, где он может быть прекрасным декоративным деревцом, — должны решить юные натуралисты.

Правда, верес медленно растет — высоты в один метр достигает только в десятилетнем возрасте. Нужно долго ждать, пока кустик поднимется на 40—50 сантиметров. Что поделаешь? Ради красоты можно набраться терпения.

Лучше, чем кто-либо знают верес рыболовы. Вересовые удилища считаются лучшими. По прочности, прямизне и гибкости они не уступают бамбуковым. Беда в том, что найти верес в два-три метра высотой нелегко. Пригородные леса «очищены» от такого вереса еще предками наших рыболовов, а новый не вырос. Когда рыбак срезает под корень облюбленный для удилища верес, он и не подозревает, что губит зеленого друга.

Кто-то бы раз срезал верес в палец толщиной, тот знает, какая у него плотная и твердая древесина — тупым ножом не возьмешь. Она желтоватая, иногда с розовым оттенком, с темными прожилками, годовые слои очень мелкие. Древесина вереса отличается малой усушкой и при высыхании не дает трещин. Вот почему в древнем Новгороде мастера которого знали и использовали шестнадцатую древесных пород, росших на новгородских землях, широко использовали можжевельник. Из него делали чаши, ковши, блюда, лохани, ложки, гребни для волос. Изделия украшали резьбой. Хорошие кусты можжевелевой древесины ценились наравне с лиственницей (ее новгородцы привозили с северо-востока).

Есть у можжевельника особенность: древесина его имеет приятный, своеобразный запах, напоминающий немного запах перца. Этот запах сохраняется очень долго. Во время раскопок в Азербайджане нашли столб из можжевельника. Он пролежал в земле около четырех тысяч лет, но почти не потерял свойственный этой древесине запаха. Известно,

что древние греки строили из можжевельника корабли и дома.

Интересно, что в 1840—1860 годах у нас на Урале лесничий Россомахин (из «дворовых людей» графов Строгановых), живший и работавший в Очерском заводе, путем окраски можжевелевой древесины на корню получал удачные имитации древесины дорогих сортов дерева: розового, палисандрового, эбенового.

В наше время темно-синие, с матовым налетом (словно на чернике) ягоды вереса используются в медицине, в ветеринарии, в кондитерском производстве. Ягоды содержат эфирное масло, ценные смолы (сандарак, гумми, камедь), до 46 процентов виноградного сахара. Охотно кормятся ягодами вереса птицы: свиристели, дрозды, шуры, поползни, зеленушки и другие. Они же и сеятели вереса. Семена его защищены твердой оболочкой, в желудке и в кишечнике птиц не перевариваются и, выброшенные с пометом (сразу в органическом удобрении!), быстро прорастают.

Кажется, и это еще не все о можжевельнике-вересе. Настойчивые и любознательные следопыты могут собрать об уральском кипарисе много интересного.

Поэтому «дед-верес» должен быть взят под охрану Закона о памятниках природы. Дерево нужно обнести простой деревянной изгородью, на отдельном столбе (или на той же изгороди) укрепить охранную и предупредительную надпись. Это дерево вереса находится в лесной даче Решотского лесничества, на участке, который ежегодно отводится под покосы. Дерево живет под постоянной угрозой топора и огня, так как косари срубают на жерди и на дрова березы, осины, разводят где попало костры.

Мы попросили лесотехника Решотского лесничества А. Н. Крупина взять на себя временную заботу об охране дерева-вереса. Но этого мало. Дерево должно быть взято на учет Свердловским отделением Всероссийского общества содействия охране природы. О нем должны знать местные советские, административные и общественные организации.

Хорошо, если бы «деда-вереса» взял под охрану «Зеленый патруль» из пионеров и комсомольцев поселка при станции Хрустальной. «Дед-верес» должен жить еще много-много лет!

Николай ХРУЩЕВ

ПОИСКИ ВИНОВНОГО

А. и Л. ГОВЯДОВЫ

Рассказ

Кто-то должен отвечать...

Из кабинета Женя Дымов вышел со стиснутыми зубами. Обычно стройный и подтянутый, он сейчас сутулился, и ему казалось, что его все еще стегают жесткие слова главного инженера.

— У кого — у комсорга завода, в его бригаде коммунистического труда — брак! Это же черт знает...

Главный инженер не часто выходил из себя, но когда он говорил, что виновный должен быть найден и наказан, чисто выбритое лицо его побледнело, а левая со шрамом бровь задергалась.

Женя ослабил ворот комбинезона, закурил и посмотрел на часы: было без десяти четыре — первая смена заканчивала работу.

Его окликнули. Он остановился, поднял голову. Из кабины мостового крана выглядывала Руфа и махала рукой.

— Женя, приветствую! Не забыл, что сегодня тренировка в шесть?

Женя забыл, но сказал, что помнит.

— Постарайся, Женя, чтобы без опозданий. А ты чего, как из бани? Неприятность?

Женя не ответил.

Шум в формовочном цехе стихал, только первый конвейер еще работал. Женин заместитель — Витя Николаев — сидел за пультом и длинными пальцами нажимал на кнопки.

— А ну, кончай! Разохотились!

Витя показал пять растопыренных пальцев, сжал их в кулак, оставив один мизинец. Это надо было понимать так: еще одной вагонетки не хватает до двадцати пяти, хочется, дескать, перекрыть две нормы.

Когда вся бригада собралась в проходе, у машины, Женя рассказал, зачем вызывал его главный.

Сегодня на строительстве жилого дома в техгородке обрушилась железобетонная плита. Кран опустил ее на место по всем правилам, а когда отцепили крюки, она затрещала, переломилась пополам и рухнула на нижний этаж, увлекая за собой двух монтажников. Одному поцарапало бок, а у другого, кажется, перелом бедра — их увезла скорая помощь. Со стройки позвонили на завод. Ездил сам главный с начальником цеха. Они установили, что плита сделана бригадой Дымова месяц назад.

— И вот теперь давайте расхлебывать, кто виноват, — сказал Женя. — Ведь чем это пахнет? А тем, что нам в вину поставят наши две нормы.

Ребята зашумели, что браку в бригаде меньше, чем у других — даром, что ли, они на Доске

почета? А случай с плитой это не бригадный показатель. Может, бетон был жесткий...

Он понимал, что ребята отчасти правы. Может быть, лаборатория неправильно разработала состав бетона, а то в бетоносмесительном цехе напартачили.

Ну, а кто поручится, что это не формовщики поспешили, плохо провибрировали, или операторы не допарили плиты в камерах?

Ребята продолжали шуметь и требовали доказательств, что виновата бригада, а не приготовительные участки.

— Монтажникам нет до этого дела,— сказал Женя.— Они от нас получают плиту—мы за нее и отвечаем. Пятно пока на нашей бригаде...

Женя шел к себе, в комсомольский комитет, и думал, что ясно пока только одно: плита лопнула, монтажники в больнице, и кто-то должен отвечать за это.

«Мне все равно...»

На другой день после работы Женя собрал комитет и пригласил на него старшего лаборанта Нину Паншину, мастера смены бетоносмесительного цеха Иванихина и Лину Синицыну—оператора бетоносмесительной машины. Он объяснил, в чем дело, сказал, что приглашенные работали в ту смену, когда была сделана злощастная плита.

— Прошу высказывать свои соображения... Руфа, веди протокол.—И воткнул карандаш в зеленое сукно стола.

Нина Паншина сидела на диване рядом с Иванихиным и, поднимая плечи, что-то шептала.

— Прошу, товарищ Паншина,— сказал Женя,— чем шептаться-то.

Говорила Нина, стараясь правильно строить предложения и подчеркивать наиболее важные места паузами и наклоном головы.

— До обеда я проверяла. Бетон точно соответствовал дозировке. Я и была поэтому уверена в его кондиционном качестве. Очевидно, вы недостаточно вибрировали...

Женя надавил на карандаш, острие сломалось. Он посмотрел на него и начал карандашом стучать по ладони.

— Но ведь мы же просили проверить еще раз!

Нина удивленно оглядела всех присутствующих и обидчиво ответила, что объяснила все. И если секретарь пытается оказать на нее давление, то это просто значит, что он перекладывает ответственность со своей бригады на чужие плечи.

— Мы в этот день все замеры произвели строго по инструкции. Можете проверить по журналу...

Женя покраснел, переломил карандаш пополам и затравленно поглядел на Нину:

— Журналом загорживаешься... По инструкции живешь? А совесть-то комсомольская?

Нина поджала губы и ничего не ответила. Медленно остывая от вспышки, Женя не глядя боднул чубом в сторону Лины:

— Ну, а ты что скажешь?

Все посмотрели на Лину. Вид у нее был помятый, заспанный. Она, не смущаясь и не робея, выдержала взгляды, встала и монотонно, точно заученными, неживыми словами сказала, что коли она в ту смену готовила бетон, то, значит, и вина ее. И больше не о чем разговаривать..

— Вот не ожидал,— тугим басом отозвался Иванихин.— Чего ты льешь на себя?

— Но ведь, Роман Ильич, всем хочется найти виновного. Видите, как все уставились... Не глупенькая, понимаю...

Иванихин рассердился:

— Мало ли кому что хочется! Обвинить по хотенью — это значит, преступление сделать...

— А мне, Роман Ильич, это все равно...

Под Иванихиным затрещали пружины дивана.

— То есть как это все равно?

— Так...

— Нет, ты постой. Ты воду-то выпей. Это бывает: вдруг в мозгу шарик за ролик заскочит.

Личное...

Руфа, розовая от усердия, писала протокол и бубнила себе под нос:

— Она вообще что-то стала на всех... По-

думаешь, принцесса. Ты, Синицына, на комитете, а не дома, где можно позволять себе...— посмотрела она на Лину через плечо.

Лина дрожащими руками разглаживала складки скатерти.

— Ну, Синицына, говорить еще будешь?— спросил Женя.

Неожиданно для всех Лина ответила:

— Буду! Регламентом, надеюсь, не ограничите? А если дело решили передать в прокуратуру, то постарайтесь все записать в своем протоколе.

Женя попросил ее не горячиться, не на митинг, мол, и говорить только факты.

— Хорошо. Я постараюсь. Дай мне, Вадим, горло промочить.

Лина выпила весь стакан и вдруг начала топливо рассказывать, как она,— все, конечно помнят,— зимой во время лыжных соревнований сошла с дистанции и сказала, что креплением стерла ногу. А дело вовсе не в ноге. Она поняла, что при таком темпе, какой предложил Руфа, ей не выдержать, а финишировать последней она не нашла в себе мужества...

Женя с треском покатав обломок карандаша по столу и, не глядя на Лину, бросил:

— Ты, Синицына, не отвлекайся на личное... Ты ближе к делу...

Руфа перестала писать. Она встретила с Линой взглядом и вдруг громко вскрикнула:

— Да ведь на то и спорт, чтобы кто-то проигрывал, а кто-то выигрывал! А ты и крылышки сложила?

— А что мне оставалось? Вот собьют тебя как-нибудь с ледяной дорожки...

Руфа перебила ее:

— Ну и что? Спорт я люблю для здоровья и как красивый отдых. Собьют так собьют. Не заплачу. Других дел мало, что ли?

Однажды Лина сказала ей: «Не пережить будет, честное слово, если на глазах у Вадима я приду последней к финишу. Он очень верит в меня». Тогда-то Руфа и дала себе слово обогнать ее. И она обогнала. Она кричала Лине: «Лыжню... эй ты, лыжню освободи!— и, обходя ее, посмеялась:— Что, Линка, потеряла Вадима? Догоняй!»

И откуда тогда столько силы взялось? Она очень быстро оставила Лину за собой, а когда оглянулась — ее уже не было. Потом искали ее до самого вечера. Она была дома, плакала и никого видеть не хотела.

Потом Лина начала отходить от нее, а Вадиму стала грубить, наверное, потому, что не хотела выглядеть в его глазах соперницей. А впрочем, при чем тут все эти личные дела?.. Лина... Вадим... Она...

Лина, наконец, заговорила снова.

— Вот ты, Руфа, говоришь: мало других дел, что ли? Помнишь, Вадим, как я тебе хотела рассказать именно об этих других делах? Забыл?

Вадим пожал плечами и ответил, что нет, не забыл, но связи с сегодняшним комитетом он что-то не улавливает.

— Ты и тогда никакой связи не уловил!

Вадим, краснея, вдруг перебил ее:

— Если что-нибудь личное, то... я не знаю... Извини, пожалуйста, но ведь здесь же комитет. Женя был против. Заспорили. Решили, что лучше, конечно, не отходить от «дела» и говорить только о том, что поможет разобраться с дефектной плитой.

— Ну, хорошо,— сказала Лина.— Как сумею. Помните, на комсомольском собрании обсуждали письмо сталинградцев? Они взяли на себя обязательство добиться, чтобы весь завод их стал заводом коммунистического труда, и нас вызвали на соревнование. Мы же струсили тогда. Одна Женина бригада и начала только соревноваться. Вон и обязательства,— указала Лина на стенд, обтянутый красным полотном.

— Я тогда не выступала на собрании, но Вадиму, как ответственному за производственный сектор, сказала, что у меня есть дело, очень важное дело, и попросила после работы зайти в наш цех. А он не пришел. Я его ждала часа три.

Лина с укором посмотрела на Вадима и продолжала, глядя на Женю:

— Я хотела тогда, во-первых, чтобы Вадим помог мне кое в чем разобраться по работе, а во-вторых, вот что. Ведь как, ребята, мы работаем? Вот я. Я жду звонка, когда у меня попросят бетона. Тогда я его начинаю готовить. А так стою у своего пульта без дела. А ведь и мне хочется план перевыполнить. А я полностью завишу от конвейера, от склада, от бетономешалок. Ведь это же целый цикл. А если бы у нас был комсомольский пост, как бывало раньше, весь этот цикл мог бы работать без перерыва. Я об этом и хотела посоветоваться с Вадимом, обойти весь завод, может, и дельное что придумали бы. Но Вадим не пришел... Это, конечно, дело его, куда идти...

Вадим поднял руку, но Женя не дал ему слова.

Вадим сцепил руки и застучал ногой. Руфа посмотрела на него. Он извинился и обхватил голову руками.

— Вот и оказывается,— продолжала Лина,— что у меня все в прошлом: и комсомольская путевка, и сильный коллектив комсомольской стройки, и спорт. Отработаешь смену, зайдешь в магазин за продуктами — и домой: вышивать да книжки читать. Билет и пролежал у меня в чемодане...

Месяц назад в обеденный перерыв Женя сказал, что поступили сигналы: Синицына, дескать, взносы не платит. И попросил у меня билет. Я сбегала домой и принесла. Он взял его, положил в карман, а меня отчитал и сказал, что мое личное дело будет слушаться на общем собрании.

Я поднялась к себе в бетоносмесительный, встала к пульту, и такое вдруг безразличие навалилось на меня... Столько было хорошего, красивого пережито, и вдруг — на — билет отдай... Если бы вы знали, как это тяжело...

Позвонили с конвейера, и я защелкала ключами пульта. Не знаю, я ли виновата — не тот ключ повернула и вместо мелкого дала крупный щербень, верхний ли затвор на дозировочных весах сорвался, и вместо семисот килограммов пропустила тонну двести, или моторист плохо промешал. Не знаю. Вам лучше знать. Может выгонять меня с завода, отдавать под суд... Меня здесь держало одно прошлое, а его нет, и оно не возвратится...

Лина оттолкнула стул, он с грохотом упал, и вышла, не спросив разрешения.

Где был Вадим?

Вадим стукнул ладонями по столу, встал и сказал Жене, что так поступать, как он поступил с Линой, — не чутко, не по-товарищески.

Женя тоже встал и наклонился над столом, с расстановкой и веско говоря, что из-за каких-то там личных переживаний завод не должен страдать, тем более строители-заказчики.

— Но, Женя, человек ведь не машина.

— Ах, оставь пожалуйста.— Женя сморщился.— В тебе сейчас говорит твое личное отношение к Синицыной.

— А в тебе честолюбие и эгоизм.

В комнате стало тихо.

— И вообще, если так относиться к людям, то... ведь машины без людей не работают.

Поднялся Иванихин и, глядя в упор на Вадима, спросил:

— А где же ты, милый товарищ, был в тот вечер, когда человек, можно сказать, истомился, тебя ожидая? Ведь Лина-то, между нами говоря, хотела завод омолодить, хотела со сталинградцами потягаться. Ведь, вдумайтесь, она за весь ваш комитет одна думала. А вы... Постой, Вадим, имей терпение. Как я понял, с тобой и Руфой у Лины давние счеты...

— А вы, Роман Ильич, — перебила Руфа, — не знаете, так не городите. Извините за резкость. Вы, наверное, думаете, что Вадим в тот вечер был со мной в театре?

Вадим вылез из-за стола, остановился перед Иванихиным, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и выбежал из комнаты.

Лину он догнал уже в проходной. Заглянул ей в глаза, — они были сухи и злы. Он попытался взять ее под руку — она отняла ее и ускорила шаг. Вадим пошел рядом, говоря, что теперь он все понял, что Лина много напутала, и что давно пора серьезно поговорить.

И Вадим коротко рассказал о том, как он после разговора с Линой думал, почему именно в цехе ей хочется встретиться, а не дома, не на улице. Хотел забежать во время обеденного перерыва, да постеснялся: грязный сильно был — ремонтировали шнеки в зольнике, а это такая грязная работа, что после нее и родня не узнает. А когда кончилась смена и он был уже в душевой, к нему прибежал Саша Кориков и еле растолковал, в чем дело.

Оказалось, лопнула экранная труба, и из первого котла ушла вода. Саша перекрыл воздух и уголь, свалил жар и шлак, пустил в котел холодную воду и до предела расшуровал третью печь, чтобы не остудить камеры пропаривания на заводе, а сам побежал искать Вадима. Ждать до утра нельзя было — вторая печь на ремонте, а один котел едва-едва может часа на полтора обеспечить завод. А потом, без пара, завод стал бы. Вадим прибежал в котельную. Нужно было вырезать экранную трубу, а потом заглушить ее. Для этого пришлось взбираться на самый верх печи, протискиваться в цилиндрическую часть котла, в котором сходятся все экранные трубы, и там, лежа, как в духовке, приварить заглушку на отверстие трубы.

Вадим был человек удивительно крепкий, но под конец Саше пришлось вытаскивать его за ноги, дуть ему в лицо и растирать грудь.

С печью они провозились более трех часов. И когда Вадим вымылся и прибежал в бетоно-

смесительный, Лины там уже не оказалось. Он пришел к ней домой. Но она не открыла ему, крикнула через дверь, что видеть больше его не желает...

Виновник найден

Лина проснулась.

Она походила по комнате, открыла окно и простояла перед ним, глядя на завод, на бор. Потом оглядела свою запущенную комнату, и ей стало стыдно.

Лина торопливо начала прибирать в комнате. Умылась и, глядя на себя в зеркало, решила заплести косы и туго уложить их на голове. Она так и сделала. Лицо стало строже, немного чужое. Она потрогала его и улыбнулась. И улыбка была какая-то непривычная, мягкая. «Я сегодня как перед праздником, — подумала Лина. — Даже не узнаю себя».

Она и на работу пошла не к восьми точно, а за пятнадцать минут. Работала спокойно, расторопно. Когда вернулась домой — вдруг решила съездить в больницу, навестить тех монтажников.

Когда подходила к больнице — струсила. Простояла в скверике, глядя на окна и собираясь с духом. И вдруг увидела Женю Дымова, высококого, в отглаженном полотняном костюме. Он подошел к больничным дверям, что-то спросил у девушки в белом халате и скрылся в подъезде.

Жени не было долго, наверное, с полчаса. А когда он вышел, Лина, точно она пришла сюда с ним, подбежала и спросила:

— Ну, как они? Им нужно что-нибудь?

Женя смерил ее взглядом, как незнакомую, взял под руку. Он вел ее обратно, в скверик, и рассказывал, что одному забинтовали бок и отпустили домой, а другой лежит, нога в гипсе. Зовут его Володей, ему всего восемнадцать лет.

— Знаешь, нас ругает почему зря, — сказал Женя. — А так ничего, хорошо побеседовали.

Потом Женя будто нечаянно спросил:

— А ты как здесь?

— А ты?

Он улыбнулся.

— Да шел, понимаешь, мимо.

— И я тоже мимо шла...

Женя заглянул ей в глаза и сказал:

— Давай не будем друг друга обманывать...

Сердишься?

— Мы, Женя, оба одни и те же плиты делаем. Нельзя сердиться.

— Верно... Это ты очень верно сказала. А я, вроде бы, зазнался. На заводе десятки бригад, а моя, коммунистическая, мне все остальные заслонила... Понимаешь, какая мура... Я забыл о тебе, как о человеке, когда отбирал у тебя билет. А ты забыла обо мне, как о формовщике, который делает плиты из твоего бетона. Забыли, как мы связаны, каждый своим увлечся, а в результате — Володя теперь в футбол играть не будет...

Женя умолк. Потом искоса поглядел на Лину и как бы про себя закончил:

— Вот и все. Виновник, вроде, найден...

Лина смотрела в серые, с чуть розоватыми от бессонницы белками глаза, и, как все в этот день, Женя показался ей непохожим на себя, на привычного, обыкновенного комсомольского секретаря.

АНАТОЛИЙ МАЛЬЦЕВ

Анатолий Георгиевич Мальцев — коренной уралец. Родился он на приiske Косья, недалеко от подножия горы Качканар. С детства полюбил суровую красоту родного края: невысокие горы, быстрые реки, густые леса.

В 1943 году он был призван в Советскую Армию, служил парашютистом-десантником, механиком-водителем танка. В 1950 году Анатолий Георгиевич вернулся в Красноуральск. Около года работал автомехаником, а затем корреспондентом радиовещания и городской газеты. В 1953 году Мальцев поступил на заочное отделение филологического факультета Уральского государственного университета имени Горького и успешно окончил его. Сейчас он редактор североуральской городской газеты «Правда Севера».

С первых номеров «Уральского следопыта» Анатолий Георгиевич Мальцев стал активным автором журнала. Наши читатели, наверное, помнят его небольшие, но интересные материалы: «А человек выстоял», «Пещерный край», «Растет Красная Шапочка», «Блуждающие реки» и другие, в которых он рассказывает о трудовой жизни горняков и шахтостроителей, «о загадочных» явлениях природы; о красоте уральского севера.

Как активный автор «Уральского следопыта», Анатолий Георгиевич награжден значком «Следопыт».

«ЖИВАЯ» ВОДА

Подземные воды — злейший враг горняков. Они доставляют шахтерам много неприятностей. Но недавно опытный горняк Владимир Александрович Старшиков рассказал мне, как подземные воды спасли ему жизнь.

Владимир Александрович замещал начальника участка на Лениногорских рудниках. Во время отпалки забоя от большого сотрясения обрушилась кровля в выходе из выработки, в которой находились Старшиков и запальщица. Горький удушливый газ быстро распро- выработке, дышать становилось странялся по все труднее.

Ощупью добравшись до места, где был выход, Владимир Александрович стал раскапывать завал. Не хватало сил. Запальщица плакала. Начальник участка успокаивал ее, хотя сам не верил в благополучный исход. Вдруг Владимир Александрович уловил шлепанье капель воды. Он вспомнил, что при отсутствии противогаса можно спастись от газов, дыша через мокрую тряпку.

Отыскав место, куда капала вода, Владимир Александрович намочил платок и отдал его запальщице. Сам оторвал кусок своей телогрейки и тоже смочил его. Дышать через

мокрые тряпки стало легче. Старшиков снова стал разгребать выход. От рукавиц остались только лоскуты, руки ободрались до крови, а конца не было видно.

Только через два часа горноспасатели раскопали Старшикова и запальщицу. Не будь в шахте воды, вряд ли им удалось бы остаться живыми.

Как тут не вспомнить о «живой» и «мертвой» воде из старых русских сказок.

«МЕСТОРОЖДЕНИЕ СТАРЫХ КАЛОШ»

Это случилось при обследовании места для строительства поверхностных сооружений шахты № 13 Кальинского рудника. Буровой мастер недоумевал. Вместо обычного керна он извлек куски старой резины, напоминающие обрывки калош, и прочий хлам.

— Ну, брат, тебе повезло! Крупнейшее месторождение старых калош открыл, — шутили над озадаченным буровиком гидрогеологи.

Они осмотрели место и обнаружили рядом небольшую блюдцеобразную впадину. В ней

под пнем отверстие, а от него наклонно под землю уходила карстовая полость, до отказа забитая старыми ведрами и обувью.

Позднее выяснилось, что блюдцеобразное углубление долгое время служило местом свалки у жителей поселка Калья. После больших дождей и весенних паводков в котловине не оказалось мусора. Вода, стекающая сюда, уходила через карстовую полость под землю, унося с собой весь хлам. Вот почему более чем на двухметровой глубине обнаружили «клад старых калош».

ВОДОЛАЗЫ В ШАХТЕ

Подобных случаев до этого не знала ни мировая, ни союзная практика. Осенью 1953 года на Североуральских бокситовых рудниках, накануне сдачи в эксплуатацию сотого горизонта шахты № 7, в штрек хлынули подземные воды. Насосы не успевали управляться с разбушевавшейся стихией. Через несколько часов шахта была затоплена.

Спешно в стволе установили еще несколько насосов, но уро-

вень воды не понижался. Строители потеряли надежду спасти шахту. Тогда главный инженер шахтостроительной конторы Павлович предложил вызвать водолазов, чтобы они перекрыли водонепроницаемые двери и закрыли подземным водам доступ в шахту. Предложение считали фантастическим, но попытка не пытка.

На шахту приехали водолазы во главе с опытным подводником, капитаном третьего ранга Сусловым. Больше месяца, с большим риском для жизни, работали отважные люди под землей. Они находились в ледяной воде по 12—14 часов в сутки. Все делалось наощупь, так как вода была настолько мутной, что не помогали и электрические фонари. Рассчитав место, где находилась водонепроницаемая дверь, от обломков металлических конструкций и труб, водолазы закрыли доступ воде. Так была спасена шахта № 7.

Советское правительство высоко оценило этот подвиг моряков-подводников, наградив их орденами и медалями.

С тех пор прошло семь лет. Капитан третьего ранга Александр Николаевич Сулов заслуженно ушел на пенсию и живет в Ленинграде. Он переписывается с заместителем управляющего трестом «Бокситстрой» Валентином Валентиновичем Климовым. Годы три тому назад «Правда Украины» разыскала нескольких участников подземной водолазной экспедиции, которые к тому времени отслужили в Военно-Морских Силах и трудятся в колхозах Украины.

Хорошо, если следопыты найдут остальных водолазов и поведают о дальнейшей судьбе моряков-героев, среди которых был веселый парень, старшина Половинкин, не раз спасавший жизнь своим товарищам.

НА ЛОДКЕ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Лодка, провизия и снасти были погружены на машину. Рыбаки удобно разместились в кузове. Шофер еще раз проверил, как уложен груз, и завел мотор. Не успела автомашина скрыться за поворотом, как из дома торопливо выскочила жена начальника шахтостроительного управления Болдырева и что-то закричала вслед. Начальник горного отдела Алексеев забарабанил по крыше кабины: «Поворачивай, что-то забыли!»

— Коля, в шахте несчастье! Скорее к телефону! — взволнованно сказала Болдыреву жена, когда машина подъехала к дому.

На шахте № 4 сгорели силовые кабели насосных станций и вода начала затоплять штреки. Задуматься было над чем. Ведь шахта № 4 брала на себя основные водоприемы месторождения «Красная Шапочка». Если затопит насосную, то могут надолго выйти из строя несколько шахт.

— Ну, ребята, сбрасывайте лодку и все остальное из кузова, — торопил шофер.

Болдырев молча отвел руку Алексеева, взявшегося за лодку:

— Ее не трогай...

Когда Болдырев и Алексеев приехали на шахту, там уже работала половина насосов. Все включить не решались, боялись, что снова перегорит кабель. Вода через отверстия задвижек водонепроницаемых дверей южного и северного штреков продолжала прибывать. Подоспевшие проходчики помогли Болдыреву и Алексееву снять с машины лодку и спустить ее в шахту. В это время уровень воды был так высок, что стоило ему подняться на ладонь выше — и насосные бы затопило.

Представитель бокситовых рудников стал требовать, чтобы Болдырев и Алексеев не рисковали жизнью.

— Это верная гибель! — кричал он.

Шахтостроители молча оттеснили представителя, помогли столкнуть лодку в воду. Болдырев и Алексеев прыгнули в нее, пригнувшись. Лодка, круто развернувшись, исчезла в штреке. Вода стояла на уровне тролля электровоза. При попытке выпрямиться Болдырев и Алексеев так больно ударились головой об огнива, что едва не теряли сознание. В густой бурой воде плавали бревна и вагоны, пришлось их растаскивать, чтобы пробиться вперед. Дышать становилось все труднее. Откажи сейчас хоть один насос — и смельчаки погибли. Но Алексеев и Болдырев думали о другом — как бы скорей добраться до водонепроницаемой двери.

Достигнув перемычки, Болдырев перенулся за борт и стал нащупывать нижнюю задвижку. Лодка накренилась, и Болдырев вывалился за борт. Николай Алексеевич, окунувшись с головой, вынырнул и уверенно встал на ноги. Рискуя утопить лодку, Болдырев и Алексеев, поддерживая друг друга, поочередно несколько раз ныряли в холодную воду, пока не перекрыли задвижку.

Вернувшись назад к стволу, Болдырев и Алексеев захватили с собой тяжелую металлическую балку, чтобы закрепить водонепроницаемую дверь северного дренажного штрека. С ними поехали проходчик Федор Кривошеев и командир оперативного горноспасательного взвода Петр Воробьев.

До этого из них никто бы не поверил, что четыре человека смогут из лодки уложить тяжелую балку к водонепроницаемой двери. Но сейчас они без колебания взялись сделать невозможное. Лодка то уходила в воду по самые борта, то подпрыгивала вверх или скользила в стороны. Работа шла молча, но удивительно согласованно. Все закончили за пятнадцать минут. Оставалось только перекрыть задвижки в дверях южного штрека. Проплыв под землей около полкилометра, шахтостроители достигли цели. Здесь они завершили последние работы.

Назад четверка отважных возвращалась пешком: насосы быстро снизили уровень воды, и лодка «села на мель» на полдороге.

ХУДОЖНИКИ В ПОИСКЕ

У Московского художественного института имени В. И. Сурикова есть хорошая традиция — направлять своих студентов на практику на передний край жизни. За последние годы воспитанники института побывали на целине в Казахстане и на Алтае, на строительстве Братской, Иркутской, Горьковской и Кременчугской ГЭС, на Крайнем Севере, в Арктике, на Магнитке и в Кузнецке, а также за рубежами нашей страны — в Индии, Индонезии, Вьетнаме, Египте.

В прошлом, 1960 году 22 студента-суриковца два месяца работали в Нижнем Тагиле. Живописцы, скульпторы и графики сделали много этюдов, эскизов и зарисовок на основном промышленном предприятии города — металлургическом комбинате имени В. И. Ленина. Одна группа студентов сплыла на плоту по реке Чусовой.

Что же нашли в этом большом поиске правды жизни молодые художники? Что они увидели на тагильских заводах, на рудниках? Прежде всего — человека, своего современника, своего ровесника.

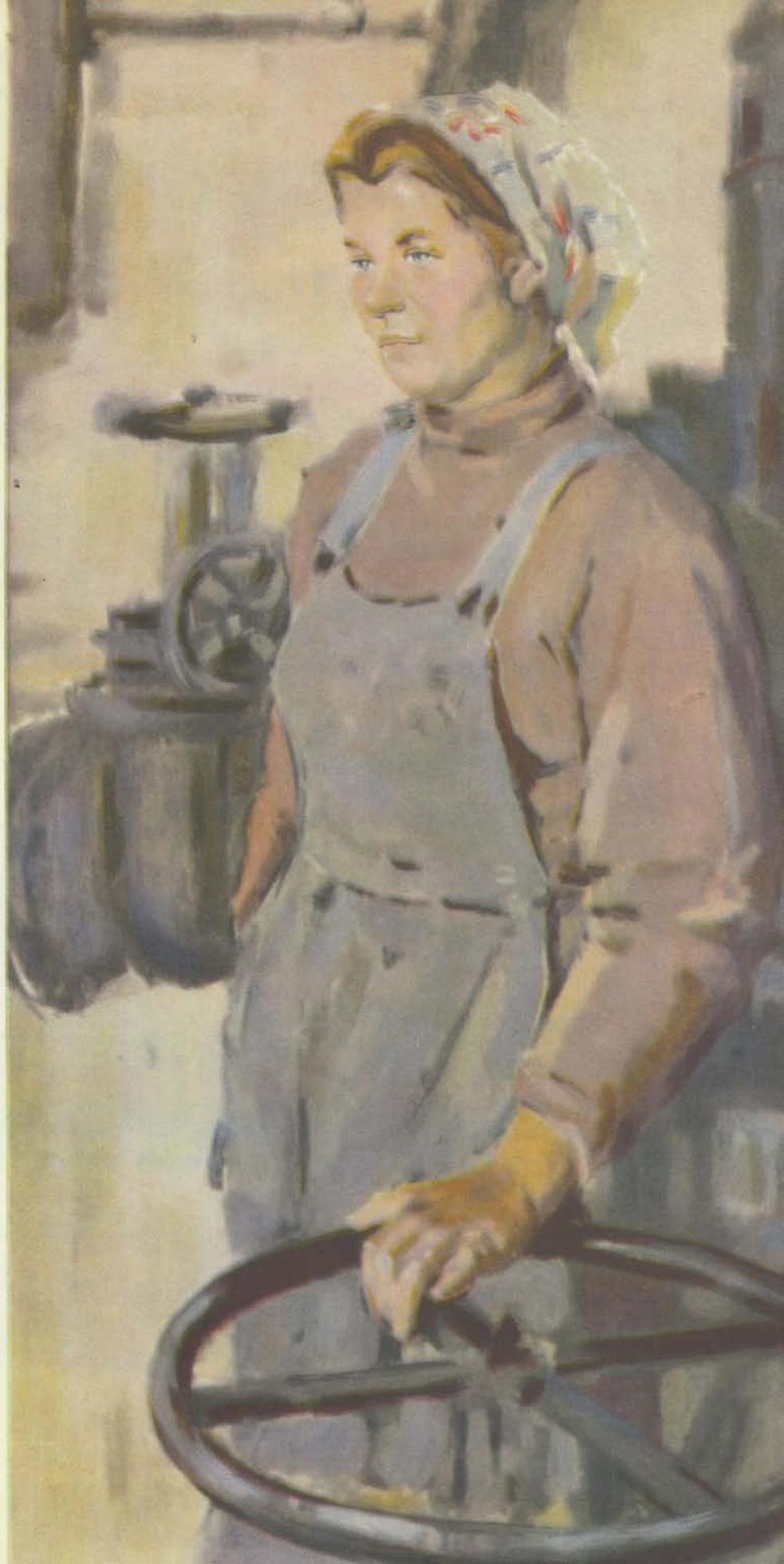
На большой выставке, занявшей весь обширный высокий бельведер Дворца культуры металлургов в Нижнем Тагиле, господствовали портреты живописные и скульптурные. В этих портретах «верно выражены черты нашей молодежи — трудовой, веселой и сильной». Так оценил их один из посетителей. А другой записывает: «Человеку-созидателю, людям труда посвящена ваша выставка. Молодцы, товарищи!»

Выставка пришлась по душе многочисленным зрителям. Комсомольские вожаки завода, просмотрев выставку, записали: «Ждем на дипломирование!». А учитель из Златоуста приглашает художников на Южный Урал.

Суриковцы подарили Дворцу культуры металлургов несколько скульптурных портретов рабочих.

Работы молодых художников замечены нашей печатью, широкой общественностью. Некоторые из них напечатала «Правда», сопроводив замечанием о том, что из многочисленных поездок суриковцев по стране «быть может, самой плодотворной оказалась практика в Нижнем Тагиле».

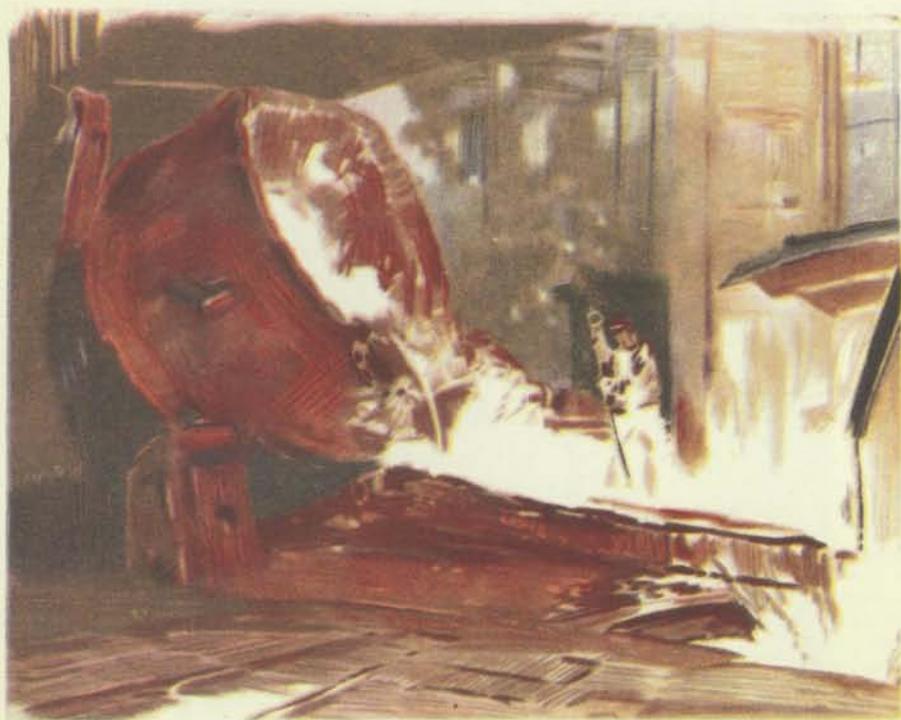
В этом номере журнала мы помещаем репродукции нескольких наиболее интересных работ суриковцев, выполненных во время нижнетагильской практики.

В. Дорофеев
Портрет Р. А. Мартыновой

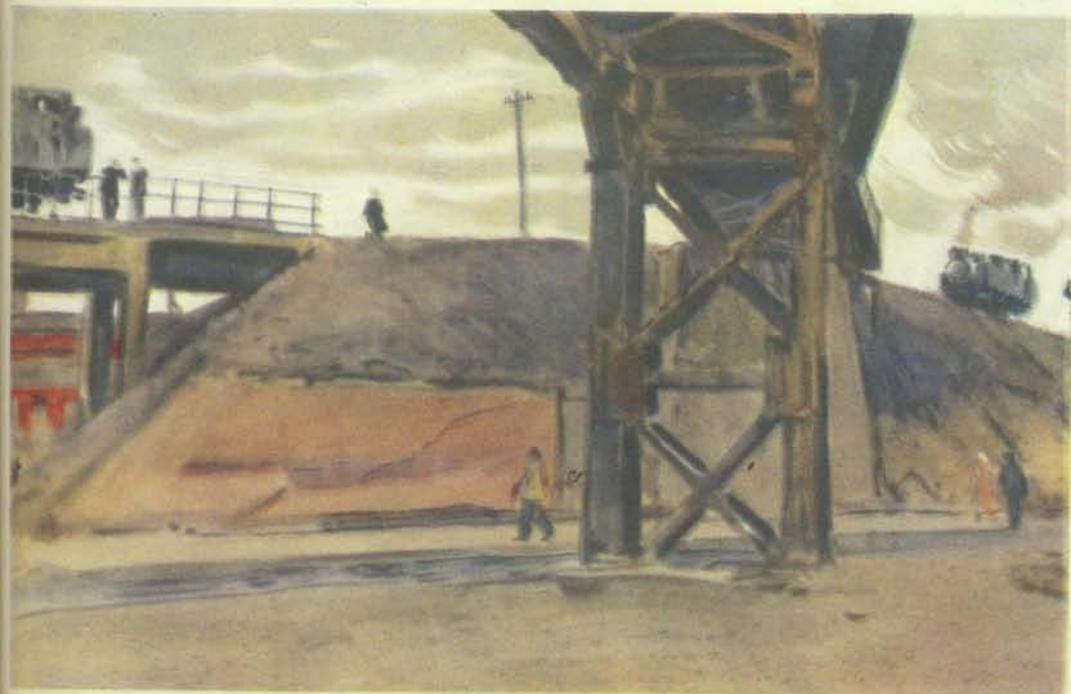
В. Стекольников

С. Никиреев

В. Доронин

В. Стрельников

ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ?

Записки друга

Недавно я навел в госпитале своего старого друга Алешу Бехтина, с ним когда-то мы вместе служили в одном танковом полку. Майор Алексей Михайлович Бехтин, как мне сообщили, был доставлен в госпиталь в тяжелом состоянии. Но Алеша никогда не унывал, и я не только обрадовался, но и погордился им, когда увидел, что раненый он может и приподниматься на локте, и довольно бойко разговаривать, и глаза у него совсем не угасшие, как бывает у больных.

— Да, да, ранило,— усмехнулся он.— Не очень тяжело: пуля предназначалась, наверное, мне в голову, а попала в ногу... Что? Ну, был бой... Удивляешься? Мирное время — и боевые раны! Да-а. Наводит на некоторые размышления... Но ты же знаешь, такова моя работа... Здесь? Здесь хорошо, но, конечно, скучно. Спасибо, что пришел... Я тебе как-нибудь расскажу, с каким коварством они действуют. Я давно собирался потолковать с тобой, чтоб ты написал. Чудовища с холодной кровью и с арифмометром вместо сердца! Рассказать? Вот тебе история, когда все у них было рассчитано на основе самой низкой математики, и, если б не один наш парнишка, работяга... То есть как — написать самому? Это же целая повесть!.. Для «Уральского следопыта»?.. А, пожалуй, ты прав. Я ведь когда-то даже стихи писал... Давай займусь, мне все равно еще с месяц придется провалиться. Неси бумаги побольше.

Назавтра я передал ему чистую клеенчатую тетрадь. И вот она вернулась, испи-санная Алешиним угловатым почерком с крепким нажимом, без наклона. Мне пришлось лишь немного подправить стиль, подсократить отдельные рассуждения, разбить повесть на главы. Подумав, я даже оставил несколько необычное предисловие: пишет бывалый человек — пусть будет так.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пять или шесть — невелика разница. Съесть пять конфет или шесть — одинаково. Нырнуть пять раз или шесть — почти одно и то же. Но однажды злая необходимость разобраться — пять или шесть — стала трудным испытанием в моей жизни, хоть и видел я немало на своем веку, прошел войну, работаю на нелегком деле.

Невозможно утверждать, что в моем рассказе, довольно необыкновенном, нет вымысла. Подобное случается не часто. Но даже когда сказка — ложь, в ней всегда есть намек и добрым молодцам урок, по народной пословице. И я решил, домыслив то, чего не видел сам, передать эту историю читателям: в ней — намек недругам, что пытаются бесчеловечными способами, злыми происками навредить нашей стране, ни во грош не

ставя жизнь своих людей. Есть в ней и урок добрым молодцам. А главное, в ней действует парень, которому пришлось весьма несладко, его я сперва возненавидел, а потом полюбил всей душой. И мне очень горько, что он потерял хорошего друга, милую девушку, погибшую из-за своего упрямства.

Глава первая

БЕЛАЯ ТАЙГА

Все произошло возле белой тайги.

Есть на нашем севере малохоженные места, что в легендах называют белой тайгой. На десятки километров во все стороны раскинулся густой березовый древостой, сплошной березняк. Пышные кроны плотно сомкнулись, и свет в такой чаще зеленеватый.

Спокойно и таинственно.

Говорят, в белой тайге больше ничего не растет, кроме великанских берез. Я, правда, не заметил, мне было не до этого. И птицы, и звери будто избегают селиться там: они, наверное, страшатся однообразия беломраморных колонн-стволов. Колонны, колонны, колонны и плохо пропускающий солнце, монотонно шелестящий потолок. Под ногами — толстый слой каждый год опадающих листьев. В ручьях вода веснами сладкая от березового сока.

Много всяческих рассказней, былей и небылиц можно услышать о белой тайге. И как-то в начале лета группа молодежи с машиностроительного завода решила провести отпуск в туристском походе — побродить в тех северных краях. Не мотаться же каждый год по затоптаным маршрутам Кавказа или чисто подметенного Крыма.

Затевалой похода был слесарь-сборщик Сережка Векшин, скуластый чернявый парень, выдумщик и весельчак. Как потом я узнал, его все в цехе любили, хотя каждую минуту от него только и жди какой-нибудь забавной каверзы. Глаза плутовские, с полуприщуром: правая бровь опущена, а левая приподнята. Перед походом он учудил — выточил большую, килограммов на восемь, желез-

ную медаль и уговорил комсорга Зину Гулину торжественно вручить шлифовщику Васе Петряеву. Вася не успел и поскрести по привычке свою макушку, вечно взъерошенную, — ему на шею под аплодисменты и повесили эту медалищу. На ней изображены вперекрест спущенные рукава, а по окружности надпись: «Знатному бракоделу».

Я видел эту бляху. Она настолько уникальная, что Вася приладил ее над своей кроватью в общежитии и всем показывает. Браку, правда, стал делать гораздо меньше. А на Сережку не обиделся, поддержал затею — отправиться в белую тайгу — и добровольно взял на себя самые трудные обязанности завхоза и повара.

Комсорг Зина Гулина — ее все называют Зина-беленькая — тоже пошла. «Надо же кому-то доглядывать за вами, — сказала она. — Ведь у вас коммунистическая сознательность в самом зачаточном состоянии». Беленькой ее зовут в отличие от других Зин в цехе, она очень светло-русая: волосы, брови, ресницы, особенно на солнце, — точно пух новорожденного цыпленка. К тому же у нее маленький, вздернутый, задавашистый нос.

Из-за нее, как она сама мне сказала, согласился променять свою любимую байдарку на пешее хождение токарь Коля Шевелев, задумчивый толстяк-увалень, веснушчатый и потешный. Он всегда безропотно слушался Зину. Когда она разговаривала с ним, Коля терял дар речи и лишь улыбался, блаженно моргая маленькими коричневыми глазками.

— Ладненько. А с питанием вы все продумали? — только и спросил он.

В походе Зина его нещадно эксплуатировала. Коля носил ее рюкзак, перетаскивал Зину через речки на закурках, да еще и обязательно постоит по пояс в воде, испытывая, наверно, удовольствие. А Вася — так тот уговорил бедного Колю прихватить сверх всех продуктов пятнадцать килограммов картошки. Сам-то, небось, и хлеб весь усушил в сухари, чтоб легче было тащить.

Пятым участником похода была красавица Надя Зотова. Она смешливая, невысокая, Сережке по грудь, тонкая, острижена по моде под мальчишку, и это делает ее совсем маленькой. Я удивлялся, откуда столько силы у этой девчонки! Злые языки в цехе мне потом гово-

рили, что Сережка Векшин и придумал-то весь поход ради Зотовой, чтобы помолодцевать перед нею. Но в пути Надя отвергала даже самые малые Сережкины попытки помочь ей.

— Без тебя, бродяга, обойдется, — постоянно одергивала она Сережку, смеясь. — Без тебя!..

Он отомстил за «бродягу» — прозвал ее Бестебякой. Надя не обиделась, она была выше этого. Надя считалась старшей в походе, по документам, потому что ходила утверждать маршрут, оформляла все, что полагается. И очень гордилась этим.

На девятый день путешествия туристы дошли почти до цели. Они перевалили два увала и разбили палатку у вершины на третьем — на опушке бора перед неглубокой горной равниной, которая просторно разостлалась сплошным океаном зелени.

Там почти все и произошло, там я вскоре и познакомился с ними.

Величественны пейзажи нашего севера. Вершины одностых деревьев внизу, на равнине, сливаются в тугой изумрудный бархат, и он дышит от ветра,

Надя

будто волны. Настоящее море! Шум шелестящей листвы и впрямь похож на бушующий прибой — ш-ш-ш-у-у, ш-ш-и-и!.. А по краям этого зеленого моря, вдали, вздымаются горы. Справа — округленные синие шишаны увалов, слева — острые причудливые вершины хребта. Одни вершины сверкают на солнце кварцем — корявые каменные столбы или нагромождения скал. Другие похожи на

полуразваленные башни или руины гигантских фантастических сооружений.

— Нет, это не Кавказ! — вздохнула Зина-беленькая, зябко поеживаясь. Она родилась на юге, и север ей не нравился.

— Зато в десять раз красивее. Это точно, — убежденно протянул Сережка, хотя сам никогда не бывал на Кавказе.

— В одиннадцать. Ты подсчитал не точно, — сказала Надя и показала Сережке язык, потому что он слишком внимательно смотрел на нее.

— В цехе вы, товарищ Бестебяка, более остроумны, — весело парировал Сережка.

Надя привыкла оставлять последнее слово за собой. Она поправила Сережку и громко распорядилась:

— Не Бестебяка, а товарищ командир похода. Понятно?.. Дежурным назначаю на всю ночь Сергея Векшина. Давайте ужинать.

Зина

— Давайте, давайте! — живо подхватил Коля. — Картошечка готова. Эх, последняя!..

Повар Вася, не мешкая, приступил к делу:

— Сколько нас?.. Раз, два, три, четыре, пять... Все в сборе.

Внизу колыхалась приманчивая белая тайга, и после ужина, естественно,

речь зашла о березах.

— Береза — поэтический символ России, — мечтательно сказала Надя, подгребая палкой в огонь отвалившиеся от костра огарыши.

— Устарелый символ, — сразу возразил ей Сережка. — Сейчас символ России... ну, хотя бы... башенный кран! Или космическая ракета.

Сережка вдруг почувствовал, что к Наде неравнодушен и повар Вася. Это задело Сережку. Вася все время поглядывал на Надю и хватался ей, как много знает про березу.

Сведения Васи, коренного жителя большого города, были книжными, вычитанными при подготовке к походу. О том, что березы у нас больше сорока видов и пород — бородавчатая, пушистая, железная, каменная, ребристая, карликовая и так далее и тому подобное. Но он изрекал это с ученым видом и налегал при этом спиной на Сережку — они сидели рядом у костра. Задаваясь, Вася развалился прямо по-барски, и Сережка, в конце концов, ткнул приятеля локтем в бок, да так сильно, что тот отпрянул и умолк. Сережка сам начал рассказывать про березу. Но он не обращался к одной Наде. Он даже не глядел на нее. Нарочно!

Сережкины сведения — из впечатлений детства. В маленьком заводском поселке, в верховьях Уфы, где он рос, — самая уральская глухомань. Там девочки весной ходили в лес, завивали березку венком — ворожили. Потом кумились — давали клятву на верную дружбу, наряжали березку лентами, хороводили вокруг и приносили украшенное дерево в поселок,

Вася.

Коля

ставили на площади... А еще — при сватовстве: слово «береза» — ответ свахе, согласие, «сосна» и «ель» — отказ. Если береза весной опускается первая, то жди сухого лета, а когда ольха — лето будет дождливым.

— Береза — самые хорошие дрова, — наконец, сказал Сережка и принялся разрубать притащенное молчаливым Колей сухое долготье — толстые хлысты.

— Да ну-у? Это ты уж Америку открыл, — посмеялась над Сережкой Надя. Но ее увлекло все, что он рассказывал. Все мы мало знаем народные приметы и старинные народные обычаи, в наш век автоматике и электроники они уходят в область романтических преданий.

Поначалу у ребят все шло так, как полагается на привале у костра. Я себе отчетливо представляю те долгие нетемные сумерки безмятежного вечера в таежных горах, хотя и был далеко от них. В городе, затихающем к ночи, у раскрытого окна, не зажигая огня, я читал любимого Лескова. Я готов был, как всегда, к тревожному телефонному звонку. Но совсем не думал, что где-то на севере расположились на ночлег туристы, с которыми мне придется столкнуться очень скоро. Там, у них в лагере, толстяк Коля уже хотел спать — клевал носом, но не забрался в палатку первым: неудобно перед товарищами. Робкий Вася, получив от Сережки тычок, немного обиделся — это не то, что шуточная месть. Он отошел в сторону и долго возился с продуктами, перебирая их и перекладывая. Загрустившая Зинабеленькая неотрывно глядела на огонь, думала о чем-то, вероятно, вспоминала ослепительные горы юга.

Тихи и недвижны просторы вокруг, ничто не предвещало никаких передряг. Не было даже комаров и мошкары: ребята расположились высоко, на открытом месте.

В костер подбросили — огонь разгорелся ярче. Светлые сумерки летней северной ночи лишь чуть-чуть скрадывали очертания ближайших скал и могучих деревьев. А у горизонтов каждый излом гор и, казалось, каждая каменная глыба вырисовывались четко-четко. Белая ночь!

Ветер пал. Языки костра тянулись

кверху, едва колышимые вздохами бора и нагретых за день валунов, разбросанных по опушке. Снизу веяло таежной прохладой. Костер горел, завораживал, пламя плавно изгибалось, словно в медлительном танце. Не хватало лишь мелодии менуэта, только не гайдновского, оживленного и игривого, а моцартовского, мягко певучего и мужественного. Ребята долго сидели у огня, любясь им.

А когда пришла пора спать, Зинабеленькая шепнула Наде: «Может, назначить нескольких дежурных на ночь, не одного Векшина?» Сережка услышал и гордо заявил, что он принципиально справится один и в помощниках не нуждается.

И получилось так, что все улеглись в палатке, а у гаснущего костра с Сережкой осталась Надя. В общем-то, несмотря на постоянные перепалки, они были давними друзьями.

— Ну, что ж,—нерешительно предложил Сережка.—Осмотрим местность? Они пошли к самому большому валуну, в несколько метров высотой. Округлый, он похож на притаившегося зверя, с головой, прижатой к земле, и высоко приподнятым туловищем. Сережка ловко взобрался на голову каменного зверя, подал руку Наде и легко втащил ее.

— Какой ты сильный! — восхитилась Надя.

— Что ж ты не сказала: «Без тебя обойдется»? — улыбнулся он.

В ответ Надя сразу оттолкнулась от него, взбираясь выше, но едва не скатилась с валуна. Пришлось ей крепче ухватиться за Сережку.

Внизу раскинулось по-ночному черневшее море тайги. Вверху сквозило робким зеленоватым полусветом безоблачное и беззвездное небо белой ночи. Только на юге, у горизонта, блесло несколько маленьких звездочек. Зато впереди, на севере, горела неугасимая заря, словно подчеркивала, что там, дальше, сияет полярный день.

Придерживая Надю на вершине камня, Сережка крепко взял ее за плечо.

— Ой! — вскрикнула Надя.—Смотри!..

Повернувшись к ее лицу, Сережка увидел — первый раз в жизни увидел! — испуганные Надины глаза. «Чего ты боишься? Ты же со мной», — хотел он сказать и сорзничать — поцеловать Надю. Ему показалось, что она именно этого и испугалась.

Но Надя показала вперед, на север. Там, совсем уже близко от земли, опускались парашюты. Черные, на фоне зари.

— Кто это? — тихо спросила Надя, прикикая ближе к Сережке, хотя в первый миг она не подумала о какой-нибудь опасности.

Парашютисты летели не плавно и медленно, как бывает на спортивных праздниках. Они почти падали. Быстро, торопливо. Скользили вниз, резко наклоненные набок, словно спешили на пожар.

Но никакого пожара в тайге не видно. Воздух чист и прозрачен, как после дождя.

— Шестеро, — сосчитал Сережка.

— Пять, — поправила Надя.

— Шесть, — упрямо повторил Се-

режка.—Шестой уже приземлился. Это неспроста...—Сережка настороженно задумался, бросился назад к палатке.—Давай будить ребят.

— Зачем? — возразила Надя.—Пусть отдыхают.

Ей, наверное, было очень хорошо вдвоем с Сережкой.

Глава вторая

СТАРЫЙ ЧУРСИН

Ранним-ранним утром я опустил на вертолете в шестидесяти с небольшим километрах южнее палатки туристов, в маленьком таежном селении Р*. Я прилетел туда срочно, по чрезвычайному заданию, и готовился пробыть в тех краях долго.

Сезон охоты еще не начинался, только женщины ушли по ягоды, мужчины и дети были дома. Вертолет приземлился на площади, вернее, — на зеленой лужайке. На ней полукругом, повторяя изгиб невидимой речки, что течет позади огородов, стоит десятка полтора крепких бревенчатых домов. Это все Р*. Вокруг вздымается стена вековых деревьев — лесное глушь.

По привычке все, от мала до велика, высыпали встретить свежие газеты, почту. Но, кроме девушки-почтальона, из вертолета, лихо поправляя новую фуражку, выпрыгнул сержант милиции Дмитрий Семенов. Молодой, белобрысый, загорелый — его в этих краях звали просто сержантом Митей. За ним — я.

— Ого! Стало быть, происшествие, — увидав милиционера, сказал лысастый загорелый дядька, когда пилот заглушил мотор. Я догадался, что это именно он, старый коммунист, бывалый охотник Чурсин, которого мне рекомендовали помощником в моем трудном деле.

— Привет, дядя Володя! — увидел его сержант Митя и взмахнул рукою к козырьку, отдавая честь собравшимся.

— Здравия желаем!.. Кого это ты привез? Какое-нибудь новое начальство летает? — Старик Чурсин внимательно осмотрел меня с головы до ног.

Я постарался непринужденно, как старый знакомый, поздороваться со всеми.

— Доброе утро, товарищи!

— Это, дядя Володя, к тебе, по чрезвычайному делу, — тихо сказал сержант старику и представил мне его. — Вот, Алексей Михайлович, тот самый Владимир Иванович Чурсин.

Мы познакомились.

Чурсин повел нас в свой дом, стоявший посредине поселка. Я еле поспевал за ним. Он, как и я, не рослый, но зато длинноногий, сухопарый, легкий в движениях. Не погнутый годами старик! Мы быстро прошли через массивную дверь в глухих воротах, на крытый темный двор, поднялись по ступенькам высокого крыльца в сени, пахнущие смолистыми бревнами.

— Ого! — восторгнулся я. — Как в крепости живете. — Я хотел быть как можно спокойнее, чтобы не разволновать старика.

— Да-а, дом старинный, — ответил Чурсин, сбрасывая свои валенки с галошами. Он и не собирался волноваться.

Выдержанный и заранее призванный мною к тройной выдержке сержант Митя привычно снял сапоги и первым прошел в дом. Я тоже начал стягивать свои, тесные, новые: я полетел в чем был. Но Чурсин остановил меня:

— Ничего, ничего, проходите так. У нас грязно, давно не убрали: ягоды начинаются, девки мои в бегах.

Но в комнате была удивительная чистота — некрашенные полы выскоблены до натурального блеска и устланы белыми домотканными ковриками. Я все-таки снял сапоги.

А сержант Митя за перегородкой у печки уже по-свойски распорядился чайником — налил ковш воды и жадно пил.

— Там же в сенях — ключевая, — заметил ему Чурсин, усаживаясь за стол и пригласив нас на скамью у стенки, на табуреты.

— Понимаешь, дядя Володя, боюсь простудиться. А мне сейчас никак нельзя болеть. Обстановочка!..

— Да вы не волнуйтесь, все будет хорошо, — успокоил я его.

Чурсин гладко выбрит, а серые глаза под жиденькими сивыми бровями делают непроницаемо спокойным его лицо, широкоскулое и плоское, почти без

морщин. Он вынул из огромной берестяной табакерки на столе сложенную районную газету, оторвал четвертушку, завернул большущую папироску, задымил, предложил закурить и нам.

— Э-э, нет! — отказался сержант Митя. — Ты меня уморить хочешь? Я ж тебе, дядя Володя, говорил: мне сейчас надо быть в полной спортивной форме, потому что предстоит сложная умственная работенка. А от твоего самосада уже и медведи кругом померли.

— Ладно, не изгаляйся. Обещал я тебе охоту на медведя — будет. Дай срок.

— Ну, как у вас тут? Спокойно? — спросил я у Чурсина, усаживаясь к столу напротив него.

Мне не терпелось приступить к делу. Но я, конечно, старался не спешить, следил, чтоб движения мои были размеренны и собраны. Меня тяготит излишняя полнота, но я стремлюсь относиться к ней иронически: сев на табурет, попридавливал его под собой, выдержит ли, пощупал руками. И суровый старик Чурсин, наконец, улыбнулся.

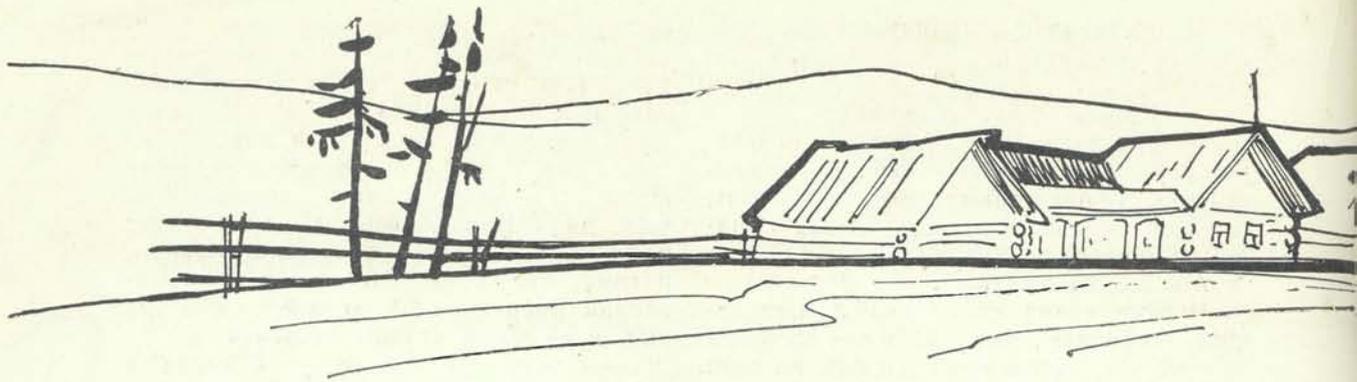
— Ничего. Спасибо, охотничаем, — немного оживился он. — Тихо. Вот только ребятишки у Гилевых вечер принесли двух рысенков, еще слепых... Как их угораздило?.. Беспрепятственно взяли из-под коряг двух рысенков. Редкий случай. Где только сама рысь была?.. А ночью пришла. Все крыши обила — мурлыкала.

Чурсин кивнул небрежно за окно. Там на жердевой изгороди висела большая, похожая на кошачью, шкура, грязно-желтая, с рыжими пятнами, широколапая и с длинными кисточками волос на ушах.

— Не жалко? — спросил я. — За детенышами приходила. Мать все-таки.

— Всякая тварь бывает матерью. Но не всякая такой урон наносит. Я ее полгода выслеживал. От рысей у нас и зайца совсем не стало, — пожаловался он.

Меж ним и мною, конечно, пока была натянутость, напряженность, как бывает у людей, что сошлись для общего дела, но еще хорошенько не познакомились. Сержант Митя считал, что он представил нас друг другу вполне достаточно. Но в жестких глазах Чурсина можно было прочесть: «Кто же вы все-таки такой?» Я почувствовал этот

немой вопрос — молча показал ему свое удостоверение. Старик Чурсин прочитал, тщательно, каждое слово в отдельности — «Комитет государственной безопасности», — даже, казалось, сличил фотокарточку с моей физиономией.

— Понятно... Чем могу быть полезным?

Тогда я без обиняков рассказал. Я пытался говорить мягче, тише, словно о заурядном событии. Но происшествие такое, что взволновало бы любого советского человека, не говоря о жителях этих таежных мест, и я постепенно возбуждался.

Ночью наши радиолокационные станции обнаружили на большой высоте идущий с севера на юг неизвестный самолет. Пока связывались с управлением аэрофлота, выясняли, не заблудился ли это какой-нибудь воздушный лайнер с пассажирами, неизвестный самолет дошел до района Р* и круто повернул обратно. Установили, что он иностранный, военный. Дальше с ним поступили как полагается в таких случаях: потребовали взять курс на ближайший аэродром и приземлиться. Он не послушался. Его сбили как нарушителя границы.

По сообщениям наших военных товарищей, которым удалось быстро подоспеть к месту падения самолета, намного севернее Р*, экипаж весь погиб. И предполагалось, что нарушители сбросили в тайгу парашютиста, а то и двоих. Иначе, зачем летали над безлюд-

ной местностью? По-видимому, прыгнул опасный, хорошо подготовленный для такой рискованной операции человек. Ночью, с многокилометровой высоты...

— Понятно, — с серьезной задумчивостью протянул старик Чурсин.

Я разложил перед ним на столе карту:

— Вот Р*. А вот территория возможного приземления парашютиста. Учитывая, что ветра не было, — только здесь. — Я показал по карте длинный, километров на двести коридор, который был обведен карандашом. — Вот здесь самолет сбили. А здесь, почти над вами, он поворачивал обратно...

— Понятно, — почти нараспев повторил Чурсин.

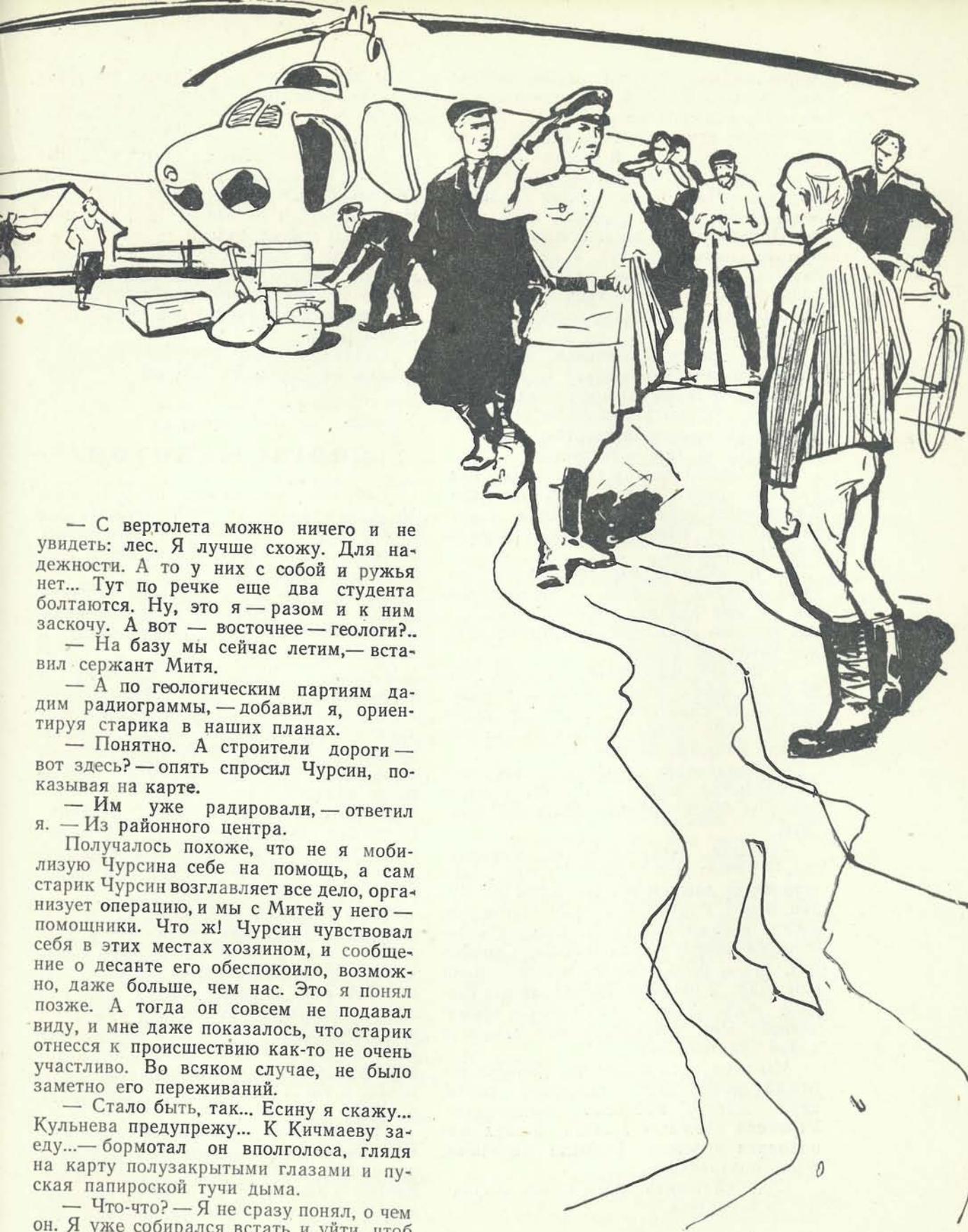
— Туристы где сейчас могут быть? — поинтересовался сержант Митя. В вертолете он мне уже рассказывал о пятачке с машиностроительного завода.

— Они должны дойти до... гм!.. До белой тайги, — усмехнулся Чурсин, произнося непривычное для него название. Местные жители, как я узнал позже, не пользуются этим термином. Да и слово тайга они употребляют редко, обычно говорят: лес. Никакой романтики!..

Старик показал на карте нижнюю треть обозначенного мной «коридора»:

— Вот сюда, стало быть. Там они собирались отдохнуть...

— Как их предупредить? Можно? — спросил я и предложил: — Давайте сейчас — в машину. Вы нас проводите?

— С вертолета можно ничего и не увидеть: лес. Я лучше схожу. Для надежности. А то у них с собой и ружья нет... Тут по речке еще два студента болтаются. Ну, это я — разом и к ним заскочу. А вот — восточнее — геологи?..

— На базу мы сейчас летим, — встал сержант Митя.

— А по геологическим партиям дадим радиogramмы, — добавил я, ориентируя старика в наших планах.

— Понятно. А строители дороги — вот здесь? — опять спросил Чурсин, показывая на карте.

— Им уже радиовали, — ответил я. — Из районного центра.

Получалось похоже, что не я мобилирую Чурсина себе на помощь, а сам старик Чурсин возглавляет все дело, организует операцию, и мы с Митей у него — помощники. Что ж! Чурсин чувствовал себя в этих местах хозяином, и сообщение о десанте его обеспокоило, возможно, даже больше, чем нас. Это я понял позже. А тогда он совсем не подавал виду, и мне даже показалось, что старик отнесся к происшествию как-то не очень участливо. Во всяком случае, не было заметно его переживаний.

— Стало быть, так... Есину я скажу... Кульнева предупрежу... К Кичмаеву заеду... — бормотал он вполголоса, глядя на карту полузакрытыми глазами и пускающая папироской тучи дыма.

— Что-что? — Я не сразу понял, о чем он. Я уже собирался встать и уйти, чтоб

лететь дальше. Мне надо было действовать, мой служебный долг обязывал ни на кого особенно не надеяться, никому не передоверять, решать самому и добиваться результата. Я спешил.

— Это я про себя, — нехотя ответил Чурсин. — Надо же наш актив предупредить. Неровен час... Должны быть начеку. Правда, народ у нас всегда начеку — чужого сразу приметят, и лес все расскажет. Но сообщить надо. Я сейчас туда пошлю, потом — туда: там по избушкам наши охотники есть. А как с оленеводами?

Водя корявым пальцем по карте, Чурсин поднялся, окидывая ее знающим взглядом. Я снова склонился над ней, недоуменно рассматривая показанную мне безлюдную низину за хребтом.

— Откуда там оленеводы?

— А новый колхоз «Харп». Уже двенадцать срубных домов, нас догоняют. Карта ваша устарела. Вот здесь, у озера. Рыбчат, нынче картошку посадили. Пишите: «Харп».

— В «Харп» мы обязательно заедем, — сказал сержант Митя из сеней, где он уже надевал сапоги. — Радио у них есть, но связь еще не организована. Это тоже мой участок.

— Значит, весь подозрительный район будет взят в кольцо, — не то утверждая, не то спрашивая, произнес старик Чурсин. Он достал из комода чистую рубаху и быстро переоделся.

— Великовато колечко, — возразил я, складывая карту. — В такое колечко дивизию брось — может никто не заметить.

— Разве что — дивизию бурундуков, — весело поморщился Чурсин. — Да и то перед дождем мы услышали бы: бурун, бурун, бурун... Студенты знаете что, между прочим, выясняют? Есть ли у бурундука зимой вторая линька. Сколько раз, стало быть, шерсть меняет — один или два?.. Я им подсказывал: лучше изучите рысь. Как с ней воевать эффективней? Нет, говорят, у нас такого в плане практики нет.

Мы вернулись к машине. Занялся погожий летний день, становилось тепло, даже жарко, начинало подпаривать. Утренняя свежесть густела, воздух наполнялся прелыми лесными запахами, терял прозрачность.

Сонную тишину тайги снова взорвал мотор вертолета.

Я договорился с Чурсиным, что вечером мы увидимся. Вертолет медленно всплыл над домами, над вершинами деревьев и взял курс на северо-восток.

А еще через полчаса от Р* в разные стороны по лесным тропам отправилось несколько пеших и верховых. Прямо на север двинулся на гнедой крепкой монголке сам старик Чурсин.

Солнце и вовсе распалилось, словно забыло, что это далеко не южные края, и Чурсин, утирая пот со лба, наверное, с удовольствием въехал под прохладные своды тайги.

Оказалось очень приятно работать с такими отзывчивыми людьми!

Глава третья

СПОРЫ ШЕПОТОМ

События развивались стремительно. Но я постараюсь не спеша описать все по порядку. Терпеть не могу детективных историй, где все рассказывается с космической скоростью.

Многие мои герои еще пока не знали всего, что произошло, и действовали, движимые своими соображениями и чувствами.

Сережка Векшин догадывался о главном. Но плохо, когда много начальства, и каждое стремится, чтобы все подчинялись только ему. Даже если распоряжения произносятся на всякий случай шепотом. Так получилось ночью возле палатки у белой тайги.

После рассказа Сережки, поднявшего всех по тревоге, после того, как он решил, что ему надо идти — сообщить о парашютистах, куда следует, все заспорили. Шепотом.

Зина-беленькая — комсомольское начальство — захватила инициативу и объявила, что парашютистов Сережка выдумал, а Наде просто поблазнилось. Мираж! А если парашютисты и выбросились с какого-то невидимого самолета, то почему бы не пойти к ним на помощь? Или, может быть, это какое-нибудь интересное спортивное мероприятие аэроклуба, и тогда почему бы не участвовать в нем?

Надя Зотова — начальник отряда — настаивала, чтобы все вместе срочно возвращались в Р* — ближайшее селение. Какой дурак будет устраивать спортивные соревнования или тренировку в не-

исследованной тайге? Прыжки ночью — затажные, обыкновенные или с наибольшей скоростью самолета — делаются всегда по хорошо обозначенным координатам. Надя знает, Надя сама прыгала. Правда, только с парашютной вышки, но сейчас это не имело значения: в теории парашютизма она, конечно, авторитетнее всех остальных. Вы же не помните имена знаменитых парашютистов — Федчишина, Селиверстовой, Султановой, Романиюка, — а она помнит.

Надя не улыбалась, как обычно, а была испуганно серьезной и даже похорошела. Когда Надя смеется, лицо у нее сморщено, глаза — щелками, а тут они стали большими, смятенными. Но этого, конечно, никто не заметил, кроме Сережки.

— С такими вещами не шутят! — громким шепотом убеждала она. — Мало ли что может быть.

— Может, это военные занимаются? Пойдем — узнаем. Что? Бойтесь? А еще комсомольцы! — ухватила Зина за самый сильный, как ей казалось, довод.

Но и это не произвело впечатления на ребят. Каждый защищал свои предложения.

— Никто не боится, не суди по себе, — уже не шептал, а похрипывал (тоже начальство) повар и завхоз Вася. — Я требую, чтобы мы никуда не ходили. Договаривались же, что здесь будет наша база. Дрова заготовлены — вон рядом какой бурелом. Сухой! Продукты уложены в снег — он там, в расщелине, хоть все лето не растает... А военным нечего мешать.

Сережка упорствовал:

— Я нашу экспедицию организовал и команду я. А вы слушайтесь. Все остаются здесь — жечь костер и быть ориентиром. Я бегу в Р*. Я же быстрее всех хожу. Это точно.

— Чего толку? В Р* и телефона нет, — возражала Зина-беленькая.

— Там есть лошади и есть дорога. И почти ежедневно вертолет бывает. Парашютисты, может, вражеские, а мы языками чешем, как на диспуте о любви и дружбе.

— Но почему ты должен идти обязательно без нас? — возмущалась Надя. — Почему мы должны оставаться?

— Я один дойду быстрее, — доказывал Сережка.

Сказал свое слово и Коля Шевелев.

Он единственный был кругом подчиненный, не начальствовал ни по какой линии, поэтому долго молчал.

— Это, наверное, какие-нибудь пассажиры. С курорта. Им сказали, что авария, они выпрыгнули, а аварии не было. И ходят они теперь там по лесу без продуктов голодные-голодные, — произнес он грустно, растягивая последние слова.

Вспыхнул смех. Но тут же оборвался. Где-то далеко-далеко грянули частые выстрелы: тах, тах, та-тах и еще — тах!..

Так до конца и не погасшая вечерняя заря передвинулась с северо-запада на северо-восток и разгоралась утренней зарею. Небо заалело, будто залилось прозрачным соком ягоды-княженики, и постепенно густело там, где должно взойти солнце. А очертания каменных громад, невидимых за горизонтом, бросали гигантские зыбкие тени почти на все небо — мираж горных северных краев. Всмотрись перед зарею ввысь — над тобою словно нависает прозрачная, но колоссальная и холодная тень. То силуэт одинокой разлапистой сосны, то камня-столба, подобного клинку, то еще чего-нибудь. Дух захватывает!

А тут еще стрельба. Глухая, еле слышная, но слышимая всеми. Парни и девушки лишь переглядывались, и каждый читал на лице товарища свои собственные мысли: там, где опустились парашюты, что-то на самом деле неладное...

Частые выстрелы скоро прекратились. Потом прозвучал еще один, а через некоторое время еще. И снова стало тихо.

Молчали и ребята. Все смотрели туда, на белую тайгу, откуда раздались выстрелы.

И никто не заметил, как Сережка стянул с себя джемпер через голову, оставшись в клетчатой ковбойке, перешнуровал покрепче ботинки. Затем на широком старом ремне, который он носил поверх спортивных штанов, передвинул пряжку с буквами «РУ» — опоясался потуже, проверил свои часы, компас. И громко спросил:

— Значит, все понятно?

— Т-ш-ш!.. — вздрогнула Зина-беленькая и шепотом переспросила: — Что — понятно?

— Я иду в Р*. Вернусь завтра к вечеру. Вы наблюдайте за местностью, — распорядился Сережка. — И какие бы люди ни вышли оттуда, вы задерживаете

те их здесь. Любой хитростью. Во что бы то ни стало! Жжете костер, и дыму побольше! Счастливо оставаться!..

Ему не успели возразить,— он быстрым шагом, почти бегом направился в гору, туда, откуда пришли.

За ним кинулась Надя:

— Сережа! Стой!.. Вернись!.. Ты просто струсил! Бросаешь товарищей! Как не стыдно!.. Сережка! — звала она, но он даже не оглянулся.

— Тише!.. — Зина-беленькая, схватив Надю за руку, привела ее обратно к палатке.— Нечего перед ним унижаться! Подумаешь, генералиссимус без войска!..

Девушки сели у гаснущего костра. Казалось, они вот-вот заплачут. Коля и Вася виновато поглядывали друг на друга. Коля раздумывал, пощипывая нижнюю губу.

После тягостного молчания Вася поскреб в затылке и протяжно вздохнул:

— А я все время думал, что Сережка — старший в походе. Надо четче назначать командира, а то чепуха получается. Единоначалие должно быть.

— Какой он единоначальник? Кто его выбирал? Кто назначал? Какое он имеет право так распоряжаться? — возмутилась Зина-беленькая.

Она раскраснелась, глаза гневно сверкали, ее обида, казалось, не пройдет, пока недисциплинированный Сережка не получит возмездия за свой проступок. Молчаливый Коля подошел к ней, сгреб, как медведь, ручищами за плечи, поставил ее на ноги и посмотрел исподлобья — глаза в глаза.

— Перестань, Зинчик. Давай лучше обсудим: как — нам? — сказал он строго.

— Что — нам? Собираемся и идем домой. Поход окончен, — отрезала Зина.

— Это не ты говоришь. Это каприз в тебе говорит. Мы же должны...

— Я предлагаю выбрать старшего, — вставил Вася.

— Старшим буду я, — мрачно отозвался Коля. Зина что-то хотела возразить ему, но он мягко усадил ее обратно на землю и спросил:

— Кто — против? Надя, ты как?

— Мне все равно, — ответила Надя, отвернувшись. Она вслушивалась, не раздадутся ли еще выстрелы в тайге, не приближается ли кто-нибудь оттуда.

— Я — за, — поднял руку Вася, с

восхищенным удивлением глядя на ново-явленного командира.

Коля протянул свое «ла-адненько» и приказал Васе готовить завтрак, а девушкам наломать побольше хвойных веток для дыма над костром. Распоряжался он спокойно и как будто нехотя, ленивым басом. Надя молча повиновалась, а Зина, вскочив на ноги и подбодорясь, приготовилась сказать ему что-то резкое. Но Коля опять кротко взял ее за плечи и невозмутимо проговорил:

— Нам надо держать ухо востро. Что там за люди, неизвестно. У них есть оружие, мы слышали. Но мы должны... Нам, может, будет еще очень трудно... — а закончил зычной командой: — Жжем костер! Мы на возвышенности — нас увидят. И те. И Сережка. И еще, может, кому надо...

— Коля, это очень рискованно. Мне, Коля, страшно, — прошептала Зина.

— А ты не бойсь, — шутливо протянул Коля, нарочно коверкая слово «бойсь». — Ты же не одна.

Вася, раздув костер, повеселел и стал разминать в котелке концентрат гречневой каши.

— Сережке лишь бы успеть добраться, — успокаивал он всех. — Назад вернется не иначе как с милицией. На вертолете. Верно?

Солнце выглянуло из-за гор. Все вокруг озарилось нежным, поначалу неярким светом. А зеленое море тайги, внизу на равнине, оказалось подернутым тягучими белыми туманами.

Было все так же спокойно и безветренно. Клубы дыма от костра, заваленного трескучей хвоей, покувыркавшись над игривым огнем, взвивались прямо вверх. Вскоре над лагерем туристов к небу поднялся сизый столб дыма.

И Сережка, отшагав по еле заметной каменной тропе единым духом километров десять, увидел, когда поднялся на следующий увал, этот столб дыма. На душе стало легче, а то он ушел от своих друзей с тяжелым чувством. В ушах все время стоял рассерженный голос Нади: — «Струсил!..»

Сережка был глубоко убежден, что парашютисты спрыгнули в тайгу неспроста, и чем раньше он примчится в Р*, тем лучше. А что за перестрелка была там? Может, парашютисты уже встретились с какими-нибудь нашими людьми? Чем окончилась встреча?

Все эти неясные и тревожные мысли подгоняли Сережку. Не чувствуя ног под собой, он почти бежал. Иногда казалось, что тело тяжелеет после бессонной ночи и форсированного марша, что легкие уже не справляются со своей работой. Дышать трудно — вот-вот закружится голова. Но Сережка не останавливался. Он знал, надо взять себя в руки. Только взять себя в руки! Это — как в ночную смену, когда утром поспишь мало, проболтаешься по разным делам, увлечешься днем каким-нибудь журналом в красном уголке общепита, а потом сходишь с Надей в кино и провожаешь ее до самой ночи. В цех затем явишься — вроде ничего, а через три-четыре часа обязательно начинает клонить ко сну! Хоть гаечный ключ подсунь торчмя под голову, — лишь бы уснуть. Но работу не остановишь, бригаду подводить не будешь: ведь ты за всех в ответе, как они за тебя.

И приказываешь себе: не дремать!

«Не уставать! Ведь мы все за нашу тайгу в ответе!» Сережка умел приказывать себе. Он назначил привал через три часа. Путь лежал то путаными лесными тропами, то по камням, по гнилым стволам, переброшенным через топи. Дорога знакомая: раз уже прошел по ней. И Сережка постановил: к вечеру он обязательно должен дойти до Р*.

«А что делается там, у палатки? Как там держатся ребята? Вдруг к ним уже пришли парашютисты? Кто они оказались? Как встретились с ребятами? Нет, еще рано, наверное...» И то предполагалось самое страшное, то уверенно обнадеживающее.

Но, так или иначе, мысли гнали Сережку вперед и вперед по безлюдному лесу.

Для читателя малосведущего следует оговориться, чтоб не удивлялся понапрасну. Наш рабочий народ, живущий в новых индустриальных городах Урала и Сибири, хорошо дружит с природой — она стоит с заводами рядом, почти нетронутая. И люди, особенно молодежь, довольно много свободного времени проводят в окрестных лесах, на озерах, в горах. Каждый более или менее сообразительный парень уверенно ориентируется на едва знакомой местности, даже без компаса. Он уж обязательно турист, а то и заядлый гриболюб, ягольник, рыбак или охотник. Он и по болотам ловкий

ходок, и по бурелому, по каменистому бездорожью. И в глухом лесу, где и неба не видать, и где север, где юг — подчас сразу не определишь, — наш человек не теряется, идет, куда ему надо.

Обманчиво безжизненна тайга. Поначалу кажется, что окрест — мертвое безмолвие. Можно идти час, два, и если сердце колотится от волнения и быстрой ходьбы, а голова занята тревожными мыслями, — не увидишь, не услышишь ничего.

Но вдруг в косом луче солнца, пробившегося сквозь плотную хвою, промелькнула, как маленький парашют, белка-летяга. Как парашют! А до сих пор ничего не замечалось.

И заостряется зрение.

Летяга ночной зверек, и я не очень поверил Сережке, когда он потом рассказывал мне про него. Но вообще-то если какое-нибудь внешнее впечатление переключится с мыслями, засевшими в голове, это непременно вызовет повышенное внимание к окружающему. Тем более, такие люди, как Сережка, все воспринимают остро и глубоко.

Вон играет на ветвях полосатый бурундук. Не боится — остановился, опершись передними лапками о ствол, склонил мордочку, смотрит на Сережку, будто через большие авиаторские очки. Почему широкое белое кольцо вокруг бурундучьего глаза на буро-коричневой головке напоминает что-то пилотское, парашютистское?

— Цыц, грызун! — говорит ему Сережка грозно.

И бурундук исчезает, словно понял, что ему велено человеком.

Потом впереди, по влажной тропе, спускающейся вниз, побежал неуклюжий зверь. Голова большая, шея толстая, жестко мохнатый, темно-бурый, уши маленькие. «Ага! — шлея по боку — широкая полоса от плеч до хвоста, — разглядел Сережка. — Значит, это росомаха. Ишь, в галоп перешла! А в книгах пишут, что двигается коротким шагом... Ого!.. Росомаха даже прыгнула и скатилась клубком по каменистому откосу. В книгах все приблизительно...»

«На медведя похожа», — рассуждает про себя Сережка, глянув на следы росомехи. Они напоминали медвежьи, только — поменьше. И Сережка быстро выламывает сук подвернувшейся на пути коряги, вынимает нож, на ходу выстраги-

вает себе дубинку поудобнее. Кто знает! Еще повстречается такой, что не победит прочь, как россомаха. С дубинкой идти лучше.

Вспоминается Сережке, где-то читал в старых приключенческих романах, что страшнее в тайге встреча не со зверем, который обычно убегает, а с незнакомым человеком. Чепуха! Как хочется Сережке сейчас повстречать хоть кого-нибудь! Он быстро сообразит, распознает, что это за человек, и завербует себе в попутчики, в помощники. А пусть и парашютисты встретятся!.. Пусть они самые что ни на есть вражеские!.. Сережка уверен, что обхитрит их — он-то дома у себя — и приведет, куда следует. Они не решатся тронуть его — он убежден в этом — они-то не на своей земле. Это точно!

И Сережка кричит, взбудораженный своими мыслями, кричит во всю глотку, набрав полную грудь ядерного лесного воздуха:

— Эге-ге-геге-е-е-ей!..

Опять, я помню, не поверил Сережке, что он кричал в лесу, вел себя этак поухарски смело. «Наоборот, — заверил он меня. — Я боялся. Я кричал, чтобы приободрить самого себя...»

Глава четвертая

„С ЛЕШИМИ ЗНАКОМЫ“

Я весь день продолжал организовывать жителей таежного района себе на помощь. Позже выяснилось, что мы с сержантом Митей дважды пролетали там, где проходил Сережка. Как и почему он не видел вертолета и не слышал стрекотанья пропеллеров, — непонятно. Впрочем, едва ли он мог что-нибудь предпринять, если бы заметил нас. Правда, он утверждает, что сумел бы мгновенно разжечь костер и обратить на себя наше внимание.

Пролетали мы над местностью, где по карте значилась небольшая речушка. Ее сверху и не увидишь в сплошном густом лесу. Но сержант Митя — милиционер таежный. Он обратил мое внимание на дым костра.

Я посмотрел на это подобие жиденького клочка дыма, — в кабине вертолета обзор хороший: сидишь, как в автомашине. Но мои мысли, естественно,

были заняты парашютистом. Мы часто в своей работе, увлеченные главной задачей, не замечаем вокруг себя людей, способных помочь нам, готовых сделать это и желающих быть полезными. Почти каждый человек нынче у нас может мыслить по-государственному, а мы иной раз даже отмахиваемся от них. И потом узнаем, что наша цель могла быть достигнута раньше и проще.

Я резонно возразил сержанту: никакой диверсант не будет разжигать огонь в неизвестной ему тайге, чтобы сразу обнаружить себя.

— Так это какие-нибудь наши, может, женщины ягоды собирают. Мы их предупредим, — предложил сержант Митя.

— Не всех надо вовлекать в это дело, — сурово сказал я. — И вообще в таких случаях, товарищ сержант, вам следует научиться держать язык за зубами. Вы готовы абсолютно всем рассказывать о случившемся.

Впоследствии я жалел, что не распорядился приземлиться. Там происходили события, прочно связанные с моей задачей.

Во второй половине дня два друга — Миша и Петя, два будущих зоолога, составлявших «экспедицию по изучению проблем распространения грызунов севернее шестидесятой параллели», — сидели у костра возле своей палатки на берегу журчащей речки и играли в карты.

Карман у друзей общий, и игра проходила скучно: то все деньги оказывались у Миши, то у Пети, и ни в том, ни в другом случае благосостояние обоих не изменялось. Поэтому, играя, парни лихо пели на мотив старой песни беспризорников сочинение Миши:

Мы био-зо-веды,
Не страшны нам беды,
Зверь нам самый дикий —
Лучший друг и брат.
Мы в тайге, как дома,
«С лешими знакомы», —
Так про звероводов говорят...

Слова — «с лешими знакомы» — они выкрикивали с особенным энтузиазмом, смакуя.

Но не следует думать, что Миша и Петя какие-то непутевые забулдыги. Нет. Они оказались вполне порядочными студентами, когда я с ними познакомился ближе. Но они молоды и изрядно бра-

вируют своим таежным житьем-бытьем. Поэтому они попали впросак, да еще пытались и замазать свою оплошность.

Бравада — пустое молодечество от незрелости ума — бывает, не проходит подолгу. У одних юнцов эта сырость мозгов проявляется в стилижничестве, у других — в том, что они изображают из себя всезнающих, ни во что не верящих и во всем разочарованных. А Миша с Петей, где надо и где не надо, подчеркивали свою лесную бывалость. Мы, дескать, люди таежные, от земли, от сучьев, мы подолгу живем вдаль от современной цивилизации, и нам все нипочем, мы дикари. Кроме картишек, им нравилось ходить небритыми, нечесаными, в грязных рубашках без пуговиц, непременно отпустить непристойные словечки, разговаривать нарочито грубовато и громко, с размашистыми ухарскими жестами, с пренебрежением ко всем остальным, кто не живет в лесной глуши, не принадлежит к продымленному племени завязых таежников.

— Ты, так-перерастак, что в костер не подбросишь? — сказал Миша.

— А на так-перерастак? — ответил Петя. — И так горит, так-перерастак!

— Давай порубаем, — предложил Миша, что означало давай поедим.

— Идет! — поддержал Петя, что означало ладно.

Оба они коренастые, с отлично развитыми мускулами, оба в модных капролактановых шляпах, оба курносые и оба заросшие бородами, что торчали наподобие зубных щеток. Только у Миши растительность светло-русая, а у Пети — черная, с рыжим оттенком. И глаза — соответственно — голубые и карие.

Хорошо оснащенные — от ружей до карманного радиоприемника, — они не торопились со своей работенкой-практикой, тем более, что любили тайгу искренне и преданно и не прочь были проводить в ней круглый год, кроме банных дней. На правах будущих зоологов, не считаясь со сроками охоты, они настреляли тощих июньских глухарей и теперь собрались доесть третьего, аппетитно поджаренного на костре. Петя, обжигая пальцы, снял птицу с вертела, положил на траву и разрубил топориком. Потом взял каждую половину за ножку и, спрятав у себя за спиной, спросил:

— Какая лапа?

— Левая, — привычно отозвался Миша.

Петя отдал ему полглухаря из левой руки, и оба вцепились крепкими зубами во вкусное мясо.

— Сухаря надо? — предложил Петя.

— М-гм-гм-м!.. Нет! — жуя, отмахнулся Миша. — Кабы свеженького, такого, знаешь, чтобы... М-м-гм-м!..

— Сбегай, — сострил Петя. — До ближайшей булочной всего каких-нибудь полтора километра.

— У меня есть свежий хлеб! — громко раздалось чуть не над их головами.

Миша и Петя, перестав жевать, медленно повернулись и так же медленно подняли недоуменные глаза. В нескольких шагах от них стоял высокий, широкоплечий молодой человек с мохнатыми, настороженно сдвинутыми бровями. Он улыбался по-дружески, хотя и несколько натянуто. Одет в куртку тонкого брезента на искусственном меху, с молнией и капюшоном, со множеством карманов, в добротные туристские штаны, ботинки на толстой кожаной подошве, за плечом — небольшой рюкзак.

— Откуда такой бровастый? — произнес Миша, пряча испуг за развязной усмешечкой.

— Добрый день! — Бровастый приблизился, сбрасывая рюкзак, и вынул белую сайку.

— Она, поди, давно окаменела, — сказал Петя, подавляя свою дрожь.

— О, нет! Вчерашней выпечки. Берите. Поделюсь, — предложил бровастый. — Я тоже хочу немного поесть.

Он по-компанейски подсел к ним, извлек из рюкзака ветчину, завернутую в целлофан. Достал большой блестящий складень, ловко нарезал несколько аккуратных ломтей. Потом так же быстро нарезал сайку, сделал бутерброды и начал угощать.

— Культурненько! — снисходительно отметил Миша.

— Куртка у вас шикарная, — сказал Петя, с почтением переходя на «вы». — Не отечественная? Где брали? В комиссионном?

— Что? А-а. Да-да! Удобная... А вы охотники? — спросил бровастый, кивая на ружья, валявшиеся рядом. — Как ваши успехи? Ни пуха, ни пера?

— Мы просто бродяги, — сострил Петя, считая неудобным афишировать

свою будущую профессию.— Вольная банда!..

— Бродяги? — поразился тот и даже, по-видимому, испугался. — Как бродяги? Банда?

— Да, ходим-бродим, скитаемся, кое-чем занимаемся,— беспечно подхватил Миша.— Сыграем в карты?

— Карты? Не-ет! — поморщился бровастый.— Это игра для богатых и для дураков. А как вас зовут? Вы хорошо знаете эти места?

— Зна-аем! — угрожающе протянул Миша, рассерженный отказом и такой оценкой карточной игры. И спросил грубо: — А ты вообще-то кто такой? Куда идешь? Откуда?

Бровастый склонил голову, откладывая свой бутерброд, и податливо, с доверчивой готовностью сказал:

— Мне надо в ближайший населенный пункт. Зовут меня Юрий, Юрий Попов.— Он говорил отрывисто, волнуясь.— Меня сбросили сегодня на парашюте, здесь, недалеко. Я должен найти представителя власти, чтобы... Я дам интересные показания... Это очень важно...

— Ну-у-у!... Вот это свист! Художественно!... — воскликнул Петя и засмеялся.— Брось-ка ты нам мозги пылить. Мы же видим, что ты геолог...

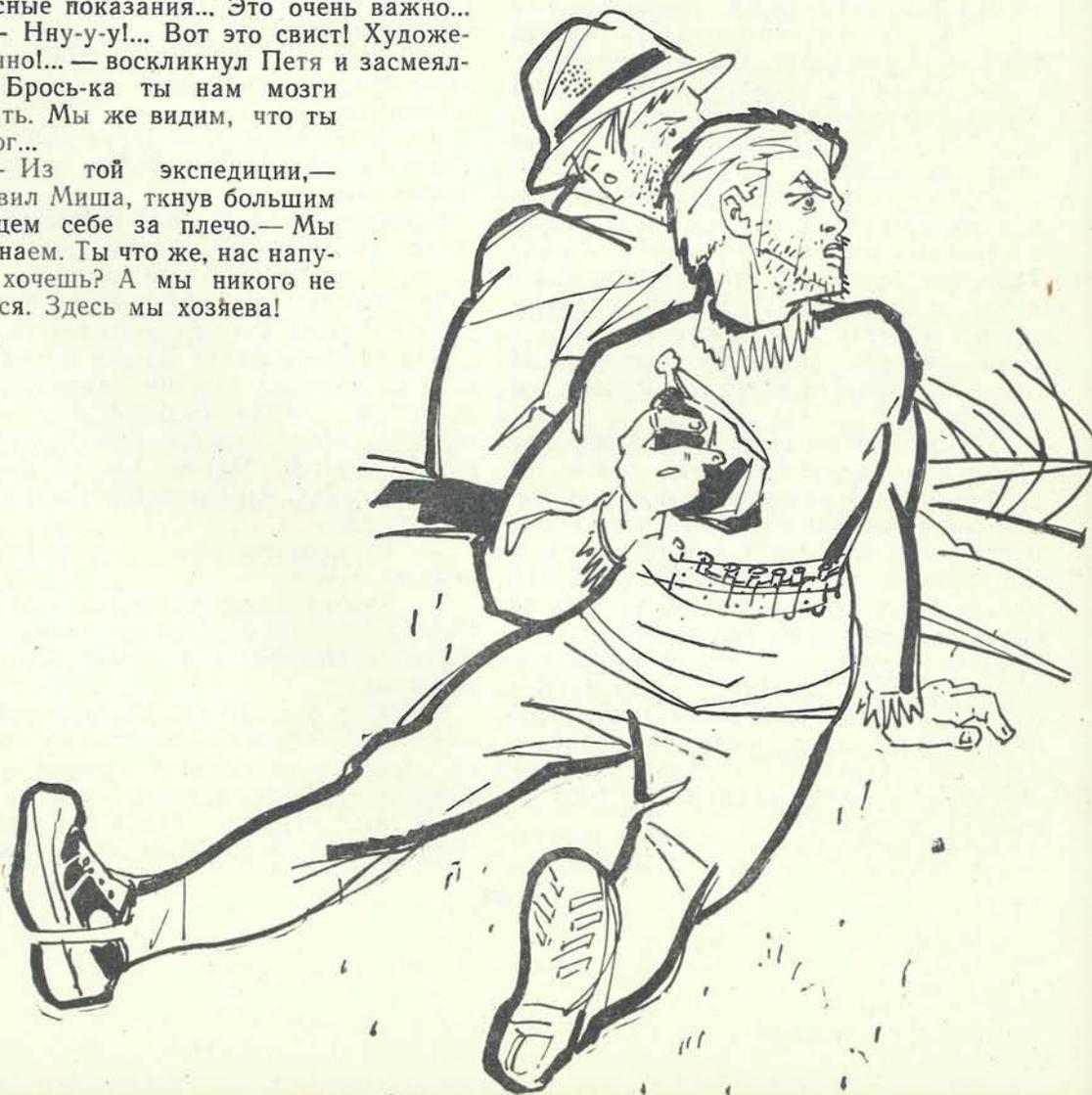
— Из той экспедиции,— добавил Миша, ткнув большим пальцем себе за плечо.— Мы все знаем. Ты что же, нас напугать хочешь? А мы никого не боимся. Здесь мы хозяева!

— Зачем пугать? — заискивающе улыбнулся тот, он на самом деле принял их за бандитов.— Я не буду никому говорить, что видел вас. Я понимаю. Честное слово! Я могу все вам отдать добровольно. Хотите — куртка, часы. Бритва есть, механическая бритва с пружинным заводом. Как электрическая. Раз — и все чисто...

Он полез в рюкзак, но Миша остановил его, прикрывая ладонью свою небритую бороденку:

— Не валяй дурака. Ничего нам не надо.

Миша с Петей были изрядно ошарашены. Но им стало весело оттого, что такой крупный, атлетического сложения человек опасается, приняв их за каких-то уголовников, скрывающихся в тайге. Сдерживая смех, они переглядывались,

придумывая, как бы еще похлеще подшутить над чудачком, прикидывающимся черт знает кем, нагнать на него страху побольше.

— Вы меня не трогайте! — откровенно беспокоился бровастый, перехватывая непонятные ему взгляды Миши и Пети. — Я должен дать ценные показания. Это очень важно...

Была минута, что самолюбие порядочного человека взяло верх, и Миша начал читать бровастому нравоучение:

— Вы, молодой человек, видать, маменькин сынок, пижон, стилига. А геолог должен быть таежником. Иначе, какой он геолог?.. Настоящий таежник сразу определит, что мы не какие-нибудь праздношатающиеся, а производим научную деятельность. Мы работники умственного труда. Настоящему таежнику нечего прикидываться подозрительной, таинственной, экзотической личностью, чтобы обезопасить себя. Мы и так никого не трогаем, не грабим... А то, что мы небритые, — так это специально: мы, может быть, бороды себе запустили... А мыло мы потеряли...

Про мыло Миша сочинил для пущей убедительности: два куска третий день лежали нетронутые на камне у речки, где парни утрами освежались. У Миши мелькнула мысль, что перед ними какой-то геолог, который вдруг да и расскажет где-нибудь про одичавших студентов. И Миша готов был оправдываться всячески. Он даже встал уважительно.

— Я вас понял, товарищи работники умственного труда, — ответил бровастый вежливо, тоже подымаясь и застегивая свой рюкзак. — До свиданья. Мне надо спешить. Я по этой дороге дойду до Р*? — спросил он, показывая на другой берег речки, где виднелась еле-еле проторенная тропа.

Она вела именно в Р*, хоть и не совсем напрямик. Она была чуть-чуть приметна, тем более столь издалека: до речки шагов десять, да полувысохшее русло — шагов двадцать. Миша с Петей какую-то секунду подивились такому острому зрению и пониманию признаков местности в тайге, где что ни путь, то перепутица. Но на этот раз взяло верх бравое озорство Пети. Он прицепился к слову и напустился на бровастого:

— Это еще что за ирония? А ну, стой!..

Петя схватил ружье, быстро откинул ствол, подул в пустой патронник и выпря-

мил, громко шелкнув затвором. Наставить оружие на живого человека он не решился, но принял грозную, задиристо воинственную позу. Подумал немного и предложил со смехом:

— А ну, давай посмотрим, кто из нас какого труда работник... Бери топор, так-перерастак! Вон — сучья, видишь? — Он показал на сушняк — несколько берез, сваленных грозю в груду. — Наруби нам дров для костра, тогда можешь идти куда хочешь. Нну-у-у! Живо!..

Бровастый пожал плечами, покладисто усмехнулся и поднял с земли топор. Петя отскочил в сторону и, взяв ружье наперевес, проводил бровастого к поваленным березам. Тот стоворчиво покивал и, поплевав в ладони, начал обрубать сучья со ствола лежащего дерева.

— Давай-давай!.. — всполошенно крикивал Петя.

— Физический труд, он облагораживает! — со смехом вторил Миша, потакая другу. В возбуждении он тут же забыл, как и что думал две минуты назад. Ему понравилась Петина затея — заставить какого-то аристократа поработать. Мальчишеская бравада толкала на своевольничанье. Сознывая безнаказанность своих действий в глухом лесу, вдали от жилья, добрые молодцы потешались над тем, что человек покoren им, как телок.

— Тоже, навывускали горе-геологов! — громко, издеваясь, брюзжал Миша издали. Он снова расположился у костра, прилег поудобнее — расправиться с глухарем и бутербродами.

— А ничего!.. Получается!.. — сообщил Мише Петя, стоя, как часовой, рядом с бровастым.

Тот старался топором изо всех сил и даже посмеивался добродушно. Это злило Петю.

— Нечего зубы скалить! Вот употреешь, тогда по-другому глядеть на нас будешь, — увещал Петя.

— Пусть, пусть мозоли себе набьет. Полезно! — добавлял Миша.

И никто из них не заметил, как в ольшнякавых зарослях за палаткой появился Сережка Векшин. Он поначалу обрадовался, что наткнулся на стан студентов: все же — люди и знакомые, мимо них туристы проходили и делали привал. Сейчас можно попросить у них чего-нибудь поесть, они ребята нескупые да

и промысловые — всегда с рыбой, с дичью.

Но, услышав залихватские возгласы Миши и Пети, Сережка замедлил шаги, остановился, не доходя, и даже чуть замаскировался острыми лоснящимися листьями кустарника ольхи. Присел. Как же! Интересно узнать, что у них происходит! И кто же с ними третий? Кого это Петя с ружьем охраняет?

Однако, сколько ни пытался Сережка разглядеть третьего, ничего не получилось: тот работал внаклон, совсем не разгибаясь. Не сидеть же Сережке в засаде до бесконечности. Да и запах жареной дичи, доносившийся от костра, поддразнивал. Уйдя от своих натошак, Сережка за всю дорогу съел лишь несколько ягод земляники. Останавливаться и собирать? Он не мог терять времени. Да и какая это еда!

— Привет неутомимым работягам науки! — С таким приятельским восклицанием Сережка, взяв дубинку на плечо, вышел к костру. Он даже поклонился небритому, удивленному Мише, чопорно воздавая ему честь не только как обладателю кое-чего съестного, но и как представителю ученого мира.

— Здорово, создатель машин в пучине оголтелого туризма! — с иронической высокопарностью произнес Миша. — Что? Уже — назад! Ненадолго же хватило вашего исследовательского энтузиазма.

Сережка живо подхватил этот нарочито пренебрежительный, внешне веселый тон и тоже постарался выразиться риторически-витиевато:

— Увы, мой дорогой ученый муж, я возвращаюсь в одиночестве, ибо чрезвычайные (словечко-то какое употребил!) обстоятельства вынудили меня покинуть своих верных спутников и спешить в Р*.

Миша поразился такой речью больше, нежели неожиданному появлению самого Сережки, и ответил не сразу:

— А ты, я смотрю, начитанный... — похвалил он Сережку и перестроился на иной лад, стал разговаривать, как равный с равным. — Что? Из-за девчат поссорились? Нет?... Вон, тебе попутчик есть до Р*. Ох, и чудак. Какой-то инженер-ришко, что ли, из геологической партии. Мы немножко тут разыграли его и заставили поработать...

— Мотор докладом не заправишь, —

прервал его Сережка. — Дай чего-нибудь поесть, у меня в желудке вакуум.

— Садись, садись... Вот птичка. Понимаешь, упала в костер, пришлось зажарить. Ты вчерашнюю кашу любишь? У нас как раз полный котелок остался.

— Давай все, — ответил Сережка.

Пока он ел и, обжигая губы,пил горячий навар чаги из эмалированной кружки, Миша с удовольствием рассказывал, как пришедший бровастый парень принял его с Петей за каких-то беглых угольников.

— Вот юморист! — восторгался Миша не то бровастым, не то самим собой.

Сережка слушал. Но его сразу начало клонить ко сну. Разомлел. Ночь не спал, да еще с утра отшагал столько. Усталость брала свое.

«Хороши студенты, если их принимают за бандитов», — подумал он и почувствовал, как у него опускаются отяжелевшие веки. Казалось, теперь никакая сила не заставит его подняться на ноги и продолжать свой путь.

«Пожалуй, не дойду, — склонился он к назойливой мысли. — Надо растолковать все ребятам, чтоб они добрались скорее до Р* и сообщили там хоть кому-нибудь о шести парашютистах. Там есть хороший старик Чурсин... Или пусть этот третий сообщит, он все равно идет туда... Надька ничего не понимает, еще и трусом меня назвала...»

Сережка почти спал. Еще пока неглубоким сном, сквозь который все слышится. Но приятная истома опутывала, навевала туманные видения. Вот Сережка идет по лесу, и от него убегает росамаха. А потом она вдруг оборачивается и кричит почему-то Петиним голосом: «Давай, давай!... А ну, стой!.. Мишк-а-а!.. Сюда-а-а!»

«Это Петя зовет на помощь... Что там делает тот, третий?..» — смутно и тревожно думает Сережка сквозь сон. И ему

чудится, что он бежит скорее от росамахи к палатке студентов. Быстрее!.. Еще быстрее!.. Вот уже палатка на полянке среди ольшняковых кустов. Костер...

В тяжелой дремоте Сережка медленно валился набок.

А Петя на самом деле звал на помощь. Бровастый обрубал сучья, обрубал да и вспотел. Петя посоветовал ему снять куртку — тот отказался. Петя, посмеиваясь и добродушно поругиваясь, хотел все-таки заставить его раздеться и пригрозил ружьем. Тогда бровастый сказал, что он вообще больше работать не будет и бросил топор. Петя ткнул его стволом в грудь и схватил за полу куртки, потянул, стаскивая. А бровастый вытащил из кобуры под полую куртки пистолет.

— Руки вверх, бандит! — скомандовал он Пете. — Ружье у тебя не заряжено, я знаю.

Миша ринулся Пете на помощь. Он прыгнул на бровастого сзади, чтоб отнять оружие, наставленное на друга. Но не сумел. Через полсекунды Миша был свален наземь, а Петя лег с ним рядом по команде, под пистолетом.

— Пятнадцать минут — ни с места! — крикнул бровастый и бросился к костру за своим рюкзаком.

Но в это время очнулся Сережка. Он накололся щекой о сучок на полене у костра, а в своем сновидении как раз подбежал к этому самому месту. Открыл глаза, тряхнул головой, обернулся.

Бровастый поднял рюкзак и с пистолетом в руке опрометью кинулся прочь. Тут Сережка схватил его за ногу.

Бровастый, падая, с размаху, лягнул Сережку, но рюкзак и пистолет выронил. Сережка вскочил, схватил пистолет. Но бровастый метнулся к речке, в три прыжка пересек ее и скрылся в лесу.

Сережка бросился за ним, хотел выстрелить вдогонку. Но в пистолете не оказалось ни одного патрона.

Продолжение следует.

Конкурс
короткого
рассказа

Будь там, где нужнее всего

Дмитрий НИКОЛАЕВ

После полудня стало заметно прохладнее. С запада показалась туча, маленькая, аккуратная, вроде девичьего платочка.

— Дождь идет, ребята! — радостно кричит Андрей.

И верно: качнулись осока, листья ивняка, и мы почувствовали прикосновение ветра.

Но дождь так и не пришел. Тучка растаяла, притих шепот листьев.

— К вечеру обязательно смочит, — заверяет Андрей, — обязательно!

Я вспоминаю, что сегодня ровно месяц, как мы уехали из города. Ровно месяц осушаем заболоченные и топкие места.

Мы — это коллектив. Восемь человек. У нас есть повар, начальник и даже доктор. Все остальные имеют прямое отношение к технике. Андрей, Наташа, Павел Гриневич и я — трактористы. Мы умеем пока только водить трактора и ничего больше. Правда, еще мы учимся в техникуме мелиорации. Вместо летнего отдыха мы добровольно предпочли вот это. То есть тридцать дней напряженного труда на строительство мелкой осушительной сети. Вокруг нас — болото. Но мы не жалуемся. Наш начальник, Петр Леонтьевич, часто уезжает то в район, то в Смоленск «утрясать вопросы». На прошлой неделе в газете писалось, что герои-механизаторы Казахстана освоили новые сотни гектаров залежных земель. Масштабы у нас, конечно, меньше.

Два мощных дизеля тянут по топко-

му полю необыкновенный плуг. Этот плуг — канавокопатель. И дизеля тоже не совсем обычные — бывшие самоходные орудия попавших под сокращение частей. Теперь у «самоходок» снято все, что относится к войне, и лишь зеленая окраска напоминает о их былом назначении. Широкие гусеницы и мощный мотор очень хороши для работ, которые мы производим.

Тащить канавокопатель надо умеючи. На одной машине Андрей, на другой — я. Мы серьезны. Это понятно, работа у нас не такая, что можно глазеть по сторонам: канава должна быть прямой.

Дизеля соединены прочным железным коромыслом. К его середине и прикреплен этот плуг — канавокопатель. Нам нельзя ни обгонять друг друга, ни сворачивать в сторону даже на чуть; машины идут ровно, как на параде.

Короткая передышка. Гурьбой идем на речку. Она небольшая, местами не шире ручья. К воде добираться трудно: топко. Мальчишки, которые приходят к нам из ближайших деревень, говорят, что в августе речка кое-где совсем пересохнет. И не верят, что после нас придут другие тяжелые машины (для них мы и осушаем подход) и расчистят, углубят реку.

По плану, что лежит в портфеле Петра Леонтьевича, кое-где будут сооружены плотины и водоемы. В этих водоемах колхозники разведут рыбу... Ребятишки почему-то упорно не хотят нам верить. Чудаки! Для них это только мечта. А мы

знаем, что мечта осуществится. Осуществим ее мы и, может быть, даже будущим летом.

Дикие утки, потревоженные нами, с неохотой покидают уютные кочки и, почти касаясь крыльями осоки, стремительно уходят в глубь болота.

До речки еще порядочно, но мы уже слышим всплески и крики. Так и есть! Мальчишки купаются. Мы подходим. Они прекращают возню. Из воды торчат только головы. Трудно определить, какого цвета волосы у ребятшек. Солнце, что щедро ласкает землю с раннего утра до вечера; солнце, что любит всех мальчишек одинаково, выкрасило их волосы как бы в один цвет — пепельно-желтый, и поэтому кажется, что на воде притихли утята и ждут маму-утку.

После купания едим ржаной хлеб. Хлеб немного черствый и, когда запиваешь его молоком, приятно рассыпается во рту. В котле булькает вода. Зина чистит рыбу. Мы отдыхаем. Все, кроме механика. Бросив под дизель охапку сухой травы, он лезет под машину, ощупывает болты, гайки. В любое время дня, как только остановка, наш механик уже копается в моторах. Поэтому при тяжелом режиме работы трактора у нас останавливаются редко.

Вот механик выполз из-под машины. Идет к нам. На комбинезоне стебли травы. Лицо худое, скуластое. Впрочем, у такого сорта людей оно редко бывает полным. Берет литровую кружку молока, кусок хлеба, ест.

— Хоть бы умылся! — делает замечание Марина. Механик машет рукой. Жест все понимают правильно: «оставь меня в покое».

Съел хлеб, допил молоко и на старое место.

— Техника целиком поглотила человека, — как бы между прочим говорит Павел.

— Он помешан на ней! — Голос у Марины недовольный, и по всему видно — она не простила механику послушания. Андрей тоже пробурчал что-то в его адрес.

— А мне нравится он! — возражает Наташа. — Очень! А вы как старики! Бу-бу... Бу-бу... Человек влюблен в свое дело, а вы...

Об этом мы не подумали. Умение видеть и подмечать то, что иногда проходит мимо нас, — у Наташи поразительно! Кажется, мы теперь начинаем пони-

мать, почему Наташа получает повышенную стипендию.

Часам к пяти зной, который держится с одиннадцати, спадает. Даже земля, если на нее лечь, посылает откуда-то из глубины прохладу. Правда, к вечеру появляются комары. Их — миллионы, и нам приходится покрывать руки, шею, лицо неприятной мазью. Она, впрочем, мало помогает.

Продолжаем работу. Для разнообразия меняемся машинами. На месте Андрея теперь Наташа. Со стороны кажется: все равно, кто твой напарник, но это далеко не так. Андрей ведет машину ровно, по-деловому. А Наташа будто видит впереди такое, что нужно как можно скорее рассмотреть получше и торопится. С ней труднее, но и интереснее — все время начеку.

Вечер. Каждый раз мы радуемся ему. И не только из-за отдыха. Нет. Каждый из нас должен рассказать у вечернего костра какую-нибудь интересную историю. Бывает и так: мы молчим, сидя у костра. Сидим, как цыгане. Трещат дрова. Пламя порой выхватывает из темноты силуэты машин, возле которых возится механик.

Сегодня ему тоже не до нас. Уже в сумерки «забарахлил» мотор бульдозера, и теперь механик с Павлом заняты ремонтом.

Пламя костра, пробегая по кругу, старается поближе приглядеться к нам; а ночь, кажется, обнюхивает нас, желая удостовериться, те ли мы люди, которые пришли в болотистые топи, чтобы победить их.

Наташа набрала в траве светляков, и теперь они сказочно мерцают в ее волосах. Павел уже несколько раз пытался сфотографировать Наташу в этой «короне», и каждый раз у него не получается.

— Пленка не та, — обычно оправдывается он.

Марина и Зина боятся всяких букашек. Наташа для них — герой. Покрыв плечи платками, они сидят, прижавшись друг к другу, — наши девушки.

На дороге, что лежит от нас километрах в двух, поют деревенские девчата. Сейчас десять вечера. В эту пору они обычно ходят на «вечерок».

«Если скажут, что я некрасивая», — долетают к нам слова песни. Чистые, звонкие голоса.

— Самая красивая штука — это мо-

лодость,— убежденно замечает Павел (Они с механиком оставили ремонт до рассвета — нет никакого смысла копать-ся в темноте).

— Споем что-нибудь, а? — предлагает Андрей. И мы поем. Поем про Сибирь, про Урал, про другие края; даже про те, в которых никто из нас не был. Это и не очень важно, что не был. Края все наши.

В двенадцатом часу приехал Петр Леонтьевич, привез свежие газеты.

Догадливый механик подбрасывает в костер промасленную ветошь; он всегда ее припасает к таким случаям. Светло, как днем. Что и говорить, догадливый человек механик: недаром прослужил в армии около десяти лет! Он доволен, что демобилизовался вместе с боевой техникой.

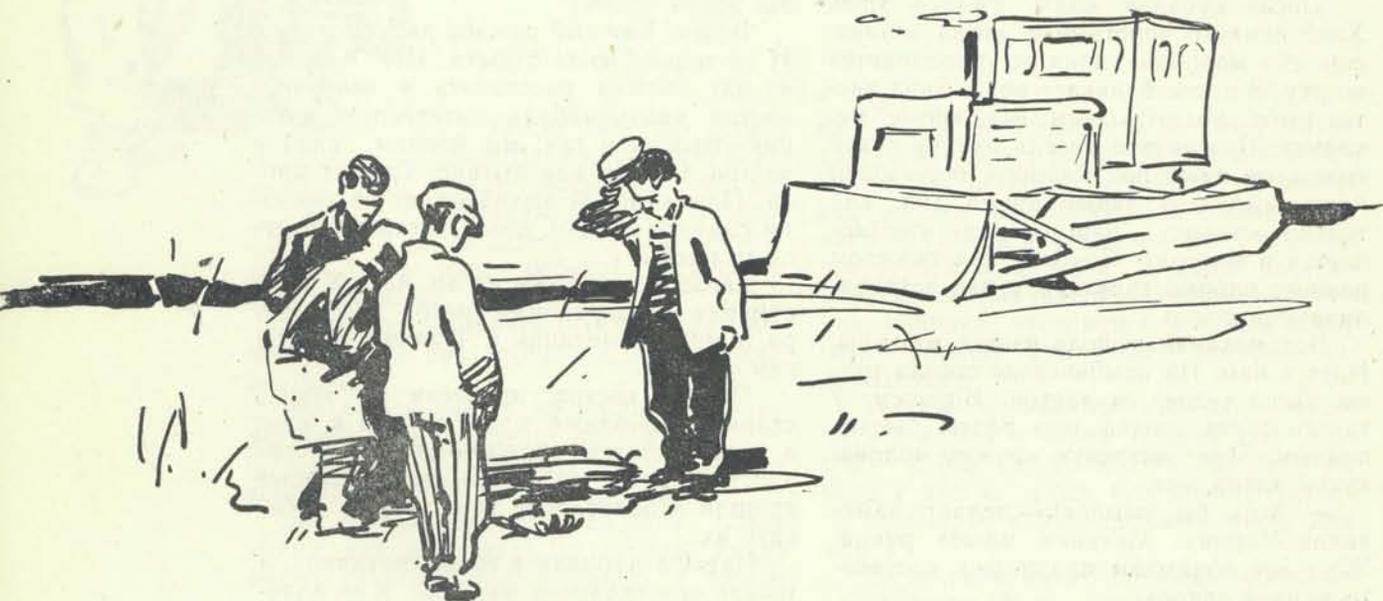
— Мы не допустим войны! — говорит Зина.

— Народы не допустят, — поправляет Павел. — Ну, а если... Это будет для них последняя война.

Мы смотрим на Петра Леонтьевича и ждем, что скажет; он ведь не только руководитель работ, но и парторг в техникуме. Петр Леонтьевич согласен с Павлом.

Уже поздно. Угасая, тлеют угли в костре. На болоте ухает какая-то птица. Мы расходимся спать по палаткам.

Утро. Начинаем трудовой день с гимнастических упражнений. Скидок нет никому. Километровая пробежка, умывание, завтрак.

Марине от родителей посылка; Петр Леонтьевич помогает вскрыть ящичек. Теплый свитер, сорочка, не забыта даже губная помада. Это, конечно, старается мамаша. Отец Марины крупный хирург, и ему некогда.

— Что же я буду с ней делать? — Марина показывает помаду. Голос у Марины жалостный.

Петр Леонтьевич закусьивает с дороги. Зина кормит его на славу. Механик и Павел с газетами в руках уже о чем-то спорят. Так и есть — Куба. И вот уже Зина, Андрей и Марина — все прислушиваются к разговору.

Пушистый туман, закрывавший кусты и болото, поднимается, сворачивается, как широченное одеяло.

Я сегодня работаю на грейдере. Машина в порядке, чувствую себя отлично. Андрей с Наташей уже проложили новую борозду.

Бульдозер Павла вдруг встал со всего хода. Павел соскочил и забегал вокруг машины. Что-нибудь с мотором? Нет, мотор работает. Павел забыл сбавить газ: рев стоит такой, что слышно, наверное, в районе. Издали видно, как дрожат створки капота. К Павлу бежит Андрей; бегут Зина и Петр Леонтьевич, бегу и я тоже. Павел показывает нам клинок.

ЭМЭРЭС

53892

Рассказ

Б. РЯБИНИН

Рисунки М. Брусиловского

Тонкий, прямой! Узором покрыла лезвие ржавчина. Все возбуждены. В торфяном пласте виден кусок серой шинели; разгребаем торф руками — не терпится. Еще кусок серого сукна, солдатский башмак, обмотки, буденовка, зажатая в твердом, как камень, кулаке. Большая часть тела под бульдозером. И только теперь замечаем, что машина медленно оседает на левую гусеницу, которая шла по краю канавы. Вибрация от работающего мотора ускоряет оседание. Что делать? Конечно, надо сначала заглушить мотор. Это делает Наташа. Механик через кусты и кочки летит к дизелю, что стоит в упряжке канавокопателя.

— Куда! — кричит Петр Леонтьевич и несется в противоположную сторону, к мастерской.

— Может, задний дать? — возбужденно предлагает Наташа. Нет, задний — нельзя. Сейчас каждое движение бульдозера врежет еще глубже левую гусеницу.

А она оседает. Даже простым глазом это видно. Андрей снимает рубашку и укладывает ее в несколько рядов на плечо, забирается в канаву, упирается плечом в гусеницу, а ногами — в твердое дно. Он проделывает это спокойно, обдуманно. Уперся, и сразу же струйки пота побежали по вздувшимся мускулам.

Помощь идет. Напрямую ломится дизель, ломится по бездорожью быстрее автомашины, грязь клочьями разлетается вверх.

Долго ли продержится Андрей? Вместо мускулов выступают бугры, перевитые жилами. Мы помогаем Андрею. И трос, и дизель — все приготовлено.

— Заходи поровну с двух сторон! — отрывисто командует Петр Леонтьевич.

Напрягаем все свои силы и, помогая дизелю, сдаем бульдозер назад.

В болотах часто, говорят, случается такое. Он лежит перед нами, боец-красногвардеец, молодой, нам ровесник, скуластый и гордый. Гление не тронуло его. Таким мы и представляли героя гражданской войны. Не под Каховкой или Спасском, не в овеянных легендой местах лежит он, а здесь, в болотах. Лежит, будто лег вчера. Значит, в этих краях он был тогда нужнее всего. Он делал самое нужное дело и погиб за него.

Послали нарочного в райком. Шелкает фотоаппарат. Скоро сюда придут люди, много людей. Молчим. И только жаровнонок поет далеко в голубом небе.

Сентябрь на Черноморье красочен и великолепен. Щедроты юга — и в ласке жаркого солнца, точно не желающего признавать, что впереди зима, и в неге вздыхающего украдкой моря, и в яркой пестроте, в ароматах, в многолюдье фруктового базара. Направляясь на пляж, мы обязательно заглядывали туда.

Спелые персики так и манят румянцем своих пушистых щек; раскусишь — и словно мед источает их нежная мякоть; будто изморозь покрыла гроздья иссиня-черного винограда с терпким запахом и вкусом и благозвучным названием «Изабелла»; аккуратными пирамидками разложены яблоки всех сортов, гранаты, груши... Говор покупателей, зазывные выкрики продавцов... Тут же пьют мацони — кислое молоко, тут же пробуют из бочек хванчкару — отличное грузинское вино, не уступающее знаменитым разливам Массандры, за которым знатоки специально ездят в Батуми, тут же шелкают орехи... Все это своеобразно — свое, южное!

Вот там, на базаре, мы и встретили Мишку, сеттера-полукровку с мягкими обвислыми ушами и добрым, грустным взглядом умных карих глаз. Он шатался среди торговых рядов в поисках пищи. Добрые торговцы мясом подкидывали ему и вырубленную косточку, и мясную крошку.

Мишка не имел хозяина и жил подаянием да тем, что удавалось промыслить самому. Удивительно, что его не забирали ловцы бродячих собак. То ли он пользовался снисходительным покровительством, то ли за долгий срок своей безнадзорной, бездомной жизни научился избегать опасности.

Мы с Александром Павловичем Мазориным как-то приласкали Мишку, угостили лакомым кусочком. И с того дня, встретив на базаре, он каждое утро провожал нас до пляжа.

О прошлом собаки рассказал потерявший ошейник, сохранившийся на шее. Когда кто-то из нас обнаружил на нем ржавую жестяную бляшку, на которой можно было разобрать: МРС — и номер: 53892.

МРС — минно-розыскная служба. Мишка был минером, ветераном войны.

Многие собаки, прошедшие со своими вожатыми боевой путь по многим фронтам, демобилизовались и вернулись пос-

ле окончания войны в глубокий тыл. Однако дальнейшая судьба этих собак сложилась по-разному.

Вероятно, Мишка относился к числу неудачников. Он напоминал мне собак, которых я наблюдал в южных и западных районах страны вскоре после освобождения от неприятельских войск. Часто, подъезжая по железной дороге к какому-нибудь городку, я знал, что непременно встречу с животными и не ошибался. К приходу очередного пассажирского поезда собаки — крупные кавказские, южно-русские овчарки — выстраивались вдоль перрона и умоляющими, голодными глазами смотрели на окна вагонов. Пассажиры бросали куски хлеба, проводники выносили остатки еды. Четвероногие нищие были живым свидетельством бедствий войны. Таким живым напоминанием о войне был и наш сеттер — Мишка.

Пес всегда провожал нас до ворот пляжа и получал вознаграждение. Мы благополучно спускались по лестнице вниз, а он, опустив голову, точно в глубокой задумчивости, долго стоял и смотрел нам вслед. На пляж Мишка не заходил: запрещалось, и он знал это.

Появление Мишки вызывало каждый раз прилив воспоминаний у Александра Павловича.

Минувшая фронтовая жизнь вставала

перед глазами. Разве может забыться то время, когда Александр Павлович тоже был минером, точнее, командиром специального подразделения МРС! Именно в эти часы, лежа под палящими лучами полуденного крымского солнца, с газетой на темени, чтоб не напекло голову, я и услышал впервые о том, как овчарка Нерка нашла мину в землянке командующего Армией Западного фронта, как был разминирован в срочном порядке с помощью собак аэродром под Воронежем, как смущенно оправдывались и краснели саперы, когда собаки проверяли их и обязательно находили что-нибудь упущенное ими...

— А что было на Карельском перешейке, когда финны сдавали нам свои укрепления и минные поля! — с увлечением вспоминал Александр Павлович. — Они предъявили свои схемы расположения минных полей, а мы — свои, и наши как будто были точной копией... Они сколько своих людей потеряли, разминировав то, что закладывали сами. А мы с собаками, без единой жертвы, прощупали все в несколько раз быстрее... Вот вам и Шарик да Бобик! Рекордсмен Дик, родом из Ленинграда, отыскал двенадцать тысяч мин. А сколько их на счету у Мишки?

— Будет шторм, — сказал наш сосед, тучный бритоголовый мужчина с облупленной спиной и наклейкой из бумаги на носу. Он поглядывал на белые завитки барашков, появившихся на гребнях волн. Зеркальной гладкости воды уже как не бывало; море с каждой минутой становилось шумнее, все дальше и дальше оплескивая побережье. Оно накатывало, с шипением и бульканьем, как бы угасая,

убегало назад и снова устремлялось вперед, на штурм суши...

На берегу валялось множество медуз. Красивые и почти прозрачные в воде, на суше они выглядели совсем иными — синели и превращались в бесформенные комки слизи.

Медузы, говорят, тоже выплывают к шторму.

— Ну, что ж, шторм так шторм, — философски отозвался Александр Павлович. — Быть у моря и не видеть шторма...

Шторм бушевал всю ночь. Перед сном мы с Александром Павловичем Мазориным прошли по набережной. В море не виднелось ни одного огонька. Воздух был насыщен йодом. Лицо, руки одежда моментально стали влажными, на губах появился привкус соли.

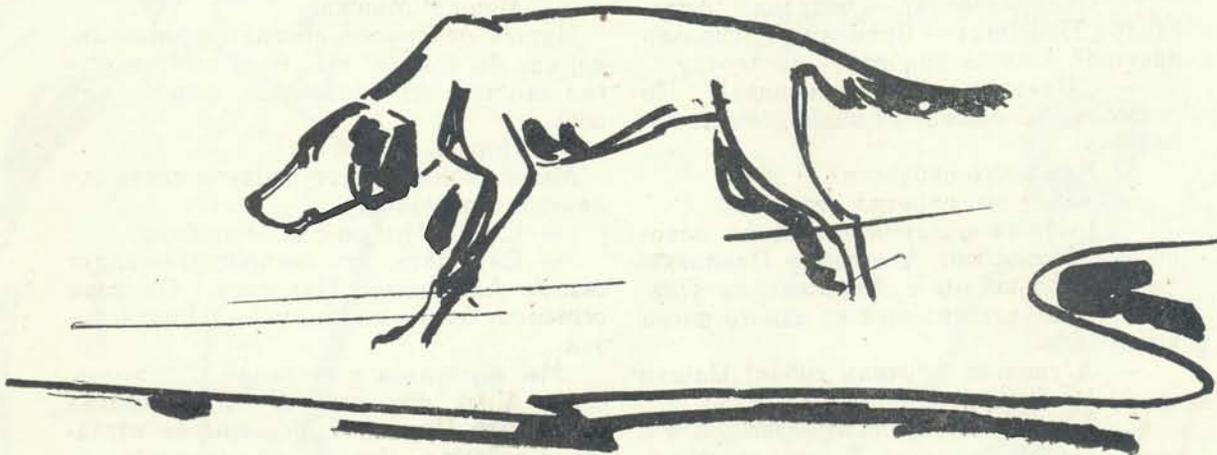
Следующий день выдался сырым, туманным, и мы не пошли на пляж. Бездельничали дома: я — на постели, с книжкой в руках, Александр Павлович писал письма, потом тоже взялся за чтение.

Новое утро не принесло изменения. В это время года у Крымского побережья еще не бывает затяжных штормов, длительного ненастья, но все же могут выдаться два-три тусклых дня.

Мы подождали часов до двенадцати, а потом не удержались и надумали покинуть свою берлогу.

Куда? Ну куда же еще, как не к морю! Ноги сами несут к нему. Пляж был пустынен, хотя море уже начинало успокаиваться.

Мы решили спуститься к воде. Ворота были приоткрыты, дежурная — так как купанье еще не возобновилось — отсут-

ствовала. Вместо нее нас ожидал у входа Мишка! Не встретившись с нами в обычный час на базаре, он отправился искать нас.

— Что, соскучился? — ласково потрепал его Александр Павлович. — Ах ты, рыжий!..

Он обернулся ко мне:

— Возьмем его с собой? Сегодня никого нет, можно...

И Мишка как будто понимал, что раз пляж пуст, можно последовать за нами. Он явно был счастлив возле нас: никто не гонит, не обижает.

Я — плохой пловец. Но Александр Павлович не удержался от искушения и, благо надзор отсутствовал, решил окунуться разок. Пока он купался, я сидел около его одежды, а Мишка бродил по отмели, разнохивал в песке крохотных моллюсков и рачков. Привычка к отыскиванию пищи говорила в нем, по-видимому, даже здесь.

— Александр Павлович!.. Товарищ гвардии майор!.. — донеслось вдруг сверху, когда Мазорин заканчивал одеваться.

Протягивая руки, к нам спешил какой-то незнакомый мне мужчина средних лет.

— Александр Павлович?!

— Жарков?!

Они крепко, по-мужски, обнялись и расцеловались.

— Однополчанин, — представил мне незнакомца Александр Павлович. — Вместе воевали...

— Жарков, Семен Петрович, — отрекомендовался тот, козыряя по-военному. — Находился под командой товарища гвардии майора...

— Подполковника, — поправил Александр Павлович. — Времени-то сколько прошло? Можно прибавить звездочку...

— ...Виноват, подполковника! По гражданской одежде не видно, сам не догадался!

— Как здесь оказался?

— Как и вы, приехал отдыхать!

— Бывший вожатый, старшина взвода, — пояснил мне Александр Павлович.

— Сколько мы с Александром Павловичем солдатских щей из одного котла выхлебали!..

— А сколько обучили собак! Нашли мин?! Не сосчитать!

— Точно: что верно, то верно... А это что — ваша? — показал Жарков на Миш-

ку, который, словно заинтересовавшись этим обменом дружеских восклицаний, подошел и прислушивался к разговору, предварительно обнюхав бывшего старшину.

— Да вот, приبلудился к нам.. Хозяйина нет...

— Видать — смирен?

Жесткой рукой Жарков провел по голове собаки, затем похлопал по боку. Пес несмело вильнул хвостом.

Мы пошли к выходу с пляжа, продолжая говорить про Мишку.

— Взять себе не могу: два кобеля — будут драться, — говорил Александр Павлович, как бы оправдываясь перед сеттером.

Он уже не первый раз заговаривал о том, чтобы как-то пристроить Мишку. Жалко: заслуженный пес — а не при месте! Взят бы сам, но после Альфа, своей предыдущей собаки, привезенной с фронта и околевшей от старости и несварения желудка, Мазорин уже успел приобрести нового пса — Фая... Два самца действительно станут грызться; у меня дома тоже была овчарка и тоже мужского пола.

— А где он? — хватился Александр Павлович.

За разговором мы не заметили, как Мишка отстал.

— Да вон...

— Что он там застрял?

— Видали — расселся?!

Мишка и в самом деле этак основательно, как отдыхающий курортник, в полном одиночестве сидел недалеко от места, где только что были мы.

— Должно быть, не налюбовался морем! — пошутил я.

— Мишка! Мишка!

Мишка оглянулся виновато-просительно, как бы говоря: «Не могу я...», подергал хвостом, но продолжал сидеть, как пень.

— Пошли, догонит...

Мы поднялись по ступеням и снова оглянулись на Мишку.

— Сидит! Что он там — присох?

— Слушайте, это неспроста! — вдруг сказал Александр Павлович. Он стал серьезен, брови хмурились. — Пошли назад...

Мы вернулись к лестнице.

— А он все сидит... — пробормотал Александр Павлович, не отрывая взгляда от собаки. — Что бы это значило?

Внезапно выражение лица его изменилось.

— Понял! Мина! Ах ты, мой дорогой!.. Он же бывший минер, эмэрэс! И как я сразу не сообразил?! Мина!

Да полно, не ошибается ли Александр Павлович? Откуда здесь мины? Война окончилась уже столько лет назад...

Войны нет давно, это верно; но сколько еще после ее окончания пришлось потрудиться минерам, отыскивая распаханные там и сям вражеские взрывающиеся ловушки. Ведь Крым был оккупирован немцами. Отступая, они минировали все. Только стремительное наступление наших войск спасло от разрушения и гибели великолепные дворцы-здравницы южного побережья. Потом наши саперы прощупали каждый метр земли, они очищали от мин побережья, парки и пляжи, но вероятность какого-то недогляда, пусть самого ничтожного, остается...

— Мишка! Дорогой! Неужели...

Пес ответил легким повизгиванием. Мы были уже около него.

— Что будем делать?— спросил Александр Павлович.

— Надо поставить в известность администрацию парка и пляжа,— сказал я.

— Подождите, Александр Павлович,— потирая лоб, проговорил Жарков.— Я, думаю, еще не дисквалифицировался. Сколько я их добыл за четыре года...— И он стал засучивать рукава рубашки.

Александр Павлович не возражал.

— Отойдите на всякий случай,— предупредил Жарков.

Мы закрыли ворота пляжа. Я был поставлен там на караул. Александр Павлович стал помогать бывшему старшине.

Жарков распластался на пляже и перочинным ножом стал осторожно подрывать песок около ног Мишки. Секунды текли, как годы. Казалось, это ожидание не кончится никогда...

И вот на песок легла круглая, как коробка из-под киноленты, обросшая ржавчиной мина. Жарков разрядил ее.

— Одна? А может, есть еще?

— Надо проверить...

— Мишка! Мины! Ищи!

И Мишка, ведя за собой старшину, проделал на пляже поиск по всем правилам минно-розыскного искусства.

Мина была одна. Очевидно, какой-нибудь фриц, убегая, ткнул ее в берег. Потом мину замыло песком, вот она и лежала столько лет, не срабатывая от тяжести одного человека. А может быть она не взрывалась потому, что была глубоко. Минувший шторм почти обнажил ее, но не настолько, чтобы ее могли заметить сразу. И, стало быть, кто-то был обязан Мишке жизнью.

— Я ведь тоже собирался здесь искупаться,— проговорил Жарков, когда все было кончено.

Он каким-то новым взглядом окинул Мишку, который, заглядывая нам в глаза, жался у наших ног, притянул его к себе, громко чмокнул в голову и заявил:

— Беру!

КАЛЕНДАРЬ „УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“

15(3) января 1801 года родился географ, путешественник Э. К. Гофман. Его исследовательские путешествия по Уралу внесли большой вклад в изучение нашего края.

22(9) января 1916 года рабочие-мартеновцы Сысертского завода явочным порядком ввели в своем цехе 8-часовой рабочий день.

10 января 1871 года (29 декабря 1870 года) учреждено Уральское Общество любителей естествознания — первая самодеятельная организация краеведов Урала.

16(3) января 1916 года умер И. Н. Глушков, основоположник теории бурения. Его книга «Руководство к бурению скважин» в 4 частях, вышедшая в 1909 году, была первым в мире теоретическим трудом по бурению скважин. И. Н. Глушков родился в семье сталевара в городе Усолье в 1873 году.

19(8) января 1702 года Невьянский завод выдал первое железо. В том же году завод из казны был передан тульскому заводчику Никите Демидову с наказом изготовлять пушки, мортиры и другое оружие и воинское снаряжение. В связи с этим к заводу прирезали земель на 30 верст во все стороны вместе с деревнями и их жителями.

КРУПНЕЙШИЙ В ЕВРОПЕ

Рядом с Камской ГЭС, на правом возвышенном берегу Камы, в сосновом бору, на много километров раскинулся Камский комбинат. 17 января 1959 года в подарок XXI съезду КПСС строители сдали в эксплуатацию корпус шахтного кабеля, площадью в 20 тысяч квадратных метров.

Комбинат будет состоять из кабельного и изоляторного заводов. Рядом, в красивом сосновом бору, растет новый город. За годы семилетки будет построено 400 тысяч квадратных метров жилой площади (в дореволюционной Перми было всего 390 тысяч квадратных метров жилой площади). Уже построены Дворец культуры, Парк культуры и отдыха, больничный городок, школы, кино, банно-прачечный комбинат. Поселок теплофицируется от собственной ТЭЦ и газифицируется.

ССЫЛЬНЫЙ БАТАЛЬОН

В январе 1821 года по Сибирскому тракту по территории Пермской губернии прошел в ссылку в Сибирь сводный батальон Семеновского гвардейского полка в составе 450 человек.

Семеновский полк, сформированный еще при Петре I в 1687 году, 16 октября 1820 года восстал против жестокой муштры и бесчеловечного обращения командира полка Шварца. Восставшие отказались повиноваться своим командирам, потребовали отстранения Шварца и офицеров из дворян, избрания вместо них «из своего брата солдата». Восставшие распространяли воззвание о борьбе против помещиков и царя.

Восстание было подавлено. Зачинщиков прогнали сквозь строй, оставшихся в живых сослали на каторгу. Полк был расформирован и вскоре создан заново из солдат гренадерских полков.

450 человек сводного батальона в морозную, страшно снежную зиму строем шли в Сибирь. Шестого января были в Перми, 26 — в Екатеринбурге. Очевидцы писали: «Беспорядков никаких. Что за люди!» Несмотря на запугивание, население сердечно встречало «бунтовщиков».

Гвардейцы выступили из Петербурга 7 ноября 1820 года, а на Нерчинский рудник прибыли 1 июля 1821 года, находились в пути около 8 месяцев.

5 января 1936 года вступила в строй Средне-Уральская ГРЭС (под Свердловском).

6 января 1936 года — пуск Орского нефтеперерабатывающего завода имени Чкалова.

8 января 1921 года — день официального открытия Уральского государственного университета имени Горького.

8 января 1920 года ликвидирован Восточный фронт.

8 января 1928 года прибыл в Свердловск В. В. Маяковский.

17 января 1918 года Оренбург — главный оплот дуготцев — взят сводно-уральскими отрядами красногвардейцев.

21 января 1930 года открылась прямая телефонная связь между Свердловском и Москвой.

26 января 1931 года опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о строительстве Магнитогорского металлургического комбината. Через год — 31 января 1932 года — была задута первая доменная печь.

27 января 1921 года в Свердловске (тогда Екатеринбург) при участии А. Алехина организован шахматный кружок.

ПОЛКА УРАЛЬСКОГО КНИЖНАЯ СЛЕДОПЫТА

БУДЕТ ИЗДАНО

В СВЕРДЛОВСКЕ

В 1961 году Свердловское книжное издательство выпустит много полезных книг для молодежи.

Для тех, кто впервые пришел на производство, кто только еще выбирает себе профессию, будет издаваться серия брошюр «Для тебя, молодой строитель коммунизма!». Опытные рабочие, мастера расскажут молодежи о своей специальности, о том, как увлекательна их работа, как они борются за досрочное выполнение семилетки. Со своими книжками выступают прокатчик ВИЗа Герой Социалистического Труда Н. Черных, старейший проходчик Североуральских бокситовых рудников лауреат Сталинской премии Н. Минзарипов, знатный слесарь-лекальщик Уралмашзавода А. Чугунов и другие.

Любознательным читателям адресована книжка профессора А. А. Малахова «Миражи Тургая». В этой увлекательной повести ученый рассказывает о новых теориях, связанных с древней историей Земли, и страшных чудовищах, миллионы лет назад населявших ее.

О сплавах, соперничающих по своей твердости с алмазом, о том, как их получают, читатель узнает из книжки В. А. Чурина «Соперники алмаза». Какие яркие звезды и созвездия можно видеть на небе Урала? Всегда ли в наших широтах сияли знакомые нам светила? На эти и многие другие вопросы читатели найдут ответ в брошюре З. Н. Шукстовой «Звездное небо над Свердловском».

Пополнится библиотечка и наших туристов. Они получат, например, следующие книги: «Путеводитель-справочник по Свердловску», «Исторические памятники и исторические места Свердловска и области», «Спутник туриста» А. А. Арзамасцева.

Краеоведам пригодятся книги о городах нашей области: Камышловое, Алапаевске и Первоуральском новотрубном заводе.

Очерки Г. Бабакова, печатавшиеся в «Следопыте», выйдут отдельной книгой — «В краю кедра и соболя». Несомненно, заинтересуют туристов-краеведов и книга инженера В. Головка «Вдоль берегов уральских рек» и сборник рассказов, очерков и стихов самих уральских следопытов «Зовут дороги дальние...»

Обширен план издательства по разделу художественной литературы. Из книг, предназначенных молодому читателю, стоит упомянуть о повести И. Акулова «Варнак» — о молодежи, приехавшей по комсомольскому призыву работать в леспромхоз; о сборнике рассказов О. Корякова «Вождь племени йескелов»; о книжке Б. Дижур «Фонарь земли», в которой рассказывается о богатстве недр Урала; о приключенческой повести Г. Михайлова «Тайна рубина»; повести С. Наумова «Вождь браконьеров».

СПУТНИК СЛЕДОПЫТА

Карта — верный друг и спутник следопыта родного края. Для приезжего туриста карта — необходимейший путеводитель. В кармане рюкзака, в полевой сумке путешественника вы неизменно найдете то свернутую гармошкой административную карту области, то сделанную от руки выкопировку карты нужного района, то фотокопию какой-нибудь случайной карты-схемы. Нередко поэтому, что такая случайная, непроверенная, устаревшая карта путала неопытных туристов, вводила их на ложный путь.

А между тем, года два назад вышла в свет специальная туристская карта «Урал» — прекрасный путеводитель по нашему краю. Большой лист, размером 105×54 см занят с одной стороны многокрасочной картой Урала (охватывает территорию примерно от 50° до 65° сев. шир. и от 55° до 65° вост. долг.). Тут же, сбоку, помещены краткие сведения о более чем 120 примечательных туристских объектах Свердловской, Пермской, Челябинской, Оренбургской областей, Башкирской АССР и Коми АССР. На оборотной стороне листа — физико-географический очерк об Урале, сведения об истории края, список рекомендуемой туристу литературы.

Масштаб карты: 1:1750 000 (то есть в 1 см 17,5 км). Это вполне достаточно для того, чтобы на листе поместились даже небольшие населенные пункты, маленькие речки, основные пути сообщения. Условными знаками на карте помечены туристские объекты — историко-революционные, военно-исторические, археологические и архитектурные памятники, места жизни и деятельности замечательных людей, места распространения народных промыслов, музеи, туристские базы и лагеря, характерные памятники природы.

Карта составлена и оформлена Главным управлением геодезии и картографии МВД СССР и напечатана на Минской картографической фабрике. Текст составлен опытной свердловской туристкой, преподавателем пединститута Р. Б. Рубель. Цена карты вполне доступна любому туристу — 3 рубля (с 1 января 1961 года — 30 копеек).

Все хорошо в этой карте, крайне нужном туристам путеводителе по нашему краю. Плохо одно — очень небольшой тираж ее. 10 тысяч экземпляров. Найти ее в продаже сейчас очень трудно. Надо обязательно переиздать ее большим тиражом.

А. ПОХОДОВ

ЯНВАРЬ 1961 ГОДА

ПРИЗ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» ВРУЧЕН КРАСНОТУРЬИНЦАМ

Они хотят удержать его надолго

Термометр показывал 33° ниже нуля. Но это не помешало читателям и друзьям нашего журнала в городе Краснотурьинске прийти на встречу, организованную во Дворце культуры.

Более 200 человек заполнили главный зал дворца. На сцене выстроились победители в борьбе за переходящий приз «Уральского следопыта».

Представитель журнала вручил капитану команды переходящий приз. Принимая приз, П. Смольников заявил, что краснотурьинские следопыты не собираются расставаться с ним.

А затем читатели журнала —

Нагибин, фотокорреспондент, Матросова, работник музея, Махорин, слесарь завода железобетонных изделий, Белянкин, руководитель клуба «Юных следопытов», Рывкин, директор школы, Старцева, заведующая консультационным пунктом техникума торговли, учащиеся Шмидт, Кошелев, Хамеева, Смольников — высказали свое мнение о журнале, дали редакции много хороших советов, как улучшить оформление и подачу материалов в журнале, расширить его тематику.

*Краснотурьинск
20 декабря 1960 года*

СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА

При Областном клубе туристов с 1 января 1961 года работают юношеские секции: туристов-краеведов, спелеологов, велотуристов. Юноши и девушки углубляют свои знания по краеведению, туристской технике, готовятся к увлекательным походам по родному краю. Занятия ведут на общественных началах опытные инструкторы, туристы-разрядники, мастера спорта.

Интересно проводят свои каникулы туристы Уральского политехнического института. Они организовали передвижной туристский лагерь, в который пригласили туристов Перми, Воронежа, Казани. За время пребывания в лагере гости и свердловчане посетят Нижне-Сергинские пещеры, совершат экскурсию на уральские заводы, обследуют малоизвестный памятник природы — пещеру Сказ.

Туристы города Нижнего Тагила оборудовали туристскую базу на станции Анатольской, взяли под охрану памятники природы, зеленые насаждения вокруг базы.

Ученики десятого класса Мишкинской одиннадцатилетней школы, Курганской области, в подвале одного из домов обнаружили свертки. В нем оказался первый номер ленинской «Искры». По рассказам старожилов, в подвале, где нашли газету, когда-то находилась подпольная типография.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

Друзей у «Следопыта» в Челябинске много. На читательской конференции, проходившей 25 декабря 1960 года в Публичной библиотеке, выступали работники пединститута, учителя средних школ, юристы, железнодорожники, пенсионеры, десятиклассники.

«Краеведческий отдел в «Следопыте» больше занимается прошлым, чем сегодняшним днем», — сказал кандидат экономических наук Альброт.

«Надо, чтобы журнал о современных рассказывал так же интересно, как о героях гражданской войны... Ждем от журнала помощи и в туристической работе», — говорила работница областной Челябинской туристической станции Леонова.

Жаловались челябинцы и на то, что Южный Урал представлен на страницах «Следопыта» меньше, чем Северный и Средний.

На другой день члены редколлегии «Уральского следопыта» встретились в областной детской библиотеке и с юными читателями. Здесь, как и на конференции в Публичной библиотеке, выступавшие жаловались на то, что в городе и области трудно подписаться на журнал или купить его в розничной продаже.

ЛУЧШЕ ОХРАНЯТЬ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

Исполком Свердловского областного Совета депутатов трудящихся принял решение «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в Свердловской области».

В постановлении отмечается, что на учет и государственную охрану в пределах Свердловской области взято более 100 памятников археологии, истории и искусства. В частности, такие как Невьянская башня и Верхотурский комплекс зданий XVII—XVIII веков, замечательные гидротехнические сооружения XVIII века — Ушковская канава в окрестностях Нижнего Тагила и плотина Ревдинского пруда, а также дома декабристов в Туринске, ряд зданий в Тагиле и Свердловске, связанных с жизнью и деятельностью замечательных русских писателей Д. Н. Мамина-Сибиряка и П. П. Бажова, и многие другие.

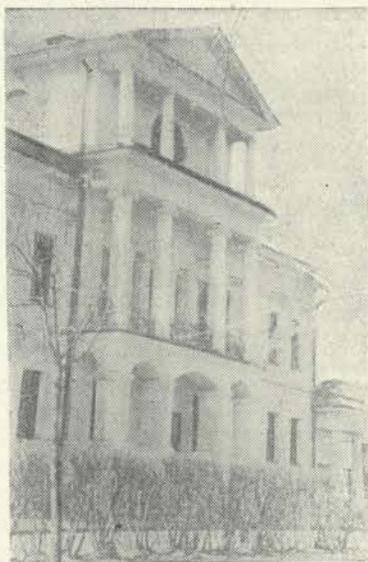
Вместе с тем, как отмечает постановление, и в некоторых городах и районах области охране памятников культуры не придается должного значения, памятники не поддерживаются, ветшают, подчас разрушаются. Печать, радио, телевидение,

кино, а также общество по распространению политических и научных знаний мало популяризуют памятники.

Исполком облсовета установил, что полную ответственность за сохранность памятников культуры несут городские, районные, поселковые и сельские Советы депутатов трудящихся, а за памятники, используемые предприятиями, учреждениями и организациями, — руководители этих последних.

Для того чтобы привлечь к делу охраны памятников население, при всех Советах депутатов трудящихся создаются комиссии содействия охране памятников культуры. Образована комиссия по охране памятников при областном управлении культуры.

Редакция журнала «Уральский следопыт», выполняя решение облисполкома, с этого номера начинает пропаганду памятников В. И. Ленину, установленных на территории нашей области, так и других областей нашего края — Урала. На стр. 17 смотри об этом корреспонденцию А. Александрова.

Первая краеведческая

24 декабря 1960 года в Сысерти прошла первая районная краеведческая конференция. Делегаты ее прослушали и обсудили интересные доклады о ландшафте и климате Сысертского района, о природных богатствах и охране природы, об историческом развитии и экономике района.

В работе конференции приняли участие ученые, краеведы, геологи, преподаватели, работники музеев области, представители общественных организаций. Выбран районный Совет краеведения, председатель его — заместитель председателя райисполкома тов. Локшанов.

Делегаты конференции наметили большой план мероприятий по развитию краеведческой работы в Сысертском районе.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО — РУКОВОДИТЕЛЬ КРАЕВЕДОВ

Ученый совет Географического общества СССР принял решение о дальнейшем развитии деятельности общества. Общество объединяет около 10 тысяч членов, главным образом научных работников, преподавателей вузов и средних школ.

Теперь деятельность общества значительно расширяется. Огромная армия краеведов-любителей и знатоков истории и географии своего края практически еще не организована. Между тем она ведет работы, важные для глубокого географического познания нашей Родины и ее исторического прошлого, всестороннего использования местных природных богатств. Географическое общество решило взять на себя научно-методическое руководство всем массовым движением советских краеведов.

О НАШЕМ ФОТОКОНКУРСЕ

В прошлом году редакция «Уральского следопыта» проводила фотоконкурс. В нем приняло участие более пятисот фотолюбителей, фотокорреспондентов.

Часть снимков уже опубликована в журнале, многие будут напечатаны в этом году. Жюри рассмотрело присланные фотографии и решило первую и вторую премии никому не присуждать. А две третьих премии присуждены фотолюбителям Николаю Романову и Николаю Белянкину. Десять наших читателей получили поощрительные премии. Среди них старейшие фотокорреспонденты Л. М. Сурин, И. Н. Тюфяков, И. А. Шубин, фотолюбители Г. Касьянов, Ю. Миронов, В. Шевелев, П. Владимиров, М. Верзилов, В. Стадников, Г. Лукьянов. За активное участие в фотоконкурсе 27 человек награждены значком активиста журнала «Следопыт».

В СИВИНСКОМ районе, Пермской области, по территории сельских Советов — Зотинского и Екатеринбургского — протекает небольшая речушка. Татары, жившие здесь еще в XVI столетии, называли ее *Алкын*, что означает холодное золото. Русские же стали звать речку *Алтын*, очевидно, потому что на Руси в то время так называлась монета в три копейки.

Но почему татары звали речку *Алкын* — холодное золото?

История с холодным золотом в Сивинском районе оказалась очень любопытной.

В 1683 году пермитин (пермитинами звали всех выходцев из Чердыни) Кожевников по грамоте русского царя Михаила Романова получил в собственное владение леса по реке Сиве. Места значились пустопорожними, и владение ими было установлено очень льготное. Но когда Кожевников с небольшой группой крепостных стал устанавливать границы своего владения, то оказалось, что земли не пустопорожние, а заселены и довольно большими поселками татар, выходцев из Казани, бежавших оттуда после присоединения города к Московскому государству в 1552 году.

Татары жили оседло, занимались сельским хозяйством и охотой. Никому податей не платили и вели обширный торг пушниной, вывозя ее на Волгу и даже на Студеное море (так называлось раньше Белое море).

Нового владельца с небольшой дружиной татары встретили дреколем. Видя, что выгоды от приобретения земель не получить, Кожевников пошел на хитрость. Он явился к Строганову, при содействии которого и купил эти земли, и заявил, что по притокам Большой Сивы им найдено золото, но, не имея вооруженных людей, он не может доставать этот металл.

Необходимо заметить, что золотых месторождений в те времена в России не знали. Первое золото в России было найдено Ерофеем Марковым в Шарташской даче, около Екатеринбурга (ныне Свердловска) только в 1745 году, то есть более ста лет спустя.

Строганов, жадный до наживы, снарядил большой вооруженный отряд, и по указанию Кожевникова в татарском поселении на безымянной речке начали примитивным способом промывать землю. Действительно, вскоре намыли несколько золотишков золота, и даже был найден самородок весом 48 золотишков. Строганов радовался успехам. По его распоряжению, территорию оградили частоколом, а татарское население изгнали. Большинство жителей, которые знали о находке золота, были истреблены целыми семьями.

Однако золото скоро иссякло, и его больше не оказалось. Сам Кожевников, получив приличную сумму денег за проданные земли, скрылся. Строганов заподозрил неладное и распорядился найти Кожевникова живым или мертвым. Через несколько лет его поймали где-то в верховьях реки Вишеры, доставили в Чусовские Городки, где в присутствии Строганова «с пристрастием» допросили.

Кожевников под пытками показал, что золота по Малой Сиве нет, а он, «сатаной совращенный, чтобы продать Сивинские леса, от которых выгоды не имел, привез золото с реки Вишеры и насыпал в места, им

позднее указанные». Неудачливый заявитель просил Строганова не лишать его живота, то есть не убивать, обещая указать на Вишере места, где действительно есть золото, и чудь местная (так называли народы Прикамья) достает его в больших количествах. Но строгановские приказчики перестарались, пытая Кожевникова, и он, не дойдя до золотых мест на Вишере, «божьей милостью помре».

Однако и местное население, и приказчики Строганова продолжали поиски золота еще продолжительное время. Строганову много раз доставлялись камни с блестящими вкрапинами. Это был халькопирит (медный колчедан), блеск которого нередко вводил в заблуждение даже опытных рудознатцев того времени.

Вот татары и прозвали безымянную речку, где находили медный колчедан, — холодное золото — алкын.

А. К. ШАРЦ

В прошлом году в «Следопыте» печаталось много материалов об охране родной природы. Наши читатели, друзья журнала и авторы его приняли активное участие в разговоре на эту тему, помогли советами и делами. Одни пошли в поход по 60-му меридиану, другие помогли собрать материалы о памятниках природы, которые необходимо взять под охрану, третьи организовали у себя «зеленые дружины», четвертые клеймили позором браконьеров и вредителей природы...

Президиум Центрального Совета Всероссийского общества содействия охране природы и населенных пунктов наградил журнал «Уральский следопыт» за эту работу почетной грамотой. Вот она, эта грамота, которая по праву принадлежит всем друзьям нашего журнала, всем следопытам Урала, заботящимся об охране природы родного края.

Главный редактор В. Очеретин. Зам. главного редактора Л. Неверов. Редколлегия: В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (ответственный секретарь журнала), Ю. Курочкин, А. Малахов, К. Рожественская, Г. Томилов, В. Шустов.

Адрес редакции: Свердловск, ул. Малышева, 24; телефон Д1-22-40. Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Асс. Технический редактор Э. Максимова. Обложка В. Жабского.

Подписано к печати 4/II 1961 г.

Бумага 84×108/16=2½ бум. листа. 8,2 печ. листа.

10,37 уч.-изд. листов.

НС 23577.

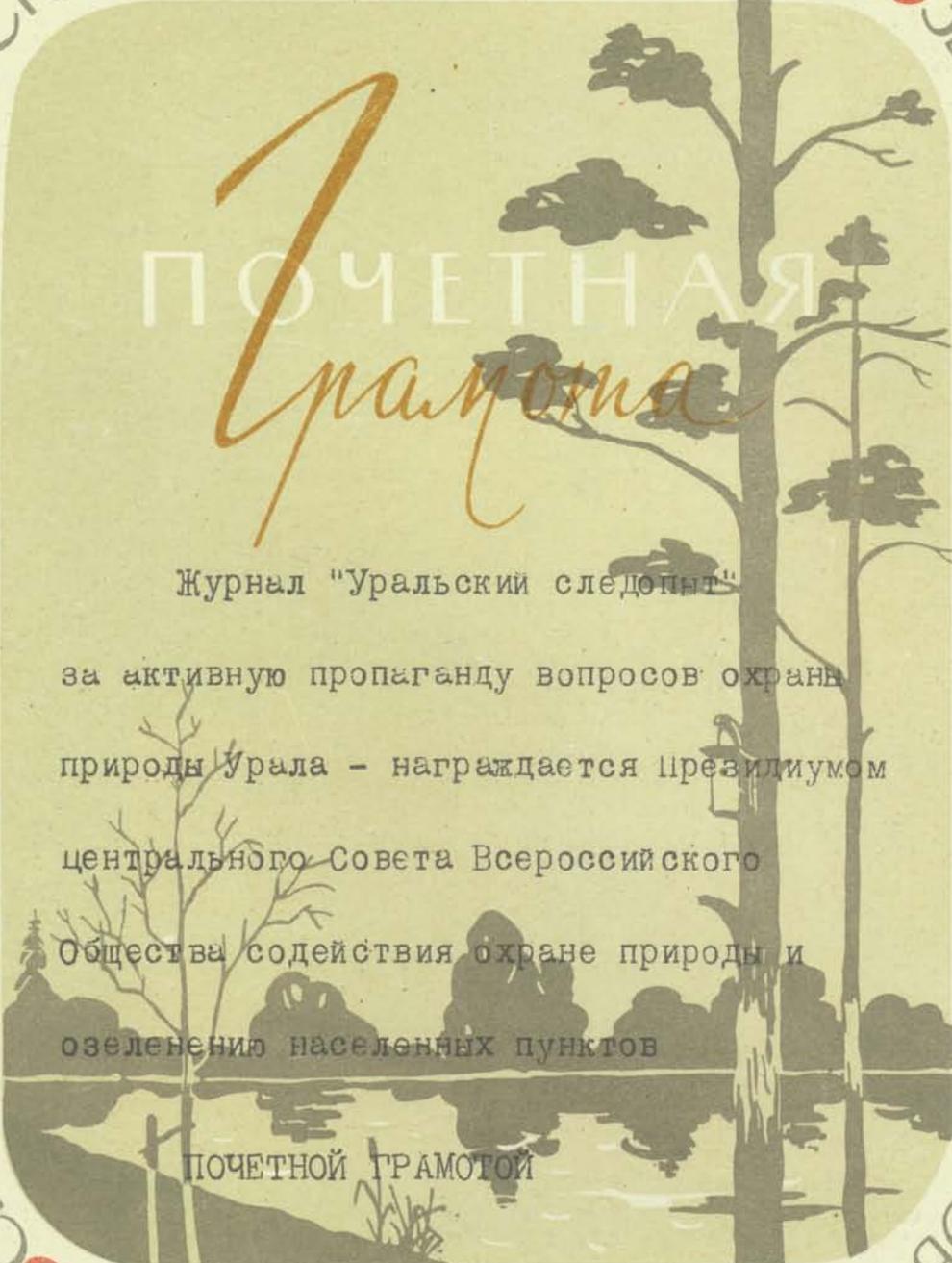
Тираж 80 000.

Цена 30 коп.

Заказ 555.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. им. Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

ОБЩЕСТВО СОДЕЙСТВИЯ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ И ОЗЕЛЕНЕНИЮ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО

ПОЧЕТНАЯ
Грамота

Журнал "Уральский следопыт"

за активную пропаганду вопросов охраны
природы Урала - награждается Президиумом
центрального Совета Всероссийского
Общества содействия охране природы и
озеленению населенных пунктов

ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ

Зам. Председателя Президиума

Центрального Совета

/Д. Проферансов/

Ученый секретарь,
кандидат с-х наук

/Е. Колесников/

28 сентября 1960г.

30 коп.

